Герберт Джордж

УЭЛЛС

H. G. Wells

БУДУЩЕЕ НАШЕГО МИРА:

процветание или гибель?

С ПРЕДИСЛОВИЯМИ ПРОФЕССОРА В.Ю. КАТАСОНОВА

Annotation

В книгу вошли две удивительно актуальные в наши дни публицистические работы Г. Уэллса – «Новый мировой порядок» (1940) и «Разум на конце натянутой узды» (1945). Писатель и мыслитель, встречавшийся с властителями мира – В.И. Лениным, И.В. Сталиным, Ф.Д. Рузвельтом – и ужаснувшийся новой мировой войне, Уэллс решился дать человечеству свой либеральный рецепт спасения и процветания, а также уберечь мир от роковых ошибок. Этот рецепт, в котором важнейшее значение отведено ликвидации государственных суверенитетов, идеально вписывается в программу нынешней «Великой перезагрузки», разработанной «хозяевами денег» и недавно озвученной Клаусом Швабом, президентом Всемирного экономического форума в Давосе. На примере вполне искреннего, «классического» интеллектуала Уэллса читатель увидит глубокую специфику западного менталитета, благими намерениями которого мостится дорога отнюдь не в «светлое будущее». И сам Уэллс в своей последней работе «Разум на конце натянутой узды» провидел гибель мира, а не процветание, и даже просил себе такую эпитафию: «Я предупреждал вас! Проклятые вы дураки!»

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Герберт Джордж Уэллс
Будущее нашего мира: процветание или гибель?

С предисловиями профессора Валентина Катасонова

Перевод с английского: Алексея Биргера

Предисловие к книге Герберта Уэллса «Новый мировой порядок»

Валентин Катасонов

Термин *«Новый мировой порядок»* (НМП) стал неотъемлемой частью лексикона современных политиков, дипломатов и журналистов. К нам в Россию он пришел как перевод с англоязычного словосочетания: *New World Order.*

Но вот откуда взялся термин, кто его придумал и ввел в оборот? Некоторые историки и политики полагают, что обозначение НМП появилось на Большой печати США, которая была утверждена в 1782 году Континентальным конгрессом и которая до сих пор является официальной государственной эмблемой Соединенных Штатов Америки. Большая печать – двусторонняя. На одной стороне печати – всем хорошо известный орел, который считается гербом США. А на другой изображена пирамида (откровенно масонская символика), внизу размещена надпись на латинском: *«Novus ordo seclorum».* Кстати, оборотную сторону печати с этой надписью можно увидеть на однодолларовой купюре. Но если переводить надпись точно, то получается: *«Порядок нового века (новой эры, новой эпохи)».* Похоже на НМП, но все-таки буквального совпадения нет.

По смыслу идея НМП присутствует еще в документах масонов, иллюминатов, оккультистов, Общества Круглого стола и других тайных организаций, которые разрабатывали планы установления своей власти над миром. Идею НМП усматривают в книге *Збигнева Бжезинского* «Между двумя веками: Роль Америки в эру технотроники» (1970). Но именно идею, а не сам термин.

Неожиданно в 90-е годы термин «New World Order» заполонил англоязычные средства массовой информации, а затем быстро перекочевал и в другие языки, в том числе русский. Некоторые объясняют это появлением в 1991 году на книжном рынке книги американского медиамагната, политика и евангелиста *Пата Робертсона* (Pat Robertson), которая так и называлась: *«The New World Order»* и которая моментально стала бестселлером. Впрочем, почти в

это же время вброс термина НМП сделал тогдашний президент *Джордж Буш-старший* (1989–1993). 11 сентября 1990 года (примечательно: ровно за 11 лет до известных событий в Нью-Йорке), выступая в Конгрессе США, он объявил о том, что человечество переходит к «новому мировому порядку» (на фоне начавшегося развала СССР и завершающейся «холодной войны»). Так что наиболее въедливые и дотошные историки и политологи приписывают появление в политическом словаре словосочетания «Новый мировой порядок» Пату Робертсону и Джорджу Бушу-старшему.

Но они не правы. Термин НМП появился за полвека до этого. И авторство принадлежит известному английскому писателю *Герберту Джорджу Уэллсу* (1866–1946). Русскоязычный читатель с Уэллсом знаком в основном по произведениям научно-технической фантастики – романам «Машина времени», «Человек-невидимка», «Война миров», «Первые люди на Луне», «Война в воздухе», «Облик грядущего» и др. Но Уэллс работал и в других жанрах: писал реалистические, бытовые романы, повести и рассказы; научнопопулярные книги; произведения для детей; автобиографии; киносценарии.

И, как мне кажется, во второй половине своей творческой жизни Г. Уэллс основное внимание уделял темам и работам, которые трудно назвать «художественной литературой». Это различные эссе философского и социально-политического характера. И с этой стороной творчества английского писателя наш читатель практически не знаком, ведь на русский язык они почти не переводились. Исключением стала работа 1928 года *«Открытый заговор» (The Open Conspiracy)*. Она была переведена на русский язык и вышла в 2021 году[1].

А вот другие наиболее известные (для англоязычной читательской аудитории) работы Уэллса этого жанра: *«Что мы творим со своими жизнями?» (What Are We to Do With Our Lives? – 1931); «Труд, богатство и счастье рода человеческого» (The Work, Wealth, and Happiness of Mankind – 1932); «После демократии» (After Democracy – 1932); «Анатомия разочарования» (англ. The Anatomy of Frustration – 1936); «Мировой мозг» (World Brain – 1938); «Судьба Homo Sapiens» (The Fate of Homo Sapiens – 1939); «Новый мировой порядок» (The New World Order —1940); «Покорение времени» (The Conquest of Time – 1942); «Перспективы для Homo sapiens» (The Outlook for Homo Sapiens*

– 1942); «Новые права человека» (The New Rights of Man – 1942); «Разум на конце натянутой узды» (Mind at the End of Its Tether – 1945).

Как вы видите, в приведенном перечне работ одна называется *The New World Order.* Думаю, нет никаких сомнений, что именно английского писателя следует считать автором термина НМП. Но почему же термин не стал использоваться после его вброса Уэллсом? – Не пришло время. Оно наступило лишь полвека спустя. Уэллс, если так можно выразиться, опережал свое время. Но поскольку английский писатель опережал свое время по многим вопросам, то, наверное, есть смысл познакомиться с мыслями писателя в сфере геополитики и социальных отношений. Не все из того, что предсказывал Уэллс, еще исполнилось.

Вот по этой причине мы и решили перевести и предложить российским читателям книгу Герберта Уэллса *The New World Order,* которая писалась более восьмидесяти лет назад. Тем более что только что изданная книга «Открытый заговор» вызвала большой интерес со стороны читательской аудитории.

Попытаюсь изложить кратко некоторые мысли, которые возникли у меня при чтении предлагаемой книги «Новый мировой порядок».

Во-первых, большая часть идей Герберта Уэллса в том или ином виде уже была сформулирована в предыдущих работах писателя. В той же работе «Открытый заговор», первое издание которой появилось за 12 лет до «Нового мирового порядка». И назвать это «переливанием из пустого в порожнее» или банальной графоманией язык не поворачивается. Видно, что писатель искренне переживает за судьбы свой родины – Англии и всего человечества. Маячащие на горизонте угрозы и вызовы не дают Уэллсу покоя. Он уже мало занимается художественной литературой. Видимо, надлом в мировоззрении писателя произошел в результате такой глобальной трагедии, как Первая мировая война. От прежнего его оптимизма, базирующегося на вере в неограниченные возможности науки и техники сделать мир лучше, почти не осталось и следа. Все его внимание заточено на «спасении человечества».

В каждой следующей работе тревога писателя нарастает, градус эсхатологических предчувствий повышается. В «Новом мировом порядке» он намного выше, чем в том же «Открытом заговоре». А как же ему не повышаться, если на момент завершения работы над

«Новым мировым порядком» в Европе уже разгоралось пламя новой мировой войны? Правда, истинных масштабов мировой бойни в конце 1939 года Уэллс пока не представлял. Еще более драматично возможные картины будущего писатель рисовал в последующих работах – таких как *«Перспективы для Homo Sapiens»* и особенно *«Разум на конце натянутой узды».* И в них он также излагает свои предложения по спасению человечества, но делает это с многочисленными оговорками о том, что попытки построения нового мирового порядка могут оказаться неудачными. Шансов на успех в планах писателя с каждым годом все меньше, шансов на провал все больше. Что ж, надо отдать должное честности Герберта Уэллса: его нельзя заподозрить в приукрашивании как настоящего, так и будущего.

Во-вторых, немалую часть идей, высказываемых писателем, можно назвать утопиями, фантазиями и наивными мечтаниями. Причем часть таких фантазий можно условно назвать «благими намерениями», которые никогда не могут быть реализованы на нашей грешной Земле. А другую часть, как мне представляется, следует назвать мечтаниями, которые могут привести человечество и особенно тех, кто эти мечтания будет стремиться воплотить в жизнь, в то место, которое называется «ад». Некоторые картины будущего, рисуемые Уэллсом, правильнее назвать не утопиями, а антиутопиями. А то «светлое будущее», которое писатель называет «новым мировым порядком», правильнее назвать ироническим выражением *«дивный новый мир»* из одноименного романа английского писателя *О. Хаксли* (1932 год).

В-третьих, часть идей Герберта Уэллса вполне здравы. Их практическое внедрение в жизнь возможно даже в сегодняшних непростых условиях. По крайней мере, они выглядят как «аксиомы», которые человечество, находящееся под информационным колпаком мировой закулисы, стало забывать и перестало понимать. Например, аксиома, согласно которой эффективное решение любых национальных и международных проблем следует начинать с образования. И наоборот, разрушение образования (или подмена его суррогатами типа тех, которые предлагает, например, *Герман Греф)* еще более усугубляет кризис общества и приближает «последние времена».

В-четвертых, средства спасения человечества Уэллс стал искать уже не в сфере науки и техники (эти иллюзии, как я отметил выше, у писателя исчезли в годы Первой мировой войны, когда вся мощь науки и техники была брошена на уничтожение людей), а в сфере политики, экономики, социальных отношений и образования. При этом, однако, он не выходит на уровень духовной жизни человека и общества. По своему мировоззрению он атеист, в лучшем случае агностик. А одновременно и материалист.

На это обращает внимание наш соотечественник *Игорь Сикорский.* Он ведь не только известный авиаконструктор, но также богослов. В своей книге *«Невидимая борьба»* (1947) он, подобно Герберту Уэллсу, размышляет о причинах тех катастроф, которые обрушились на человечество в первой половине XX века (две мировые войны, революции в России и других странах, мировой экономический кризис 1930-х годов и др.). И также прекрасно видит, какие угрозы маячат впереди (хотя только что кончилась Вторая мировая война)[2]. Сикорский считает, что главной причиной такого одичания человечества является массовый его отход от религии (прежде всего, христианской). И считает, что единственным надежным средством предотвратить глобальную катастрофу (вплоть до полной гибели всех людей на планете) является отказ от вульгарного материализма, возвращение людей к вере, к Богу. Образование, на которое уповает Уэллс, необходимое, но не достаточное средство спасения. Да, образование очень нужно, но не то, секуляризированное, которое предлагает английский писатель.

Кстати, Игорь Иванович неоднократно на страницах своей книги вспоминает Герберта Уэллса, цитирует его. И показывает, что Уэллс, будучи материалистом, причем материалистом честным и последовательным, окончательно загоняет себя в угол, в состояние безысходного пессимизма. Игорь Иванович пишет: *«Я убежден, что Уэллс осознал и понял, что радикальный материализм безнадежен и что впереди его ожидает трагическое и полное крушение. Этот верный вывод сопровождается ещё и осознанием того, что радикальный материализм, стремясь к неограниченной и полной власти над судьбой человечества, заставил его признать трагичный исход таких событий. Как неверующий он не имел доступа к Божественному руководству. Следовательно, он с желанием,*

одержимостью и отчаянием исследовал возможности только человеческого, материалистически настроенного интеллекта в поисках средств предотвращения надвигающейся страшной катастрофы. И, рассматривая возможности только человеческого разума и интеллекта, он пришел к правильному выводу, что из сложившейся ситуации нет выхода. Это – конец». Правда, слова Сикорского *«Уэллс осознал и понял»* относятся уже к последнему произведению англичанина – *«Разум на конце натянутой узды».* А в «Новом мировом порядке» упования Герберта Уэллса на человеческий разум и интеллект избыточны, утопичны. И такие надежды, в которых Богу как главной направляющей силе истории места нет, оборачиваются в конце жизни писателя тяжелейшим пессимизмом.

Если попытаться максимально коротко выразить главные мысли Герберта Уэллса в книге «Новый мировой порядок», то можно свести к следующим пунктам.

1. Человечеству угрожает в обозримом будущем самая настоящая катастрофа – гибель в результате мировой войны, в которой будут задействованы мощные разрушительные силы современной техники.

2. Главным средством избежать эту катастрофу является упразднение института национальных государств. Национальное государство – источник национализма, который, в свою очередь, провоцирует войны. На месте национальных государств предлагается создание Единого мирового государства с Единым мировым правительством.

3. Социальный порядок в Едином мировом государстве будет выстраиваться на трех «китах»: 1) социализме (коллективизме); 2) праве (с упором на защиту прав человека); 3) знаниях (науке).

4. Преобразования должны быть радикальными, проводиться быстро и энергично. По сути их можно квалифицировать как революцию.

5. Выстраивание нового мирового порядка должно начаться с доведения до сознания людей тех угроз, которые таит в себе существующий мировой порядок, и пропаганды ключевых принципов НМП. В основе работы по достижению мира во всем мире лежат *«свобода слова и энергичные публикации».*

6. Такая пропаганда непременно найдет отклик в разных странах и в разных слоях общества. Неизбежно будет создаваться

неформальный альянс строителей НМП. Ядро его будут составлять интеллектуалы.

7. Нет полной гарантии, что проект НМП будет реализован. У него будет немало оппонентов. К тому же многие могут проявить непростительную пассивность. Но отступать некуда. Альтернативы НМП нет. Вернее, альтернативой может стать гибель человечества.

С учетом этих общих замечаний по книге «Новый мировой порядок» хотел бы подробнее остановиться на ряде интересных мыслей и предложений английского писателя.

Новый мировой порядок с точки зрения социально-экономической не будет иметь ничего общего с существующим капитализмом, предполагающим погоню за прибылью. Капиталистические корпорации, запрограммированные на максимальную прибыль, неизбежно выходят за рамки национальных государств, участвуют в хозяйственной интернационализации. Но такая интернационализация таит в себе угрозу войн за экономический передел мира: рынков сбыта, источников сырья, сфер приложения капитала.

Уэллс в первой главе «Конец эпохи» признает ошибочность представлений конца XIX–XX вв. о том, что начавшаяся бурная интернационализация финансовой, торговой и производственной деятельности крупных национальных корпораций в конечном счете приведет к созданию единого мира без национальных границ. Крупный капитал воспринимался как локомотив, который тянул за собой человечество в «дивный новый мир» без межгосударственных конфликтов и войн. Такое легкомыслие, царившее в начале века, было одной из причин морально-психологической и политической неподготовленности человечества к Первой мировой войне. Спустя четверть века после ее начала картина повторяется. Уэллс пишет в главе 7: *«В Старом Свете бросается в глаза гипертрофия армий, в Америке – гипертрофия крупного бизнеса. Но и в том, и в другом случае все более и более отчетливо признается необходимость возрастающего коллективного сдерживания не координируемых могущественного бизнеса или политических сил»*. Лига наций, созданная на основе решений Парижской мирной конференции 1919 года, почти бездействовала. Если в области коллективного сдерживания политических сил она еще какие-то действия

предпринимала, то в отношении обуздания могущественного бизнеса даже попыток не делалось.

В своих рассуждениях об угрозах для мира со стороны крупного капитала Уэллс не оригинален. Об этом еще в годы Первой мировой войны писал *В.И. Ленин* в своей известной работе *«Империализм, как высшая стадия капитализма»* (1916). Он прямо выводил мировую империалистическую войну из факта перерастания капитализма свободной конкуренции в высшую стадию монополистического капитализма. Конечно, в работе В.И. Ленина все было уже сказано, причем на основе глубокой проработки вопроса с широким использованием статистики по основным центрам мирового империализма – Великобритании, Франции, Германии, Японии, США с добавлением России[3].

Г. Уэллс и В. Ленин одинаково сходятся в выводе о том, что монополистический капитализм не снижает риски межгосударственных войн, а, наоборот, резко их повышает. И тот и другой полагают, что альтернативой монополистическому капитализму может быть лишь социализм.

Глава 7 работы называется «Социализм неизбежен». В этой фразе содержится одна из главных мыслей автора. В данной главе сформулирован очень жесткий приговор: *«…теперь в мире все дороги ведут либо к социализму, либо общественному распаду»*.

В работе Г. Уэллса эта модель общества часто называется «коллективизмом». А процесс построения социализма – «коллективизацией» или «социализацией». Социалистические настроения Герберта Уэллса не были неожиданностью ни для читателей, ни для людей из окружения писателя. Ведь он был фабианцем – членом Фабианского общества, которое ратовало за реформацию английского капитализма в социализм. Правда, Общество стояло на очень умеренных позициях, выступало за эволюционные, а не революционные изменения. Герберт Уэллс даже вышел из Общества, будучи приверженцем более радикальных действий.

Во многих высказываниях писателя просматривались просоветские симпатии. Г. Уэллсу очень импонировало стремление российских большевиков, захвативших власть в октябре 1917 года, вывести свою социалистическую революцию за пределы России и сделать ее мировой. Сначала *В.И. Ленин,* а потом *Лев Троцкий*

доказывали, ссылаясь на *К. Маркса,* что социализм может победить лишь в том случае, если революция будет всемирной, если к власти придут коммунисты во всех (или многих) странах мира. И они (коммунисты) уничтожат национальную обособленность отдельных государств, будут выстраивать Единое мировое социалистическое государство. В 20-е годы он даже полагал, что именно большевикам (несмотря на то, что многие были для Герберта Уэллса малосимпатичными людьми) удастся создать Единое мировое социалистическое государство. Однако когда в Советском Союзе в конце 20-х годов власть в свои руки взял *И. Сталин,* то Москва от курса на мировую революцию отказалась.

Примечательно, что Уэллс в своей работе не раз упоминает Сталина, подмечая его сильные и слабые стороны. В целом, однако, симпатии к советскому вождю преобладают. Видимо, такое отношение к Сталину у писателя сложилось еще в 1934 году, когда они встречались в Кремле. В том же году в *«Опыте автобиографии»* Герберт Уэллс писал: *«Я никогда не встречал человека более искреннего, порядочного и честного; в нём нет ничего тёмного и зловещего, и именно этими его качествами следует объяснить его огромную власть в России».* В рассматриваемой нами книге в главе 4 «Классовая борьба» Уэллс дает похожую характеристику: *«Сталин, я полагаю, честен и благожелателен в своих намерениях, он верит в коллективизм просто и ясно, он все еще находится под впечатлением, что делает хорошее дело для России и стран, находящихся в ее сфере влияния, и он самоуверенно нетерпим к критике или оппозиции. Его преемник может быть не столь бескорыстен».*

Если отношение Уэллса к Ленину было сдержанно-скептическим, а к Сталину преимущественно положительным, то этого нельзя сказать по поводу его отношения к *Карлу Марксу.* И в данной работе, и в других произведениях английский писатель не жалел эмоций для того, чтобы показать провокационную роль основателя марксизма. Имеется в виду его учение о классовой борьбе между буржуазией и пролетариями (наемным работниками). Мол, эта борьба неизбежна в силу полярности материальных (экономических) интересов тех и других. Одной рукой Маркс пытался созидать, говоря о братстве рабочего класса и провозглашая космополитический лозунг *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь!».* Другой рукой он разрушал,

вбивая в общественное сознание клинья под названием «классовая борьба». По мнению Уэллса, Карл Маркс пребывал в какой-то прострации, плохо понимал настроения общества в той же Англии. А в буржуазном обществе в средних и даже верхних слоях предостаточно людей, которые тяготятся картинами социальной несправедливости и которые искренне хотят ее искоренения через социализацию.

«Манифест коммунистической партии» 1848 года заложил мину под Европу и весь мир своим тезисом о классовых антагонизмах при капитализме и неизбежности обострения классовой борьбы. С таким же успехом, отмечает Уэллс, Карл Маркс как потомок раввинов мог в Манифесте вместо слова «буржуазия» поставить слово «евреи». И тогда Манифест предстанет чисто нацистским учением времен Третьего Рейха.

К сожалению, ложный догмат марксизма о классовой борьбе воспринял и *Ленин.* При нем любой образованный человек уже рассматривался как носитель буржуазного сознания и подвергался репрессиям. Уэллс возмущается: неужели классики марксизма-ленинизма не видят противоречия в своей стратегии? – С одной стороны, они хотят установления социализма в глобальных масштабах; с другой стороны, они препятствуют достижению этой цели тем, что разжигают социальную рознь в обществе. Вместо того, чтобы завоевывать союзников на свою сторону и максимально мирным способом проводить всеобщую социализацию. Уэллс резюмирует в главе 4 «Классовая борьба»: *«…идея классовой войны запутывает и искажает стремление мира к всемирному коллективизму, это болезнь, лишающая сил космополитический социализм. мы должны полностью отделить коллективизацию от классовой войны в наших умах».*

Герберт Уэллс подмечает недостатки советской (или «восточной») модели социализации (коллективизации) и противопоставляет ей свою, которую он называет «западной». *«Мы не осуждаем Русскую революцию как революцию. Мы жалуемся, что это недостаточно хорошая революция, и мы хотим лучшей»,* – рассуждает писатель в главе 6 *«Социализм неизбежен».* Главный недостаток Русской революции и советской социализации – в нарушении прав человека (об этом наблюдении писателя я скажу ниже). Но плюс советской (восточной) социализации в том, что она реально существует, а альтернативная (западная) модель социализации (коллективизации)

существует лишь в головах людей – таких, как Герберт Уэллс. Английский писатель верит, что западная модель будет внедрена в жизнь и окажется более «конкурентоспособной», чем восточная: *«Но если мы выработаем лучшую коллективизацию, то, скорее всего, русская система включит в себя наши усовершенствования, забудет о своем возрождающемся национализме, развенчает Маркса и Сталина, насколько это возможно, и вольется в единое мировое государство».* Впрочем, Уэллс не исключает и проигрыша в этой конкуренции двух моделей: *«Возможно, нам довольно скоро придется принять советизацию по-русски, если мы не сможем выработать лучшую коллективизацию».*

Кстати, в главе 6 Герберт Уэллс называет еще одного конкурента западной модели социализации – *Католическую церковь.* Если бы Ватикан занимался своими непосредственными обязанностями в сфере духовно-религиозной жизни! Но нет, он вторгается в светскую жизнь и пытается здесь доминировать. Ватикан, как полагает Уэллс, использует народившийся в Европе фашизм в качестве «троянского коня», с помощью которого он рассчитывает укрепить свою неформальную власть в Европе и во всем мире. Он прямо называет генерала *Франсиско Франко* в Испании и дуче *Бенито Муссолини* в Италии ставленниками не столько Гитлера, сколько Ватикана. Влияние Римско-католической церкви очень велико и в таких странах, как Франция и Польша. Как отмечает Уэллс, *«Ватикан постоянно стремится превратить нынешнюю войну в религиозную».* С точки зрения интересов плана НМП, большей угрозой для его реализации может оказаться даже не Советская Россия, а Ватикан.

И Герберт Уэллс понял, что Единое мировое государство придется создавать с опорой на другие силы. Силы эти велики, но они рассредоточены по всему миру, их надо выявлять и консолидировать. Об этом Уэллс писал еще в «Открытом заговоре», сказав, что «локомотивами» «заговора» должны стать интеллектуалы из разных стран мира плюс некоторая часть наиболее «сознательных» банкиров и иных бизнесменов. Этакий союз интеллекта и капитала. Об этом союзе Уэллс писал уже в «Открытом заговоре».

Кроме того, Уэллс делает ставку на молодежь. В главе 5 «Ненасытная молодость» писатель отмечает, что молодежь – та часть общества, которая обладает наибольшей избыточной энергией.

Которая может быть и созидательной, и разрушительной. В конце 1930-х годов мир пребывал в состоянии затяжной экономической депрессии, которая пришла на смену кризису 1929–1933 гг. Это была питательная почва для разрушительного начала, политической дестабилизации, поскольку безработица среди молодых людей была особенно высокой. Уэллс пишет: *«Это беспокойное море неудовлетворенных молодых людей, молодых женщин, которые больше не рожают детей, и молодых мужчин, которые не могут найти выхода своим природным склонностям и амбициям, – молодых людей, готовых «устроить неприятности», как только им покажут, как это делается».*

Кстати, в главе 5 Уэллс вновь возвращается к критике капитализма как наиболее абсурдной и человеконенавистнической социально-экономической модели. Он отмечает, что производительные силы достигли невиданного развития, общественное богатство максимально за всю историю: *«Судя по любым стандартам, кроме человеческой удовлетворенности и абсолютной безопасности, сейчас человечество выглядит гораздо богаче, чем в 1918 году. Количество непосредственно доступных энергии и материальных благ намного больше…»* И в то же время процветают нищета, недоедание и порой даже голод на фоне общего избытка. Это признак серьезной болезни общества, даже не экономической, а нравственной. Об этой смертельно опасной болезни Уэллс выразился очень образно: *«Мы должны признать, что человечество не страдает, как мы видим у большинства видов животных, от голода или любой материальной нехватки. Ему угрожает не дефицит, а избыток. При полнокровии не ложатся и не умирают от физического истощения, а падают с апоплексическим ударом».*

Кстати, социальное напряжение в капиталистическом обществе не может не нарастать. Властям отдельных стран приходиться открывать клапан в котле, чтобы он не взорвался. Чтобы предотвратить внутренние гражданские войны, власти будут иметь искушение начать войны внешние. Технический прогресс будет все более способствовать вытеснению живой рабочей силы машинами. Следовательно, технический прогресс исподволь будет повышать риски возникновения новых межгосударственных войн. Особенно высоки риски для небольших стран: *«В небольших странах, ограниченных в*

своем пространстве и не имеющих огромных природных ресурсов русского и атлантического сообществ, внутреннее напряжение более непосредственно подталкивает к захватнической войне, но основной движущей силой их агрессивности является все та же всеобщая беда – избыток молодых людей».

Только грамотная социализация может снять давление в национальных «котлах», предотвратить войны и одновременно направить избыточную энергию молодежи в созидательное русло.

В Советской России социализация (так писатель называл строительство социализма в СССР) к моменту написания книги Уэллса продолжалась уже более двух десятков лет. Английский писатель усмотрел социализацию даже в капиталистической Америке. Таковой он считал действия американской администрации под названием *«Новый курс»* (New Deal) *Франклина Рузвельта.* И в то же время на родине Уэллса, в Англии, не было заметно даже признаков социализации. Впрочем, не было таких признаков и в континентальной Европе. И это писателя, конечно, очень удручало. Но вот гром грянул – 1 сентября 1939 года началась мировая война. Англия объявила войну Германии и в авральном порядке начала так называемую социализацию. Английские власти могли и должны были проводить такую социализацию на протяжении всех двадцати предыдущих лет. А их так называемые чрезвычайные действия стали демонстрацией бестолковщины и откровенного слабоумия британских властей. В главе 6 Уэллс пишет: *«Изменения, произошедшие в Великобритании менее, чем за год, поразительны. Они во многом напоминают социальные потрясения в России в последние месяцы 1917 года. Произошло перемещение и смешение людей, которое в 1937 году никому бы не показалось невозможным. Эвакуация населенных пунктов под одной лишь преувеличенной угрозой воздушных налетов проводилась властями в состоянии безумного безрассудства. Сотни тысяч семей были разлучены, детей отрывали от родителей и селили в домах более или менее неохотных хозяев. Паразиты и кожные заболевания, порочные привычки и антисанитария распространились, словно следуя пропаганде равенства, из трущоб таких центров, как Глазго, Лондон и Ливерпуль, по всей стране. Железные дороги, дорожное движение, все нормальные коммуникации были нарушены всеобщим передвижением. Вот уже несколько месяцев*

Великобритания больше похожа на потревоженный муравейник, чем на организованную цивилизованную страну»[4]. А в экономической области паническая «социализация» на старте мировой войны выглядела следующим образом: *«Своего рода истребление мелких независимых предприятий идет в основном на пользу крупных снабженческих концернов, которые за одну ночь из явных спекулянтов превратились в «опытных» советников по снабжению продовольствием».* Нечто похожее мы наблюдаем и сегодня. Под видом борьбы с так называемой пандемией COVID-19 во многих странах мира идет «зачистка» малого и среднего бизнеса, а крупнейшие корпорации захватывают освободившиеся ниши рынка и получают от властей дополнительные полномочия. И все это под мантры о «заботе о здоровье». Будь сейчас жив Герберт Уэллс, его возмущению по поводу нынешней лживой «социализации» не было бы предела.

Конечно, страшнее мировой войны трудно себе представить какую-либо другую катастрофу (разве только какая-нибудь пандемия типа Черной Смерти, чумы). Но, как это ни странно, даже войны могут, в конечном счете, быть полезными для человечества. В каком смысле? Они, как отмечает Уэллс, провоцируют революции. А революции, как мы читаем в главе 6, могут оздоравливать общество: *«Революция, то есть более или менее судорожная попытка социальной и политической перестройки, неизбежно произойдет во всех перенапряженных странах, в Германии, в Англии и повсюду… Какая-то революция у нас должна быть. Мы не можем предотвратить ее наступление. Но мы можем повлиять на ход ее развития. Она может закончиться полной катастрофой, а может породить новый мир, намного лучше старого».*

Несколько подробнее о социалистической идее Уэллса. Ему, честно говоря, тот социализм, который строили большевики в России, не очень нравился. Российский социализм был для Уэллса, мягко выражаясь, слишком «грубым». Об этом он, в частности, писал в своей работе *«Россия во мгле»* (1920 г.), созданной по горячим следам его посещения нашей страны и встречи с Лениным в 1920 году. Ему не нравилась идея «диктатуры пролетариата», которая делала простого человека бесправным и беззащитным перед властью большевиков. Чтобы исправить эти «перекосы» социализма, которые неизбежно

рождаются в пылу революций и дальше продолжают по инерции сохраняться, Уэллс предлагает с самого начала во главу угла поставить право и закон. Которые бы надежно обеспечивали права человека.

Надо сказать, что тема прав человека настолько увлекла Уэллса, что он посвятил ей примерно четверть своей книги. Особенно в этом отношении выделяется глава 10 *«Декларация прав человека».* Он признает, что чем дальше будет продвигаться социализация (коллективизация) жизни людей, тем большую роль будут приобретать разного рода чиновники и администраторы. Все они – выходцы из среды несовершенного, «грешного» человечества. И чем выше положение такого чиновника и администратора, тем более явно могут проявляться его моральные слабости и несовершенства. Для того, чтобы предотвратить возможные злоупотребления со стороны представителей власти, и нужна эффективная правовая защита человека. По мере ослабления национальных государств неизбежно будет умаляться и роль национальных законов. Чтобы не возникло некоего «правового вакуума» в ходе движения к новому мировому порядку, Уэллс предлагает заранее подготовить что-то наподобие всемирной конституции. Он назвал этот документ *«Декларация прав человека».* В качестве аналога привел такой политико-правовой документ, как *«Великая хартия вольностей»*[5]. – только для всего человечества. Уэллс дает набросок Декларации из десяти пунктов (право на питание, образование, вознаграждение за труд, свободный экономический обмен, юридическую защиту, свободное передвижение и др.).

Следует обратить внимание на то, что наброски Декларации в разных редакциях после выхода в свет книги «Новый мировой порядок» продолжали свою собственную жизнь. Были переведены на несколько языков, публиковались в виде отдельных брошюр большими тиражами и по доступным ценам. Кроме того, Уэллс разослал проект Декларации ведущим политикам того времени – *Франклину Рузвельту, Махатме Ганди, Яну Масарику, Хаиму Вейцману, Эдварду Бенешу, Яну Кристиану Смэтсу* и *Джавахарлалу Неру.* Проект Декларации Уэллса подвергся резким нападкам со стороны министра пропаганды Третьего Рейха *Йозефа Геббельса.*

Примечательно, что в 1948 году в ООН был принят документ *«Всеобщая декларация прав человека»*[6]. Биографы Уэллса, историки

в области международного права обращают внимание на то, что при разработке данного документа использовалась работа английского писателя «Новый мировой порядок», особенно ее глава 10.

Пожалуй, на этом месте я прекращу пересказ работы Уэллса со своими комментариями. Еще раз подчеркну, что произведение «Новый мировой порядок» имеет как сильные, так и слабые стороны. Сильные заключаются даже не в каких-то открытиях писателя, а в том, что он сумел взглянуть на хорошо известные явления истории или догматы философии немного другими глазами. Например, на догмат Карла Маркса о классовой борьбе при капитализме. Или на аксиому о том, что любые серьезные социально-экономические преобразования, реформы следует начинать с правильно поставленного образования. Но есть вещи явно утопические. Например, построение социализма на всей планете. В христианстве такая утопия называлась бы ересью хилиазма (тезис о возможности Царства Божия на Земле в течение тысячи лет).

Впрочем, у Герберта Уэллса многие понятия очень размыты. Прежде всего, это ключевые понятия социализма, социализации, коллективизации. Социализация может сопровождаться утратой людьми свободы, превращением их в обитателей гигантского муравейника. Социализацией можно назвать и заключение людей в концлагерь, где все формально будут равны в своем бесправии. А этого бесправия Уэллс очень боится. Оно даже страшнее того бесправия, которое царит при капитализме. Социализм может человека не раскрепостить, а, наоборот, лишить последней свободы. Чувствуется, что Уэллс понимает все эти подвохи социализации и социализма. Поэтому и пытается подстраховать свои планы такими сильными «предохранителями», как право, наука и образование. Поэтому постоянно он оговаривается о том, что планы социализации, основанной на принципах справедливости, может постичь неудача, что человечество может вернуться к дикости или даже погибнуть. Еще раз повторю, что с каждым годом Уэллс допускал все большую вероятность последнего варианта. Может быть, потому что видел ту социальную энтропию, которая охватила и его родную Англию, и весь мир. И потому, что глубже стал постигать природу человека и сомневаться в своем материализме и рационализме. И своего апогея

эти сомнения достигли в уже упоминавшейся последней работе Уэллса *«Разум на конце натянутой узды»* (1945).

Отзывов на книгу Уэллса было много, и очень разных. Так, в периодическом литературном приложении к британской газете «Таймс» (The Times Literary Supplement) чуть ли не на следующий день после появления книги в продаже появилась рецензия *«Всемирный план мистера Уэллса»,* в которой содержалась похвала Уэллсу за его анализ мировых проблем. При этом в рецензии отмечалось, что рекомендации по решению этих проблем были «настолько общими и расплывчатыми, что от них мало практического толку». Книга была расценена как «просто еще одна утопия»[7]. Англиканский священник *Уильям Инге* (William Inge) в 1940 году написал отзыв на книгу Уэллса под названием *«Викторианский социализм»* в авторитетном научном журнале Nature. Инге поддержал Уэллса в том, что Европу охватил безумный национализм, который стал источником мировой войны. Автор рецензии восхищался его (Уэллса) «искренним стремлением к лучшему миру». Но при этом считал, что новый мировой порядок как панацея от войн «совершенно неосуществим». Еще большее неприятие вызывали у Инге социалистические идеи. Хотя Инге был и англиканским священником, однако он не мог согласиться с критикой Уэллса католицизма как пособника нацизма и как силы, которая имела свой собственный проект глобальной социализации.

Среди многообразных отзывов можно еще выделить отзыв английского писателя *Джорджа Оруэлла.* Хотя этот известный писатель, автор романа «1984» и повести «Скотный двор», был социалистом, однако его видение социализма радикально отличалось от видения Уэллса. Оруэлл критиковал Уэллса за его проект мирового государства, причем еще задолго до появления книги «Новый мировой порядок» (вероятно, с момента выхода в свет «Открытого заговора»). В 1941 году Оруэлл написал эссе *«Уэллс, Гитлер и Всемирное государство».* В нем этот английский писатель с известной долей иронии обвиняет своего коллегу по «литературному цеху» в элементарном непонимании реальной политики и пустословии: *«Какой смысл разъяснять, до чего желательно было бы Всемирное государство? Главное, что ни одна из пяти крупнейших военных держав не допускает и мысли о подобном единении. Всякий разумный*

человек и прежде в основном соглашался с идеями Уэллса; но, на беду, власть не принадлежит разумным людям, и сами они слишком часто не выказывают готовности приносить себя в жертву. Гитлер – сумасшедший и преступник, однако же у Гитлера армия в миллионы солдат, у него тысячи самолетов и десятки тысяч танков. Ради его целей великий народ охотно пошел на то, чтобы пять лет работать с превышением сил, а вслед за тем еще два года воевать, тогда как ради разумных и в общем-то гедонистических взглядов, излагаемых Уэллсом, вряд ли кто-то согласится пролить хоть каплю крови. И, прежде чем заводить речь о переустройстве жизни, даже просто о мире, надо покончить с Гитлером.»

Впрочем, многие подобные дебаты по теме войны, социализма, мирового правительства, спровоцированные восемьдесят лет назад работой Уэллса «Новый мировой порядок», уже давно забыты. Пожалуй, единственная причина, по которой в наше время иногда вспоминают данное произведение Уэллса, – это современные дискуссии по правам человека. Именно в этой области книга оставила наиболее видимый след.

Австралийский юрист *Джеффри Робертсон* в своей книге «Преступления против человечества: борьба за глобальное правосудие»[8] утверждает, что движение за права человека в XX веке началось именно с Герберта Уэллса и его книги «Новый мировой порядок».

Несмотря на то, что «Новый мировой порядок» Герберта Уэллса сегодня редко вспоминают даже на родине автора – в Англии, есть смысл книгу перечитать. Многое из того, что этот англичанин положил на бумагу восемьдесят лет назад, неожиданно становится вновь актуальным. Особенно в свете так называемой Великой перезагрузки, начатой «хозяевами денег» как раз в период пандемии коронавируса и озвученной Клаусом Швабом, президентом Всемирного экономического форума в Давосе. Ведь уничтожение суверенитета государств – важнейший пункт этой программы.

Мир опять стоит на грани катастрофы, человечество импульсивно ищет пути ее предотвращения. Может быть, для кого-то «Новый мировой порядок» Уэллса станет подсказкой в этих поисках.

Катасонов Валентин Юрьевич. Родился в 1950 г. Окончил факультет международных экономических отношений Московского государственного института международных отношений МИД СССР в 1972 г. (специальность «экономист по внешней торговле»). Профессор, доктор экономических наук, член-корреспондент Академии экономических наук и предпринимательства.

Работал в банках, страховых и других финансовых компаниях, международных финансовых организациях (МБРР, ЕБРР), Центральном банке

Российской Федерации. В 2000–2010 гг. был заведующим, в 2011–2018 гг. – профессором кафедры международных финансов МГИМО.

Основатель и руководитель Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова (РЭОШ). Автор многочисленных книг по экономике, истории, философии, литературе. Ряд его книг переведены на другие языки. В серии «Финансовые хроники профессора Катасонова» регулярно выходят сборники статей, комментариев и интервью В. Ю. Катасонова по вопросам финансов, мира денег, экономики. Почти ежедневно выступает со статьями и беседами по актуальным вопросам современной жизни на площадках таких информационных ресурсов, как «Царьград», «Фонд стратегической культуры», «Русская народная линия», «Свободная пресса», «Столетие», и др. Автор документально-художественного фильма «Мировая кабала» (Студия «Красная линия», 2014 год; четыре серии).

Новый мировой порядок
Герберт Джордж Уэллс

1. Конец эпохи

В этой небольшой книге я хочу изложить как можно более сжато, ясно и с пользой суть того, что я усвоил о войне и мире на протяжении моей жизни. Я не собираюсь заниматься здесь пропагандой мира. Я собираюсь обнажить до их основы некоторые общие идеи и реалии первостепенной важности и таким образом подготовить ядро полезных знаний для тех, кому придется продолжать дело установления мира во всем мире. Я не собираюсь убеждать людей говорить «Да, да» за мир во всем мире; мы и так уже чересчур много делали для отмены войны, составляя декларации и подписывая резолюции. Все хотят мира или притворяются, что хотят мира, и нет никакой необходимости добавлять еще хоть слово к огромному объему бесполезной болтовни. Я просто попытаюсь изложить то, что мы ДОЛЖНЫ сделать, и цену, которую мы ДОЛЖНЫ заплатить за мир во всем мире, если мы действительно намерены его достичь.

До Великой войны, Первой мировой войны, я не очень озадачивался вопросами войны и мира. Однако ныне я стал почти специалистом по этой проблеме. Не так-то просто вспоминать состояния своего разума, которые меняются день за днем и год за годом. Но мне кажется, все десятилетия до 1914 года не только я, но и большая часть моего поколения в Британской империи, Америке, Франции и вообще во всем цивилизованном мире думали, что войнам приходит конец.

Так нам казалось. Это была приятная и потому вполне приемлемая идея. Мы полагали, что Франкогерманская война 1870 года и Русско-турецкая война 1877 года были последними конфликтами между Великими Державами, что теперь Баланс Сил достаточно стабилен, чтобы сделать дальнейшие крупные военные действия невозможными. Тройственный союз противостоял Двойственному Союзу, и ни у того, ни у другого не было особых причин нападать друг на друга.

Мы считали, что война сузилась до простых экспедиционных стычек на окраинах нашей цивилизации, своего рода рейдов

пограничной полиции. Терпимые отношения, казалось, укреплялись с каждым годом, пока мир Держав оставался нерушимым.

Да, правда, шла умеренная гонка вооружений. Умеренная по нашим нынешним стандартам оснащения. Военная промышленность росла и развивалась, но мы не видели полного значения этого. Мы предпочитали верить, что здравый смысл возрос достаточно, чтобы помешать стволам орудий, коих становилось все больше, начать стрелять на поражение. И мы снисходительно улыбались мундирам, парадам и армейским маневрам. Это были освященные временем игрушки и регалии королей и императоров. Они были частью выставочной стороны жизни, далекой от реальных разрушений и убийств. Думаю, я не преувеличиваю легковесную безмятежность, скажем, 1895 года… Это было всего сорок пять лет назад. И это было самодовольство, которое зрело у большинства из нас вплоть до 1914 года. В 1914 году вряд ли кто-нибудь в Европе или Америке моложе пятидесяти лет предвидел хоть какое-то подобие войны в своей стране.

Мир до 1900 года, казалось, неуклонно дрейфовал к молчаливому, но практическому объединению. Можно было путешествовать без паспорта по большей части Европы. Почтовый союз доставлял письма надежно и без цензуры из Чили в Китай; деньги, опирающиеся в основном на золото, колебались лишь очень незначительно. И обширная Британская империя все так же поддерживала традицию свободной торговли, открытости и равенства в отношении ко всем. В Соединенных Штатах можно было, путешествуя, ни разу за день не увидеть военной формы. По сравнению с сегодняшним днем это был, во всяком случае на первый взгляд, век легко доступной безопасности и добродушия. Особенно для североамериканцев и европейцев.

Но помимо неуклонного, зловещего роста военной промышленности, действовали и другие, более глубокие силы, готовя будущие беды. Министерства иностранных дел суверенных государств не забыли конкурентных традиций восемнадцатого века. Адмиралы и генералы со смешанными враждебностью и восхищением присматривались к мощнейшим видам оружия, которые сталелитейная промышленность исподволь навязывала им. Германия была лишена благодушного самодовольства англоязычного мира: она хотела иметь место под солнцем. Усиливались трения по поводу раздела сырьевых регионов Африки. Британцы были заражены хронической русофобией

из-за страха за свои огромные вложения на Востоке и потому стремились превратить Японию в модернизированную империалистическую державу. Кроме того, они «помнили Маджубу[9]». Соединенные Штаты, задетые беспорядками на Кубе, были уверены, что для слабых и слишком обширных испанских владений смена власти будет только к лучшему. Таким образом, игра в Силовую Политику продолжалась, но она шла на задворках господствующего мира. Было несколько войн и изменений границ, но они не влекли за собой фундаментального нарушения общей цивилизованной жизни. Они вроде бы не угрожали фундаментальным образом ее расширяющейся терпимости и взаимопониманию. Экономические и социальные проблемы приглушенно бурлили под тихой поверхностью политической жизни, но не угрожали большими потрясениями. Идея полного уничтожения войны и избавления от остатков ее причин витала в воздухе, но эта идея была свободна от какого-либо чувства неотложности. Был учрежден Гаагский трибунал, началось неуклонное распространение концепций арбитража и международного права. Многим действительно казалось, что народы Земли обустраиваются на своих территориях, продолжая спорить, но не воюя. Изрядная социальная несправедливость все больше и больше смягчалась обостряющимся чувством социальной порядочности. Стяжательство не выходило за благопристойные рамки, и общественный дух был в моде. Отчасти это была вполне честная общественная одухотворенность.

В те дни, отдалившиеся уже на полжизни, никто не думал о каком-либо мировом управлении. Лоскутное одеяло великих и малых держав казалось самым разумным и практичным способом ведения дел человечества. Было слишком сложно поддерживать связи для хоть какого-то централизованного управления миром. «Вокруг света за восемьдесят дней», вышедшие семьдесят лет назад, казались тогда экстравагантной фантазией. Это был мир без телефона и радио, в котором не было ничего более быстрого, чем паровоз, или более разрушительного, чем ранние виды разрывных снарядов. Тогда и они казались чудом. Гораздо удобнее было управлять этим миром Равновесия Сил в отдельных национальных областях, и, поскольку у народы имели кое-какие возможности нападать друг на друга и творить другие безобразия, не виделось никакого вреда в пылком

патриотизме и полной независимости отдельных суверенных государств.

Экономическая жизнь в значительной степени управлялась безответственным частным бизнесом и частными финансами, которые, будучи частными, могли объединять свои сделки в единую сеть, для которой мало значили границы и национальные, расовые или религиозные чувства. «Бизнес» стал содружеством гораздо более всемирным, чем политические организации. Было много людей, особенно в Америке, которые верили, что «Бизнес» может в конечном счете объединить мир, а правительства склонятся перед главенством его сетей.

В наши дни легко быть мудрыми задним числом. Сейчас легко видеть, что под этой прекрасной поверхностью разрушительные силы неуклонно набирали силу. Но эти разрушительные силы сыграли сравнительно малую роль в мировом спектакле полувековой давности, когда формировались идеи того старшего поколения, которое все еще доминирует в нашей политической жизни и политическом воспитании своих преемников. Именно из конфликта этих полувековой давности идеи Баланса Сил и идеи частного предпринимательства с их постоянно растущей разрушительной мощью возникает один из главных конфликтов нашего времени. Эти идеи неплохо работали в свое время, и до сих пор наши правители, учителя, политики с крайней неохотой принимают необходимость глубокой умственной адаптации своих взглядов, методов и интерпретаций к этим разрушительным силам, которые когда-то казались такими незначительными и которые теперь полностью разрушают старый порядок.

Именно из-за этой веры в растущую добрую волю между народами, из-за общего удовлетворения тем, как обстоят дела, немецкое объявление войны в 1914 году вызвало такую бурю негодования во всем комфортабельном мире. Было ощущение, что германский кайзер нарушил спокойствие мирового клуба бессмысленно и напрасно. Война велась «против Гогенцоллернов».

Они должны быть изгнаны из клуба. Достаточно наложить некие штрафные санкции, и все станет хорошо. Такова была британская идея 1914 года. С тех пор этот устаревший подход к войне был будто бы раз и навсегда устранен взаимными гарантиями всех наиболее уважаемых членов клуба посредством Лиги Наций. В этом великом усилии со

стороны достойных высших государственных мужей, заключивших мир, не было никакого дурного предчувствия того, что есть и более глубокие воздействия. Таков был Версальский договор со всеми его условиями.

В течение двадцати лет разрушительные силы продолжали расти под поверхностью этих изысканных и поверхностных установок, и в течение двадцати лет не было никаких стоящих попыток ответить на вопрос, почему их рост так силен. Все это время Лига Наций была опиумом либеральной мысли в мире.

Сегодня идет война ради избавления от Адольфа Гитлера, который теперь играет в драме роль Гогенцоллернов. Он тоже нарушил Правила Клуба и тоже должен быть исключен. Война Чемберлена – Гитлера ведется до сих пор Британской империей совершенно в старом духе. Империя ничему не научилась и ничего не забыла[10]. Есть такое же решительное игнорирование любой более фундаментальной проблемы.

И все же умы наших благополучных и влиятельных людей правящего класса отказываются принять ясный намек на то, что их время прошло, что Баланс Сил и бесконтрольные методы ведения бизнеса не могут продолжаться и что Гитлер, как и Гогенцоллерны, является всего лишь неприятным гнойником на лице глубоко больного мира. Избавление от него и его нацистов будет таким же лекарством от мировых болезней, как почесывание – от кори. Болезнь проявится в какой-нибудь новой вспышке. Именно система националистического индивидуализма и некоординированного предпринимательства является мировой болезнью, и именно вся система должна уйти. Система должна быть заново построена от основания или заменена. Ей не стоит надеяться во второй раз «как-нибудь продраться», дружелюбно, разбазаривая что можно и подвергая мир опасности.

Мир во всем мире означает настоящую революцию. Все больше и больше наших единомышленников начинают понимать, что это не может означать меньшее.

Поэтому первое, что нужно сделать при осмыслении основных проблем мира во всем мире, – это осознать, что мы живем в конце определенного периода Истории, периода суверенных государств. Как мы говорили в восьмидесятые годы со все возрастающей правдивостью: «Мы находимся в переходном возрасте». Теперь мы

получаем некоторую меру остроты перехода. Это фаза человеческой жизни, которая может привести, как я пытаюсь показать, либо к НОВОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ для нашего вида, либо к более длительному или короткому периоду насилия, страданий, разрушения, смерти и вымирания человечества. Я говорю это совсем не риторически; я имею в виду именно то, что я говорю, то есть катастрофическое вымирание человечества.

Таков вопрос, стоящий перед нами. Мы не должны относиться к нему как к малому делу салонной политики. Сейчас, когда я пишу, тысячи людей убиты, ранены, преследуемы, мучимы, подвергаются жестокому обращению, предаются самой невыносимой и безнадежной тревоге, уничтожаются морально и умственно, и в настоящее время нет ничего, что могло бы остановить этот процесс распространения и помешать ему достичь вас и ваших близких. Сейчас это надвигается на вас и на них во все большем темпе. Ясно, что, поскольку мы являемся разумными предвидящими существами, ни для кого из нас сейчас нет ничего более важного, кроме как сделать эту проблему мира во всем мире господствующим интересом и направлением нашей жизни. Если мы убежим от нее, она будет преследовать нас и доберется до нас. Мы должны смотреть правде в глаза. Мы должны решить ее или быть уничтожены ею. Вот настолько это срочно и всеобъемлюще.

2. Открытая конференция

Прежде чем мы рассмотрим то, что я до сих пор называл «разрушительными силами» в современном социальном порядке, позвольте мне подчеркнуть первостепенную необходимость самого откровенного свободного обсуждения борющихся организаций и разрушающихся институтов, среди которых мы ведем нашу нынешнюю неудобную и опасную жизнь. Не должно быть никакой защиты для руководителей и организаций от самой яростной критики под предлогом того, что наша страна находится или может находиться в состоянии войны. Или под любым иным предлогом. Мы должны говорить открыто, широко и ясно. Война случайна, а необходимость революционной реконструкции фундаментальна. Мы до сих пор еще не совсем ясно осознаем ряд жизненно важных вопросов, стоящих перед нами. Наши собственные умы недостаточно ясны, чтобы мы все четко сформулировали без оглядки на некого цензора.

Мы хотим говорить со всей точностью и неприкрытостью про наши мысли и чувства не только нашим согражданам, но и нашим союзникам, нейтралам и, прежде всего, людям, которые с оружием в руках выступают против нас. Мы хотим получить от них такую же искренность. Потому что до тех пор, пока мы не выработаем вместе с ними общую основу идей, в мире будет царить неустойчивое равновесие, в то время как будут развиваться новые антагонизмы.

ОДНОВРЕМЕННО С ЭТОЙ ВОЙНОЙ НАМ НУЖНЫ БОЛЬШИЕ ДЕБАТЫ. Мы хотим, чтобы каждый человек в мире принял участие в этих дебатах. Это нечто гораздо более важное, чем сама война. Невыносимо думать, что эта буря всеобщего бедствия не приведет ни к чему, кроме какой-то «конференции» дипломатов, оторванных от мира, с тайными заседаниями и двусмысленными «договоренностями». Это не может произойти дважды. И все же что может помешать повторению?

Довольно легко определить разумные пределы цензуры в воюющей стране. Очевидно, что публикация любой информации, которая может принести хоть малейшую пользу противнику, должна быть жестко запрещена. Не только прямая информация, но и,

например, намеки и предательские оговорки о положении и передвижении кораблей, войск, лагерей, складов боеприпасов, продовольствия, ложные сообщения о поражениях и победах и надвигающемся дефиците и так далее, и тому подобное. Словом, все, что может привести к слепой панике и истерии. Но этот вопрос приобретает совершенно иной аспект, когда речь идет о заявлениях и предложениях, которые могут повлиять на общественное мнение в собственной стране или за рубежом и которые могут помочь нам двигаться в направлении полезных и корректирующих политических действий.

Одним из наиболее неприятных аспектов состояния войны в современных условиях является появление на позициях власти роя людей, у которых «ума палата» – взбудораженных, тщеславных, готовых на ложь, искажения и прямой вздор с целью подтолкнуть людей к согласию, сопротивлению, негодованию, мстительности, сомнениям и душевному смятению, вплоть до тех состояний ума, которые, как предполагается, способствуют окончательной военной победе. Эти люди любят искажать и подвергать цензуре факты. Это дает им ощущение силы; если они не могут творить, они могут, по крайней мере, предотвратить и скрыть. В частности, они встают между нами и людьми, с которыми мы воюем, чтобы разрушить любые возможности примирения. Они упоены вином своей временной власти, и, сидя в стороне от усталости и опасностей конфликта, дергают воображаемые струны в умах людей.

В Германии общественная мысль предположительно находится под контролем г-на Геббельса. В Великобритании нас, писателей, пригласили предоставить себя в распоряжение какого-нибудь Министерства информации, то есть в распоряжение до сих пор малоизвестных и непредставительных личностей, и писать под их руководством. Чиновники из Британского совета и Штаб-квартиры Консервативной партии занимают ключевые посты в этом Министерстве информации. Эта любопытная и мало рекламируемая организация, о которой я только что упомянул – создание, как мне говорили, лорда Ллойда и Британского совета, – посылает за границу эмиссаров, писателей, хорошо одетых женщин и других культурных деятелей, чтобы читать лекции, очаровывать и добиваться, чтобы иностранцы оценили британские особенности, британские пейзажи,

британские политические добродетели и так далее. Каким-то образом это должно чему-то помогать. Так и продолжается тихо и незаметно. Возможно, эти образцовые британцы обещают больше, чем на то уполномочены, хотя, думается, они приносят мало настоящего вреда. Но их вообще не следует использовать. Любая правительственная пропаганда противоречит основному духу демократии. Выражение мнений и коллективная мысль должны быть вообще вне сферы деятельности правительства.

Это должна быть работа свободных людей, чья выдающаяся роль зависит от отклика и поддержки общего разума.

Но здесь я должен загладить свою вину перед лордом Ллойдом. Меня в свое время убедили, что Британский совет несет ответственность за мистера Тилинга[11], автора книги «Кризис христианства», и я сказал об этом в книге «Судьба Homo Sapiens». Мистер Тилинг, как я понимаю, был послан в путешествие католической газетой. Британский совет тут совершенно ни при чем.

Дело не только в том, что Министерства информации и пропаганды делают все возможное, чтобы направить ограниченные способности и энергию таких писателей, лекторов и ораторов, какими мы обладаем, на производство неискренней дряни, которая запутает общественное сознание и введет в заблуждение пытливого иностранца. Эти министерства проявляют явную склонность подавлять любые свободные и независимые высказывания, которые могут показаться противоречащими их собственным глубоким и тайным планам спасения человечества.

Сейчас везде трудно получить адекватную, широко открытую трибуну для откровенного обсуждения того, куда идет мир, и обсуждения политических, экономических и социальных сил, которые нас ведут. Это происходит не столько из-за преднамеренного подавления, сколько из-за общего беспорядка, в котором растворяются реальные дела. Разумеется, в Атлантическом мире едва ли сыщешь хоть намек на ту прямую слежку за мнением, которая почти полностью уничтожает умственную жизнь интеллигентных итальянцев, немцев или русских в наши дни. У нас можно по-прежнему думать, что нравится, говорить, что нравится, и писать, что нравится, но, тем не менее, становится все труднее добиться того, чтобы смелые, неортодоксальные взгляды были услышаны и прочитаны. Газеты

боятся даже мелкой ответственности. Издатели, за такими доблестными исключениями, как издатели этого труда, болезненно сдержанны; они получают Особые Уведомления избегать той или иной конкретной темы. Существуют негласные бойкоты и коммерческие трудности, бесчисленными способами препятствующие широкому распространению общих идей. Я не имею в виду то, что существует какой-то организованный заговор с целью подавления дискуссии, но настаиваю, что Пресса, издательские и книготорговые организации в наших свободных странах обеспечивают очень плохо организованный и неадекватный механизм циркулирования и распространения мысли.

Издатели издают книги только ради безопасной прибыли. Книготорговца поразит, скажи ты ему, что он является членом всемирной образовательной организации или издателем-путешественником, что он должен думать не только о том, как заработать на бестселлерах. Они не понимают, что должны ставить общественную службу выше выгоды. У них нет ни побуждения к этому, ни гордости за свою деятельность. Их мораль – мораль мира спекулянтов. Газеты любят публиковать смелые на вид традиционно-либеральные статьи с высокопарными похвалами миру и благородным туманом относительно его достижения. Сейчас, когда мы воюем, они будут публиковать самые яростные нападки на врага, потому что такие нападки должны поддерживать боевой дух страны. Но любые идеи, которые и в самом деле вызывающе и явно революционны, они вообще не смеют обнародовать. В этих тупиковых условиях и не может быть никакой глубокой мировоззренческой дискуссии нигде и никогда вообще. В этом отношении демократии лишь немного лучше диктатур. Нелепо представлять их как царства света, спорящие с тьмой.

Это большое обсуждение переустройства мира – дело более важное и неотложное, чем война. И в то же время не существует адекватных средств массовой информации для изложения, критики и исправления любых широких общих убеждений. Случаются довольно бесплодные и непродуктивные малые вспышки конструктивных идей, но почти нет стабильных исследований, мало реальных взаимообменов, не хватает продвижения вперед, ничто не обосновано, ничто не отброшено как несостоятельное и ничто не завоевано навсегда. Кажется, никто не слышит, что говорят другие. Это потому,

что у этих идеологов нет ощущения аудитории. Нет действенной аудитории, заявляющей грубо и упрямо: «То, что сказал А., кажется важным. Не скажут ли Б. и В., вместо того чтобы сотрясать пустоту, в чем именно и почему они отличаются от А.?

А, вот мы разобрались, в чем общая правда А., Б., В. и Г. Вот и Д. выступил. Не будет ли он добр соотнести то, что ему есть сказать, с А., Б., С. и Д.?»

Но такой поддержки разумной, наблюдательной и критически настроенной мировой аудитории нет в наличии. Встречаются немногие тут и там, возникают разрозненные фрагменты мыслей и публикаций. И это вся мысль, которую наш мир производит перед лицом планетарной катастрофы. Университеты – благослови их Господь! – облачились в мундиры молчания.

Нам нужно проветрить наши собственные умы. Нам нужен откровенный обмен мнениями, если мы хотим достичь какого-либо общего понимания. Нам нужно выработать ясную концепцию мирового порядка, который мы предпочли бы нынешнему хаосу. Нам нужно нивелировать или найти компромисс в наших разногласиях, чтобы мы могли уверенно смотреть в сторону достижимого мира во всем мире. Полным-полно панацей от идиотов. Никто из них не слушает других, и в большинстве своем они силятся в своем нетерпении заткнуть других. Тысячи дураков готовы выписать нам универсальный рецепт лекарства от

наших мировых бед. Неужели люди никогда не осознают своего собственного невежества и неполноты, что порождают необходимость ясного понимания реальных составляющих проблемы. Понимания исчерпывающего и беспощадного при рассмотрении разногласий?

Поэтому на первое место в моем исследовании пути к миру во всем мире я ставлю свободу слова и оживленные печатные выступления. Это то, за что прежде всего стоит бороться. Это основа вашего личного достоинства. Ваш первый долг как гражданина мира – сделать для этого все, что в ваших силах. Вы должны не только сопротивляться давлению, вы должны выбираться из тумана. Если вы обнаружите, что ваш книготорговец или газетный киоск не распространяет какое-либо издание, даже если вы полностью не согласны с взглядами этого издания, вы должны направить оружие бойкота на нарушителя и найти другого книготорговца или газетный

киоск. Будущий гражданин мира должен также поддержать такую организацию, как Национальный Совет Гражданских Свобод. Он должен использовать любое преимущество, которое может дать ему его положение, чтобы остановить подавление свободы слова. И он должен приучить себя вежливо, но твердо противостоять всякой чуши, бесстрашно и как можно яснее говорить то, что у него на уме, и так же бесстрашно слушать то, что ему говорят. Чтобы через перепроверки и уточнения приобретались новые знания. Собираться с другими людьми, чтобы спорить и обсуждать, думать и организовывать, а затем воплощать мысль – это первая обязанность каждого разумного человека.

Наш мир разваливается на куски. Он должен быть реконструирован, и он может быть эффективно реконструирован только при свете. Только свободный, ясный, открытый ум может спасти нас, а трудности и препятствия на пути нашей мысли так же злы, как дети, кладущие посторонние предметы на рельсы или разбрасывающие гвозди на автомобильной трассе.

Это великое всемирное обсуждение не должно прерываться, оно должно продолжаться и ныне. Сейчас, когда пушки еще гремят, самое время подумать. Невероятно глупо говорить, как это делают многие, о прекращении войны, а затем о проведении Всемирной конференции с целью открыть новую эру. Как только прекратятся боевые действия, прекратится и реальная мировая конференция, живая дискуссия.

Дипломаты и политики соберутся с видом посвященных всезнаек, закроют двери перед внешним миром и возобновят Версаль. А примолкший мир будет, разинув рот, ждать исполняемую ими мистерию.

3. Разрушительные силы

А теперь давайте перейдем к разрушительным силам, которые довели мечту конца девятнадцатого века о мощном мировом лоскутном одеяле из развитых государств, связанных все возрастающей финансовой и экономической взаимозависимостью, до полной несбыточности… И тем самым заставили каждый мыслящий ум вырабатывать новую концепцию Мира, который должен быть. Чрезвычайно важно, чтобы природа этих разрушительных сил была ясно понята и сохранена в памяти. Постичь их означает получить ключ к нынешним бедам мира. Забыть о них, даже на мгновение, означает потерять связь с сущностной реальностью и погрузиться во второстепенные проблемы.

Первая группа этих сил – это то, о чем люди привыкли говорить как об «уничтожении дистанции» и «изменении масштаба» человеческих операций. Эта «отмена дистанции» началась более ста лет назад, и поначалу ее результаты вовсе не были разрушительными. Она связала воедино разраставшиеся Соединенные Штаты Америки, которые в противном случае могли бы дойти до угрожающего их единству напряжения, она позволила разросшейся Британской империи обеспечивать свою связь в масштабе планеты.

Разрушительное влияние отмены дистанции проявилось лишь позднее. Давайте проясним его сущностное значение. В течение казавшихся бесконечными веков самыми быстрыми средствами передвижения были лошадь на тракте, бегущий человек, галера и слишком зависимый от погоды парусный корабль. (Вспомним еще голландцев, мчащихся на коньках на своих каналах… но это было редчайшее достижение скорости, далеко не везде применимое.) Политическая, социальная и творческая жизнь человека на протяжении всех этих столетий была приспособлена к этим ограничивающим условиям. Они определяли расстояния, на которые можно было нормально отправлять товар, пределы, до которых правитель мог посылать свои приказы и своих солдат, пределы доступности свежих новостей и даже весь масштаб жизни. Чувство

настоящей общности почти отсутствовало за границами частого тесного общения.

Отсюда, человеческая жизнь естественным образом замыкалась в сфере, определяемой взаимодействием между этими ограничениями и такими природными препятствиями, как моря и горы. Такие страны, как Франция, Англия, Египет, Япония, вновь и вновь появлялись в Истории как естественные, необходимые явления, и, хотя были такие крупные политические «сооружения», как Римская империя, они никогда не достигали прочного единства. Римская империя сохраняла единство не лучше мокрой промокательной бумаги; она постоянно разваливалась. Старые империи, за пределами своих национальных ядер, были всего лишь шаткими взымателями дани. То, что я уже называл мировым лоскутным одеялом великих и малых держав, соответствовало, таким образом, условиям конницы, пехоты и парусных кораблей.

За столетие все это изменилось…

Сначала появился пар, паровая железная дорога, пароход, а затем в ускоряющемся крещендо появились двигатель внутреннего сгорания, электрическая тяга, автомобиль, моторная лодка, самолет, передача энергии от центральных электростанций, телефон, радио. Я извиняюсь за этот пересказ всем слишком хорошо известного. Я делаю это для того, чтобы подкрепить утверждение, что все области, которые были наиболее удобными и эффективными для старого, освященного временем образа жизни, становились все более и более неудобными, тесными и узкими для новых нужд. Это относилось ко всем видам административного управления, от муниципалитетов, городских округов и распределительных организаций разного уровня до суверенных государств. Они были, и по большей части остаются, слишком малы для новых требований и слишком привязаны друг к другу. Для всего социального устройства такая сцепленность – большая помеха, но, когда дело доходит до масштаба суверенных государств, она становится невероятно опасной и невыносимой… Человеческая жизнь не может продолжаться, когда столицы большинства цивилизованных стран мира находятся в подлетном часе бомбардировок от их границ, за которыми могут бесконтрольно готовить агрессию и вести тайные приготовления к ней. И все же мы по-прежнему терпимы и лояльны к договоренностям, которые

нацелены на сохранение такого положения дел и относятся к нему так, как будто ничто иное невозможно.

Нынешняя война за и против Гитлера, Сталина, г-на Чемберлена и так далее даже не затрагивает сущностной проблемы уничтожения дистанции. Она действительно способна разрушить все, ничего не уладив. Если удалось устранить все проблемы нынешнего конфликта, мы все равно останемся с огромной задачей уничтожения границ большинства существующих суверенных государств и их слияния в некий больший мир. Эту задачу нужно выполнить, если мы хотим, чтобы человеческая жизнь продолжалась. Договоров и взаимных гарантий недостаточно. За последние полвека мы, конечно же, достаточно узнали, сколько стоят договоры, чтобы понять это. Мы должны, из-за одного только упразднения дистанции, объединить человеческие дела под одним общим контролем, предотвращающим войну.

Но это упразднение дистанции – лишь один из наиболее ярких аспектов изменения условий человеческой жизни. С ним связано общее изменение масштаба человеческих операций. Последние сто лет были веком изобретений и открытий, превосходящих достижения предыдущих трех тысячелетий. В книге, которую я опубликовал восемь лет назад, «Труд, богатство и счастье человечества», я попытался суммировать наши победы над силой и материей, которые все продолжаются. В таком современном городе, как Бирмингем, за один день расходуется больше энергии, чем было бы нужно для поддержания жизни всей Елизаветинской Англии в течение года. В одном танке содержится больше разрушительной энергии, чем понадобилось армии Вильгельма I для завоевания Англии. Теперь человек способен производить или разрушать в несравненно больших масштабах, чем до начала этой бури изобретений. И следствием этого является постоянное дальнейшее разрушение упорядоченной общественной жизни наших прапрадедов. Исключения нет для всех профессий и ремесел. Старые социальные порядки и разграничения были, как говорится, «выбиты из седла». Хоть рыболовство, хоть земледелие, текстильная работа, металлообработка, добыча полезных ископаемых, – нет такого рода занятий, который не страдал бы от постоянной перестройки на новые методы и возможности. Наши

традиции торговли и распределения спотыкаются из-за этих изменений. Квалифицированные профессии растворяются и исчезают.

Новые властные организации уничтожают леса мира с бешеной скоростью, распахивают огромные пастбища в пустыни, истощают минеральные ресурсы, убивают китов, тюленей и множество редких и красивых видов, разрушают моральный дух всех социальных слоев и опустошают планету. Институты частного присвоения земли и природных ресурсов и частного предпринимательства с целью получения прибыли, которые в течение нескольких столетий в Европе, Америке и на Востоке обеспечивали довольно сносную, стабильную и «цивилизованную» общественную жизнь для всех, кроме самых бедных, с новыми возможностями обрели чудовищную разрушительную силу. Терпеливый, жадный, предприимчивый искатель наживы прошлого, оснащенный теперь огромными когтями и зубами, которыми снабдила его смена масштаба, в клочья растерзал старый экономический порядок. Даже и без войны наша планета опустошается и дезорганизуется. И процесс идет и идет без какого-либо общего контроля, даже более чудовищно разрушительный, чем постоянно возрастающие ужасы современной войны.

Теперь должно быть ясно, что эти две вещи – очевидная необходимость некоего коллективного контроля над миром для устранения войны и менее общепризнанная необходимость коллективного контроля над экономической и биологической жизнью человечества – являются АСПЕКТАМИ ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ПРОЦЕССА. Из этих двух дезорганизация обычной жизни, которая продолжается, есть война или нет ее, является более серьезной и наименее обратимой. И то и другое возникает из-за отмены расстояния и изменения масштаба, они влияют друг на друга и модифицируют друг друга. И, если не признать их параллельность и взаимозависимость, любые проекты всемирной федерации или чего-то в этом роде неизбежно обречены на неудачу.

Вот почему распалась окончательно Лига Наций. Она была юридически-политической. Ее придумал при помощи нескольких политиков бывший профессор Истории старомодного толка. Она игнорировала неимоверный развал человеческой жизни поступью технических революций, крупного бизнеса и современных финансов, для которых сама Великая война была вряд ли более, нежели

побочный продукт. Лига была учреждена так, как будто ничего подобного не происходило.

Военная буря, которая теперь обрушилась на нас из-за продолжившегося раздробления общего управления на лоскутное одеяло суверенных государств, является лишь одним аспектом общей потребности в рациональной консолидации человеческих дел. Независимое суверенное государство с его вечной военной угрозой, вооруженное ресурсами современных механизмов устрашения, является лишь самым вопиющим и ужасающим аспектом того же самого отсутствия согласованного общего контроля, которое делает разросшиеся, независимые, суверенные, частные организации и объединения бизнеса социально разрушительными. Мы все зависели бы от милости «Наполеонов» торговли и «Аттил» финансов, если бы в мире не было ни пушек, ни линкоров, ни танков, ни военной формы. Нас можно было бы продать и обездолить.

Мы должны понимать, что политическая федерация без одновременной экономической коллективизации обречена на провал. Задача миротворца, действительно желающего мира в новом мире, предполагает не только политическую, но и глубокую социальную революцию, более глубокую, чем революция, предпринятая коммунистами в России. Русская революция потерпела неудачу не из-за своего экстремизма, а из-за нетерпения, насилия и нетерпимости в своем начале, из-за отсутствия предвидения и интеллектуальной ограниченности. Космополитическая революция мирового коллективизма, являющаяся для человечества единственной альтернативой хаосу и вырождению, должна зайти гораздо дальше русской. Она должна быть более основательной и лучше продуманной, и ее достижение требует гораздо более героического и более крепкого толчка.

Бесполезно закрывать глаза на величие и сложность задачи установления мира во всем мире. Эти факторы – основа всего.

4. Классовая война

Здесь необходимо указать различие, которое слишком часто игнорируется. Коллективизация означает ведение общих дел человечества под общим контролем, ответственным перед всем обществом. Она означает подавление любого самоуправства как в социальных и экономических делах, так и в международных. Она означает откровенное уничтожение погони за наживой и любых способов, с помощью которых люди ухитряются паразитировать на своих собратьях. Это практическая реализация братства людей через общий контроль. Она означает все это, но и не более того.

Необходимую природу этого контроля, способы его достижения и поддержания еще предстоит обсудить.

Ранние формы социализма были попытками разработать и опробовать коллективистские системы. Но с появлением марксизма большая идея коллективизма переплелась с меньшей, с вечным конфликтом людей в любой нерегулируемой социальной системе, людей, стремящихся взять верх друг над другом. Так продолжалось на протяжении веков. Богачи, властители более умные и жадные до наживы прибирали все к рукам и выжимали пот, угнетали, порабощали, покупали и разоряли менее умных, менее жадных и неосторожных. Имущие в каждом поколении всегда брали верх над неимущими, а неимущие всегда негодовали на свои лишения и нужду.

Так оно есть, так всегда велось в неколлективизи-рованном мире. Горький крик экспроприированного человека эхом отдается в веках, начиная с Древнего Египта и еврейских пророков, осуждающих тех, кто перемалывает бедных в жерновах. В иные времена неимущие бывали так необразованны, так беспомощны среди поделивших их более успешных собратьев, что социальные волнения были невозможны, но всякий раз, когда получали развитие труд на плантациях или на фабриках, скопление людей в портовых городах, расформирование армий, голод и тому подобные явления, объединяющие массы одинаково угнетенных людей, их индивидуальные обиды сливались воедино и становились общим негодованием. Обнажались страдания, лежавшие в основе

человеческого общества. На имущих обрушивалась месть негодующего бунта.

Заметим, что эти восстания неимущих на протяжении веков могли быть и очень разрушительными, но никогда не могли внести никаких фундаментальных изменений в старую-престарую историю о победителях и побежденных. Иногда неимущие могли напугать имущих или иным образом подтолкнуть их к более пристойному поведению. Зачастую неимущие находили Защитника, который приходил к власти на их обидах. И тогда горели скирды и поместья. Аристократов гильотинировали, а их головы напоказ несли на пиках. Такие бури проходили, а когда они проходили, простая практичность обеспечивала возвращение старых порядков; приходили новые люди, но оставалось старое неравенство. Возврат был неизбежным, с незначительными вариациями на фасаде и во фразеологии, согласно основам неколлективного социального порядка.

Следует отметить, что в спонтанной борьбе за человеческую жизнь на протяжении столетий доминирования конницы и пехоты эти непрестанные бунты неудачников против победителей ни разу не привели к какому-либо стойкому улучшению общей участи или сильному изменению черт человеческого сообщества. Ни разу.

Неимущим никогда не хватало разума и способностей, а имущим – совести, чтобы навсегда изменить правила игры. Восстания рабов, крестьянские восстания, восстания пролетариата всегда были приступами ярости, острыми социальными лихорадками, которые проходили, как тучи. Факт остается фактом: история не дает оснований предполагать, что у неимущих, рассматриваемых в целом, имеются какие-либо резервы руководящих и управленческих способностей и бескорыстной преданности, превосходящие резервы более успешных классов. Нет никаких оснований считать их лучше в моральном и интеллектуальном планах.

Многим потенциально способным людям может не хватать образования и возможностей. Они не изначально неполноценны, но при всем том они своего рода калеки, недееспособные и стреноженные. Они не без порчи. Многие особо одаренные люди могут не «преуспеть» в суетливом, конкурентном, стяжательском мире и скатиться в нищету и в растерянный, ограниченный образ жизни

простых людей, но и это исключения. Идея «правильно мыслящего» пролетариата, готового взять все в свои руки, – пустая мечта.

По мере того, как коллективистская идея развивалась из первоначальных положений социализма, более здравомыслящие мыслители видели это вековое взаимоожесточение имущих и неимущих как часть, как наиболее горестную часть, но все же только часть огромной потери человеческих ресурсов, которую повлекла за собой их беспорядочная эксплуатация. В свете текущих событий они все яснее и яснее осознают, что необходимость и возможность остановить это расточительство путем всеобщей коллективизации становится не только все более возможной, но и настоятельной. У них нет иллюзий относительно образования и освобождения, необходимых для достижения этой цели. Они движимы не столько моральными побуждениями, сентиментальной жалостью, достойными восхищения, но тщетными, сколько сильной интеллектуальной рассерженностью на жизнь в дурацкой и разрушительной системе. Они революционеры не потому, что нынешний образ жизни – суровый и тиранический, а потому, что он сверху донизу крайне глуп.

Но на пути социалистического продвижения к коллективизации и к научному поиску облика компетентной руководящей организации мировыми делами вклинивается неуклюжая инициатива марксизма с его догмой классовой войны, которая сделала больше для искажения и стерилизации человеческой доброй воли, чем любое другое неправильное представление о реальности, когда-либо сводившее на нет человеческие усилия.

Маркс смотрел на мир сквозь туман огромного честолюбия. Он был погружен в современные ему идеологии и потому разделял преобладающее социалистическое стремление к коллективизации. Но пока его более здравомыслящие современники размышляли над средствами и результатами, он перескочил от очень несовершенного понимания тред-юнионистского движения в Англии к самым диким обобщениям о социальном процессе. Он изобрел и противопоставил два фантома. Одним из них был Капиталистический строй, другим – Пролетарский.

На земле никогда не было ничего, что можно было бы по праву назвать Капиталистической СИСТЕМОЙ. В мире со всей

очевидностью наблюдалось полное отсутствие системы. Социалисты видели свой путь в том, чтобы открыть и утвердить мировую систему.

Имущие нашей эпохи были и остаются фантастически разнородным скопищем тех, кто унаследовал или получил свои власть и влияние самыми разнообразными средствами и методами. У них не было и нет ничего даже от межродовой социальной солидарности феодальной аристократии или индийской касты. Но Маркс, вглядываясь скорей в глубины своего сознания, чем в какую-либо конкретную реальность, развил и поставил справа свою чудовищную «Систему». Затем ровно напротив нее, слева, все так же пристально вглядываясь в тот же вакуум, он поставил открытых им пролетариев, неуклонно эксплуатируемых и становящихся классово сознательными. В реальности пролетарии были так же бесконечно разнообразны, как и люди на вершине жизни; в реальности, но не в сознании коммунистического провидца. Там они быстро консолидировались.

Вот так, пока другие трудились над гигантской проблемой коллективизации, Маркс нашел свой почти детский по простоте рецепт. Нужно только объяснить рабочим, что их грабит и порабощает порочная «Капиталистическая система», придуманная «буржуазией». Им нужно только «объединиться»; им «нечего терять, кроме своих цепей». Порочная капиталистическая система должна была быть свергнута, с ликвидацией, в роде возмездия, «капиталистов» вообще и «буржуазии» в частности. И тогда наступит тысячелетие под исключительным контролем рабочих, который Ленин позже сжато и сверх-теологически загадочно назвал «диктатурой пролетариата». Пролетариям не нужно ничему учиться, ничего планировать; они правы и добры от природы; они просто «возьмут верх». Бесконечно разнообразная зависть, ненависть и возмущение неимущих должны слиться в могучее творческое движение. Вся добродетель – в них; все зло – в тех, кто их превзошел. Одно хорошо было в этой новой доктрине классовой войны: она прививала рабочим столь необходимое чувство братства, но она же уравновешивала его отрицанием – внушением классовой ненависти. Так началась великая пропаганда классовой войны с чудовищными передергиваниями очевидных фактов. Коллективизацию не придется организовывать: она возникнет волшебным образом, когда инкуб Капитализма и эти раздражающие

нас преуспевшие люди будут отторгнуты от великой пролетарской души.

Маркс был человеком неспособным в денежных делах, вечно преследуемым просроченными счетами. Более того, он питал нелепую тягу к аристократии. Следствием было то, что он мечтал о прекрасной жизни Средневековья, как будто он был еще одним Бэллоком[12], и сосредоточил свою враждебность на «буржуазии», которую он сделал ответственной за все те великие разрушительные силы в человеческом обществе, которые мы рассмотрели. Лорд Бэкон[13], Карл Второй[14] и Королевское общество[15], такие люди, как, например, Кавендиш[16], Джоуль[17] и Уатт[18], – все стали «буржуазией» в его воспаленном воображении. «В течение своего почти столетнего правления, – писал он в «Коммунистическом манифесте», – буржуазия создала более мощные, более грандиозные производственные силы, чем все предыдущие поколения, вместе взятые. Какие более ранние поколения имели хотя бы отдаленное представление о том, что такие производительные силы дремлют в утробе закрепощенного труда?»

«Утробы объединенного труда»! (Боже, что за фраза!) Промышленная революция, которая была следствием механической революции, рассматривается как ее причина. Можно ли еще более запутать факты?

И еще: «…буржуазный строй уже не в состоянии справиться с тем изобилием богатства, которое он создает. Как буржуазия преодолевает эти кризисы? С одной стороны, принудительным уничтожением некоторого количества производительных сил, с другой – завоеванием новых рынков и более основательной эксплуатацией старых. С какими результатами? Это приводит к тому, что открывается путь к более широким и более катастрофическим кризисам и что способность предотвращать такие кризисы уменьшается.

Оружие *(ОРУЖИЕ! Как этот оседлый господин с огромной бородой обожал военные образы!),* с помощью которого буржуазия свергла феодализм, теперь обращено против самой буржуазии.

Но буржуазия не только выковала оружие, которое убьет ее, но и породила людей, которые будут использовать это оружие, – современных рабочих, пролетариев.

И вот они вам, с серпом и молотом в руках, с выпяченной грудью, гордые, величественные, повелительные, в Манифесте. Но пойдите и

сами поищите их на улицах. Поезжайте и посмотрите на них в России.

Даже для 1848 года это не интеллектуальный социальный анализ. Это излияние человека с определенным видением, некритичного к собственным подсознательным предрассудкам, но достаточно проницательного, чтобы понять, насколько велика движущая сила ненависти и комплекса неполноценности. Достаточно проницательный, чтобы использовать ненависть, и достаточно полный горечи, чтобы ненавидеть. Просто прочтите Коммунистический Манифест и подумайте, кто мог бы разделить эту ненависть или даже полностью взять на вооружение, если бы Маркс не был сыном раввина. Поставьте «евреи» вместо буржуазии, и Манифест предстанет чисто нацистским учением разлива 1933–1938 годов.

Разобранная таким образом до самой сути первичная ложность марксистских положений очевидна. Но одна из странных общих слабостей человеческого ума состоит в том, чтобы быть некритичным к первичным положениям и препятствовать любому исследованию их обоснованности, развивая вторичное, топя в технических деталях и общепринятых формулах. Большинство наших систем верований покоится на прогнивших основах, и в основном эти основы провозглашаются священными, чтобы уберечь их от покушений. Они становятся догмами в своего рода святая святых. Сказать: «Но это же чепуха!» – до ужаса невежливо. Защитники всех догматических религий впадают в ярость и негодование, когда кто-нибудь касается абсурдности их основ. Особенно если кто-то смеется. Это богохульство.

Это уклонение от фундаментальной критики является одной из величайших опасностей для любого общечеловеческого понимания. Марксизм не является исключением из общей тенденции. Капиталистическая система должна быть для марксистов реальной системой, буржуазия – организованным заговором против рабочих… И каждый человеческий конфликт везде и всюду должен быть аспектом классовой войны, иначе они не станут говорить с вами, не станут вас слушать. Ни разу не было предпринято попытки ответить на те простые вопросы, о которых я говорил в течение трети века. Все, что не на их языке, стекает с их сознания, как вода со спины утки. Даже Ленин, самый тонкий ум в коммунистической истории, не избежал этой ловушки, и когда я разговаривал с ним в Москве в 1920 году, он,

казалось, был совершенно не в состоянии понять, что жестокий конфликт, происходящий в Ирландии между католическими националистами и протестантским гарнизоном, – вовсе не священное в его понимании восстание пролетариата во всю мощь.

Сегодня есть довольно много писателей, и среди них люди науки, которые вроде бы должны лучше соображать… писателей, торжественно разрабатывающих псевдофилософию науки и общества на глубоко захороненных, но совершенно нелепых основах, заложенных Марксом. Месяц за месяцем трудолюбивый Левый книжный клуб подпитывает новым томом умы своих приверженцев, чтобы поддержать их мыслительные устои и привить их от заразного влияния неортодоксальной литературы. Партийный Указатель запрещенных книг, несомненно, последует. Выдающиеся профессора с торжественным восторгом от собственной замечательной изобретательности читают лекции и даже выпускают серьезные на вид тома, посвященные превосходству марксистской физики и марксистских исследований над безымянной деятельностью человеческого разума. Им стараются не грубить, но трудно поверить, что они намеренно не дурачат сами себя. Или они чувствуют, что грядет коммунистическая революция, и делают все возможное, чтобы оправдать ее с прицелом на неизбежные кровавые дни?

Здесь я не могу подробно останавливаться на истории подъема и разложения марксизма в России. Она во всех деталях подтверждает мое утверждение о том, что идея классовой войны запутывает и искажает стремление мира к всемирному коллективизму. Это болезнь, лишающая сил космополитический социализм. Она в общих чертах повторяет общую историю каждого восстания неимущих с самого начала Истории. Россия в тени проявила огромную неэффективность и медленно сползла до России во мгле. Ее плеяда некомпетентных прорабов, управляющих, организаторов выработала сложнейшую систему самозащиты от критики. Они саботировали друг друга, интриговали друг против друга. Квинтэссенцию всего этого можно найти в книге Литтлпейджа[19] «В поисках советского золота». И, как повелось с бунтами неимущих с самого начала Истории, восставшие массы пришли к культу героев. Появился неизбежный Защитник. Отвернувшись от царя, они через двадцать лет поклоняются Сталину, изначально довольно честному, неоригинальному, честолюбивому

революционеру, пришедшему в итоге к жестокости ради самозащиты и вознесенному лестью до его нынешнего квазибожественного самодержавия. Цикл завершается, и мы видим, что и эта, как всякая другая чисто насильственная революция, ничего не изменила. Множество людей уничтожено, множество других заменили их, и Россия, кажется, возвращается к той точке, с которой она началась – к патриотическому абсолютизму сомнительной эффективности и неясных, неисчислимых целей. Сталин, я полагаю, честен и благожелателен в своих намерениях, он верит в коллективизм просто и ясно, он все еще находится под впечатлением, что делает хорошее дело для России и стран, находящихся в ее сфере влияния, и он самоуверенно нетерпим к критике или оппозиции. Его преемник может быть не столь бескорыстен.

Но я написал достаточно, чтобы понять, почему мы должны полностью отделить коллективизацию от классовой войны в наших умах. Не будем больше тратить время на зрелище марксиста, ставящего телегу перед лошадью и самого себя впрягающего. Мы должны выбросить из головы это пролетарское искажение и начать заново решать вопрос о том, как реализовать НОВЫЕ, НЕВИДАННЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ МИРОВОЙ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ, открывшиеся миру за последние сто лет. Это новая история. Совсем другая история.

Мы, люди, сталкиваемся с гигантскими силами, которые либо полностью уничтожат наш вид, либо поднимут его на совершенно беспрецедентный уровень могущества и благополучия. Эти силы нужно контролировать, иначе мы будем уничтожены. Но, грамотно управляемые, они могут упразднить тяжелый труд, они могут упразднить бедность, они могут упразднить рабство и единственным верным способом сделать эти вещи ненужными. У классового военного коммунизма была возможность реализовать все это, но он не смог этого сделать. Он всего лишь заменил одну самодержавную Россию другой. Россия, как и весь остальной мир, по-прежнему сталкивается с проблемой компетентного управления коллективной системой. Она не разрешила ее.

Диктатура пролетариата нас подвела. Мы должны искать возможности контроля в других направлениях. Можно ли их найти?

5. Ненасытная молодость

Теперь мы должны рассмотреть эти разрушительные силы немного более внимательно, те самые разрушительные силы, которые вызывающе перенапрягают и разрушают ту социальную и политическую систему, коей вскормлено большинство из нас. В каких конкретных точках нашей политической и социальной жизни обнаруживаются высшие точки этих разрушительных сил?

На главной из этих точек (что люди начинают понимать все более и более ясно) находится обычный, полуобразованный молодой человек.

Одним из особенных последствий прилива индустриальных изобретений наших дней является прямо-таки наводнение избыточной человеческой энергии в виде безработной молодежи. Это основной фактор общей политической нестабильности.

Мы должны признать, что человечество не страдает, как мы видим у большинства видов животных, от голода или любой материальной нехватки. Ему угрожает не дефицит, а избыток. При полнокровии не ложатся и не умирают от физического истощения, а падают с апоплексическим ударом.

Судя по любым стандартам, кроме человеческой удовлетворенности и абсолютной безопасности, сейчас человечество выглядит гораздо богаче, чем в 1918 году. Объем доступной энергии и материальных благ намного больше. То, что называется производительностью, – тоже больше. Но есть веские основания предполагать, что большая часть этой возросшей производительности на самом деле является ускоряющейся и углубляющейся эксплуатацией невосполнимого капитала. Это процесс, который не может продолжаться бесконечно. Он возрастет до максимума, а затем праздник закончится. Природные ресурсы истощаются с огромной скоростью. Повышение производительности работает на военные нужды, целью которых является разрушение, и на пустое потакание бесплодным прихотям. Человек, «наследник веков» – это деморализованный расточитель, живущий в состоянии галопирующего потребления, на стимуляторах.

Если мы обратимся к статистике населения, то обнаружим неопровержимые доказательства того, что везде мы проходим максимум (см., например, «Сумерки отцовства» Энид Чарльз[20] или «Данные по приросту населения» Р.Р. Кучинского[21]) и что быстрый спад неизбежен не только в Западной Европе, но и во всем мире. Есть веские основания сомневаться в якобы огромном росте русского народа. Тем не менее из-за постоянно возрастающей эффективности производственных методов давление нового безработного класса возрастает. «Толпа» двадцатого века разительно отличается от почти животной «толпы» восемнадцатого века. Это беспокойное море неудовлетворенных молодых людей, молодых женщин, которые больше не рожают детей, и молодых мужчин, которые не могут найти выхода своим природным склонностям и амбициям, – молодых людей, готовых «устроить неприятности», как только им покажут, как это делается.

В технически грубом прошлом неграмотные неимущие напрягались и перерабатывали. Грубой работы было достаточно, чтобы обеспечить всех. Такие избыточные массы больше не нужны. Труд больше не продается. Машины могут работать лучше и с меньшим сопротивлением.

Эти отчаявшиеся массы все острее осознают свою ненужность. Отчасти искусственная пропасть между ними и имеющими хороший старт в жизни значительно уменьшилась, потому что теперь все грамотны. Даже для случайной работы им приходилось учиться грамоте, и новая читающая публика породила в

прессе и литературе свои спрос и предложение. Кино и радио ослепляют их картинами роскоши и нестесненной жизни. Они не «фабричное мясо» столетней давности. Они образованы до уровня среднего класса 1889 года. Они и вправду в значительной степени представляют собой вытесненный средний класс, беспокойный, нетерпеливый и, как мы увидим, чрезвычайно опасный. Они вобрали в себя почти все низшие слои, которые прежде были неграмотными работягами.

И это модернизированное избыточное население уже не имеет никакого социального смирения. Оно не верит в непогрешимую мудрость своих правителей. Оно видит их слишком ясно, порой даже с преувеличенной яркостью; оно знает о них, об их расточительстве,

пороках и слабостях. Оно не видит причин для того, чтобы такие люди исключали это население из благ жизни. Оно достаточно избавилось от чувства неполноценности, чтобы понять, что большая часть этой неполноценности внушалась необоснованно и искусственно.

Вы можете возразить, что это временное положение вещей, что спад населения вскоре облегчит ситуацию за счет избавления от переизбытка «ненужных».

Но ничего подобного не будет. По мере уменьшения населения будет падать потребление. Промышленность по-прежнему будет работать все эффективней и эффективней, рынок будет сокращаться, понадобится все меньше и меньше рабочих рук. Государство с пятью миллионами людей и полумиллионом бесполезных рук будет в два раза менее устойчивым, чем сорок миллионов с двумя миллионами не у дел. Пока сохраняется нынешнее положение, прослойка растерянных молодых людей «не у дел» будет увеличиваться относительно всего сообщества.

До сих пор не осознано так, как следовало бы, насколько беды настоящего времени обязаны этому новому аспекту социальной головоломки. Но если вы внимательно изучите события последнего полувека в свете этой точки зрения, вы увидите, что разрушительные силы проявляются главным образом посредством этой растущей массы несбывшихся желаний.

Нетерпеливая и предприимчивая безработная молодежь действительно становится повсюду ударной силой в разрушении старого социального порядка. Они тянутся под руководство какой-либо не знающей сомнений партии или не знающего сомнений Борца, которые организуют их ради революционных или контрреволюционных целей. Неважно, ради каких. Они становятся коммунистами или фашистами, нацистами, Ирландской Республиканской армией, ку-клукс-клановцами и так далее. Суть заключается в сочетании энергии, разочарования и недовольства. Общим для всех этих движений является искреннее негодование по поводу социальных институтов, породивших их, а затем хладнокровно отвергнувших, квазивоенная организация и решимость захватить власть для себя, воплощенная в их лидерах. Мудрое и могущественное правительство предвидело бы и любой ценой предотвратило эти разрушительные действия, обеспечив разнообразной и интересной

новой работой и необходимыми условиями успешной жизни каждого. Эти молодые люди – жизнь. Возвышение успешного лидера лишь на время откладывает неприятности. Он захватывает власть во имя своего движения. А потом? Когда захват власти осуществлен, он оказывается обязанным поддерживать ход, искать оправдания для своего руководства, раздувать кампании за или против неотложных вызовов.

Прозорливый лидер, с адекватной технической помощью, мог бы направить большую часть человеческой энергии, которую он воплотил, в творческое русло. Например, он мог бы перестроить грязные, несовершенные города нашего века, превратить все еще неряшливую сельскую местность в сады и игровые площадки, переоблачить, освободить и стимулировать воображение, пока идеи творческого прогресса не станут привычкой ума. Но при этом он столкнется с теми, кто живет предрассудками и убеждениями старого образца. Эти относительно обеспеченные люди будут, спасая свои деньги, торговаться с ним до последнего, мешать ему изымать и использовать землю и материальные ресурсы. Когда он организовывал свою молодежь, ему пришлось обратить их ум и способности от созидательной работы к систематическому насилию и воинственной деятельности. Легко превратить безработного молодого человека в фашиста или бандита, но трудно вернуть его к какой-либо достойной социальной задаче. Вот с чем он столкнется впоследствии. Более того, ведь само его лидерство изначально во многом опиралось на его качества заговорщика и авантюриста. Он сам не годится для творческой работы. Он оказывается боевым вожаком боевой стаи.

Отсюда, если только его страна не масштаба России и Соединенных Штатов, что бы он ни предпринял с целью выполнить свои обещания изобильной жизни, поневоле будет осуществляться в условиях того взаимного давления суверенных государств из-за отмены расстояния и изменения масштаба, которое мы уже рассмотрели. У него нет пространства для маневра. Результатом этих накапливающихся трудностей становится безжалостный разворот его самого и его боевой стаи в направлении все упрощающей, освобождающей и раскрепощающей хищнической войны.

Повсюду в мире, при разности местных условий, мы видим, что правительства в первую очередь озабочены этой главенствующей проблемой – что делать с молодыми людьми, которые не имеют

работы при нынешнем положении дел. Мы должны осознать это и постоянно помнить об этом. Проблема эта есть в каждой стране. Самый опасный и неправильный взгляд на мировую ситуацию – рассматривать тоталитарные страны как принципиально отличающиеся от остального мира.

Проблема реабсорбции безработных крайне насущна во всех государствах. Это общий сюжет, к которому сводятся все нынешние политические драмы. Как нам использовать или насытить этот избыток человеческой энергии? Молодые – это живое ядро нашего вида. Поколение младше шестнадцати-семнадцати еще не начало доставлять хлопот, а после сорока отлив жизненных сил склоняет людей примириться с тем, что есть.

Франклин Рузвельт и Сталин оказались во власти над обширными странами в состоянии либо недостаточного, либо искаженного развития, так что их основная энергия уходит на внутреннюю организацию или реорганизацию. Поэтому они не создают напряжения на своих границах и не угрожают войной. Недавние российские аннексии носили предупредительный и оборонительный характер. Но все равно и России, и Америке приходится обслуживать этот беспокойный социальный слой не меньше, чем Европе. Новый курс – это явная попытка достичь рабочего социализма и предотвратить социальный коллапс в Америке; она идет в явную параллель последовательной «политике» и «планам» русского эксперимента. Американцы избегают слова «социализм», но как еще это можно назвать?

Британская олигархия, деморализованная и размякшая на накопленных за столетие ее верховенства богатствах, на время откупилась от социальных потрясений расчетливой и социально деморализующей подачкой пособия по безработице. Она не предприняла никаких адекватных усилий, чтобы занять или обучить этих лишних людей; она просто сунула им пособие. Она даже пытается откупиться от лидера Лейбористской партии зарплатой в 2000 фунтов в год. Что бы мы ни думали о качествах и деяниях нацистского или фашистского режимов или о безумствах их лидеров, мы должны, во всяком случае, признать, что они пытаются, пусть и неуклюже, перестроить жизнь в коллективистском направлении. Этими попытками приспособиться и перестроить они пока опережают

британский правящий класс. Британская империя показала себя наименее конструктивной из всех правительств. Она не продуцирует никаких Новых Курсов, никаких Пятилетних Планов; она и дальше пытается предотвратить неизбежный распад, действуя в прежнем духе, и, по-видимому, будет делать это до тех пор, пока ей больше нечего будет отдавать.

«Мир в наше время», это глупое преждевременное самовосхваление мистера Чемберлена, очевидно, является руководящим принципом британских старых государственных деятелей. Это естественное желание, которое мы все начинаем испытывать в возрасте после шестидесяти: где-нибудь спокойно посидеть. Они любой ценой хотят удержать спокойствие без прогресса, даже ценой превентивной войны. Эта удивительная кучка правителей никогда не выдвигала никакой концепции общего будущего для своей расползающейся империи. Было время, когда эта империя, казалось, должна была стать связующим звеном мировой системы, но теперь очевидно, что у нее нет будущего, кроме распада. А ее правители явно ожидали, что она будет существовать так всегда. Мало-помалу ее составные части отпали и стали почти независимыми в своей политике, в основном после безграмотной борьбы; Ирландия, например, нейтральна в нынешней войне, Южная Африка колебалась.

Сейчас (и вот с целью показать это я пишу настоящую книгу) эти люди, совершив ряд почти невероятных ошибок, втянули то, что осталось от их империи, в великую войну, чтобы «покончить с Гитлером», и у них нет абсолютно никаких идей, что предложить своим противникам и всему миру для эпохи «после Гитлера». По-видимому, они надеются парализовать Германию каким-то пока еще неизвестным образом, а затем вернуться к гольфу или рыбной ловле и дремать у камелька после обеда. Это, безусловно, один из самых поразительных случаев в Истории, когда вероятность смерти и разрушения выше всякой меры, а наши воюющие правительства понятия не имеют о том, что будет после низвержения Гитлера. Они представляются такими же лишенными какого-либо чувства будущего, такими же совершенно ничего не смыслящими в последствиях своих военных кампаний, как те американские консерваторы, которые «всего лишь против Федеральной Резервной Системы, чтоб ее!».

Отсюда, Британская империя остается лишь с накопленными богатством и властью своего прошлого, оплачивая ими свой путь к неизбежному банкротству, покупая себе передышку от запутанных проблем будущего. Она быстро становится самой отсталой политической организацией в мире. Но рано или поздно у нее не останется ни денег на пособие по безработице, ни союзников, от которых она могла бы отказаться, ни доминионов, которые она могла бы уступить местным хозяевам, и тогда, возможно, ее распад завершится (мои соболезнования), поставив в итоге разумных англичан вместе с Америкой и остальным разумным миром перед универсальной проблемой. А именно: как приспособиться к могучим разрушительным силам, сотрясающим человеческое общество в его нынешнем виде?

В небольших странах, ограниченных в своем пространстве и не имеющих огромных природных ресурсов русского и атлантического сообществ, внутреннее напряжение более непосредственно подталкивает к захватнической войне, но основной движущей силой их агрессивности является все та же всеобщая беда: избыток молодых людей.

С этой более широкой точки зрения нынешняя война предстает в своих истинных пропорциях как глупый конфликт по второстепенным вопросам, задерживающий и препятствующий назревшей мировой перестройке. То, что она может убить сотни тысяч людей, ничего не меняет. Идиот с револьвером может убить семью. Но он останется идиотом.

Эпоха 1914–1939 годов была эпохой безрассудств, подлости, увиливаний и злобы, и только очень въедливый и старательный историк взялся бы распределить вину между теми, кто сыграл свою роль в этой эпохе. И даже сделай он это, его труд не будет иметь ни малейшего значения. Перед всеми нами встает почти непреодолимая проблема, и в какой-то мере мы все потеряли голову перед ней, потеряли достоинство, выживали из ума, цеплялись за дешевые решения, глупо ссорились между собой. «Мы ошиблись и сбились с пути. Мы не сделали того, что должны были сделать, и сделали то, чего не должны были делать, мы больны».

Я не вижу никакого иного пути к решению проблемы мира во всем мире, кроме как начать с признания всеобщей неправоты в

мышлении и действиях. Вот тогда мы сможем приступить к поискам решения вопроса, имея сколько-то разумную перспективу найти ответ.

Теперь допустим, что «мы» – это ряд разумных людей, немцев, французов, англичан, американцев, итальянцев, китайцев и т. д., которые решили, в результате войны и вопреки войне, пока война еще продолжается, выкинуть из головы все накопившиеся обиды и обсудить ясно и просто нынешнее положение человечества. Что делать с миром? Давайте подытожим соображения, изложенные до этого момента, а затем рассмотрим, куда они нас ведут, какие другие общие соображения могут их дополнить и какие перспективы они открывают, если таковые вообще имеются… Для какого-то обнадеживающего согласованного действия, действия, которое настолько революционизирует человеческое мировоззрение, чтобы навсегда покончить с войной и приступами повторяющегося разбазаривания человеческих жизней и счастья.

Во-первых, было ясно показано, что человечество находится в конце эпохи, эпохи раздробленности в управлении своими делами, политической раздробленности между отдельными суверенными государствами, и экономической – между неограниченными деловыми организациями, конкурирующими за прибыль. Уничтожение дистанции, колоссальное увеличение доступной энергии, эти коренные причины всех наших бед, внезапно превратили то, что когда-то было сносной рабочей системой – системой, которая, возможно, со всем ее неравенством и несправедливостями была единственной практичной рабочей системой в свое время – в чрезвычайно опасную и расточительную. И она угрожает полностью истощить и уничтожить наш мир. Человек оказался подобен безответственному наследнику, который, вдруг дождавшись капитала, тратит его так, как если бы это был доход. Мы живем в период неистовых и невосполнимых расходов. Между нациями и отдельными людьми усиливается борьба за то, чтобы приобрести, монополизировать и потратить. Обездоленная молодежь оказывается не у дел, если не прибегает к насилию. Это подразумевает возрастающую нестабильность. Только всеобъемлющая коллективизация человеческих дел может остановить это беспорядочное саморазрушение человечества. Все это вполне ясно из изложенного ранее.

Эта сущностная проблема, проблема коллективизации, может быть рассмотрена с двух перекликающихся точек зрения и сформулирована двумя различными способами. Мы можем поставить два вопроса: либо «Что нужно сделать, чтобы положить конец мировому хаосу?», либо «Как мы можем предложить простому молодому человеку разумную и стимулирующую перспективу полноценной жизни?».

Эти два вопроса являются и прямой, и оборотной сторонами одного и того же вопроса. Ответ на один дает ответ и на другой. И ответ на оба вопроса состоит в том, что мы должны коллективизировать мир как единую систему, в которой каждый играет достаточно устраивающую его роль. По здравым практическим соображениям, помимо любых этических или сентиментальных соображений, мы должны разработать коллективизацию, которая не будет ни деградировать, ни порабощать.

И тогда наша воображаемая всемирная конференция должна обратиться к вопросу о том, как коллективизировать мир, чтобы он оставался коллективизированным и в то же время предприимчивым, интересным и достаточно счастливым, чтобы удовлетворить того простого молодого человека, который в противном случае снова будет торчать, растерянный и угрюмый, на углах улиц и снова повергнет мир в смятение. Этой проблеме и будет посвящена остальная часть этой книги.

На самом деле совершенно очевидно, что в настоящее время миру очень быстро навязывается своего рода коллективизация. Каждый учтен, получает приказы, поставлен под контроль на отведенном ему месте – даже если это всего лишь эвакуация, концлагерь или нечто в этом роде. Этот процесс коллективизации затронул природу вещей, и нет никаких оснований полагать, что он обратим. Есть люди, воображающие себе мир во всем мире как конец этого процесса. Коллективизация будет побеждена, а смутно представляемое царство закона будет восстановлено и защитит собственность, христианство, индивидуализм – все, что привычно для респектабельных и успешных. Гораздо разумнее полагать, что мир во всем мире должен быть необходимым завершением этого процесса и что альтернативой ему является упадническая анархия.

Об этом, о неизбежности коллективизации как единственной альтернативы всеобщему разбою и социальному коллапсу, наша всемирная конференция должна заявить совершенно ясно.

Затем она должна обратиться к гораздо более сложному и запутанному вопросу о том, КАК это сделать.

6. Социализм неизбежен

Давайте теперь, пусть и за счет некоторых повторений, немного внимательнее рассмотрим, каким образом разрушительные силы проявляют себя в Западном и Восточном полушариях.

В Старом Свете бросается в глаза гипертрофия армий, в Америке – гипертрофия крупного бизнеса. Но и в том и в другом случае все более и более отчетливо признается необходимость возрастающего коллективного сдерживания не координированных сил бизнеса и политики.

В Америке существует сильная оппозиция президенту, возглавившему коллективизирующее движение, со стороны крупных игроков. Сейчас они хотят затормозить его прогрессивную социализацию нации и, вполне возможно, ценой усиления социальных трений они могут весьма значительно замедлить дрейф к социализму. Но невероятно, чтобы они осмелились спровоцировать социальный взрыв, который последует за переключением двигателя в обратную сторону или за любой попыткой вернуться к славным дням, предшествовавшим 1927 году… Дням большого бизнеса, дикой спекуляции и растущей безработицы. Они могут лишь замедлить движение. Ибо теперь в мире все дороги ведут либо к социализму, либо к общественному распаду.

Темп этого процесса различен на обоих континентах, и в этом главное отличие между ними. Противопоставления нет. Они движутся с разной скоростью, но к одной и той же цели. В настоящее время в Старом Свете социализация общества идет гораздо быстрее и основательнее, чем в Америке, из-за постоянной угрозы войны.

В Западной Европе сейчас и распад, и стремление к социалистическим тенденциям прогрессируют семимильными шагами. Британский правящий класс и британские политики в целом, захваченные войной, которую им не хватило ума предотвратить, последние двадцать лет пытались возместить свое халатное отсутствие воображения пылкими и слабоумными импровизациями. Бог знает, к чему сводятся их реальные военные приготовления, но их внутренняя политика, похоже, основывается на неизвлечении уроков из недавней

Гражданской войны в Испании и «польского начала» новой войны. Они боятся дня расплаты со своими давно одураченными низшими классами. В своей панике они быстро разрушают существующий порядок.

Изменения, произошедшие в Великобритании менее чем за год, поразительны. Они во многом напоминают социальные потрясения в России в последние месяцы 1917 года. Произошло перемещение и смешение людей, которое в 1937 году никому бы не показалось возможным. Эвакуация населенных пунктов под одной лишь преувеличенной угрозой воздушных налетов проводилась властями в состоянии безумного безрассудства. Сотни тысяч семей были разлучены, детей отрывали от родителей и селили в домах более или менее неохотных хозяев. Паразиты и кожные заболевания, порочные привычки и антисанитария распространились, словно следуя пропаганде равенства, из трущоб таких центров, как Глазго, Лондон и Ливерпуль, по всей стране. Железные дороги, дорожное движение, все нормальные коммуникации были нарушены всеобщим передвижением. Вот уже несколько месяцев Великобритания больше похожа на потревоженный муравейник, чем на организованную цивилизованную страну.

Зараза трусости затронула всех. Государственные учреждения и крупные деловые круги устремились в отдаленные и неудобные места. Би-би-си, например, сломя голову сбежала из Лондона, бессмысленно и нелепо, хотя никто за ней не охотился. Последовала безумная эпидемия увольнений лондонских слуг и еще более дикое привлечение неподходящих людей на новые, ненужные работы. Всех призывают служить стране. Двенадцатилетних детей, к великой радости консервативно настроенных фермеров, забирают из школы и заставляют работать на земле… И все же число тех, кто потерял работу и не может найти себе другого занятия, выросло более чем на 100 000 человек.

Были дилетантские попытки нормировать пищу, и эти попытки привели к избытку в одном месте и искусственному дефициту в другом. Своего рода истребление мелких независимых предприятий идет в основном на пользу крупных снабженческих концернов, которые за одну ночь из явных спекулянтов превратились в «опытных» советников по снабжению продовольствием. Весь опыт, который у них

имеется, есть только опыт извлечения прибыли из поставок продовольствия. Но насколько прибыли растут, настолько налоговики с великой решимостью принимаются их обстригать.

Британская публика всегда была флегматична перед лицом опасности. Она слишком добродушна и слишком глупа, чтобы поддаваться чрезмерному страху, но власти сочли необходимым обклеить стены огромными, вызывающе дорогими плакатами, увенчанными королевской короной: «ТВОЕ мужество, ТВОЯ решимость, ТВОЯ жизнерадостность принесут нам победу».

«Ну да, – слышим от лондонского кокни. – Победа будет за ВАМИ. Уж ВЫ верьте в МОЕ мужество, МОЮ решимость, МОЮ жизнерадостность, пользуйте «Томми Аткинса»[22] на все сто. Посмеивайтесь над ним по-доброму и используйте его. А потом, что думаете? Опять вышвырнуть его куда подальше? ОПЯТЬ? Во второй раз?»

Все это слишком правдоподобно. Но на этот раз наши правители выйдут из конфликта опозоренными неудачниками и столкнутся с дезорганизованным населением, задающим мятежные вопросы. Они дали нелепые обещания восстановить Польшу, и им, конечно, придется подавиться своими обещаниями. Или, что более вероятно, правительству придется уступить место другой администрации, которая сможет за них с несколько большей грацией это обещание проглотить. На сей раз вряд ли можно ожидать благодарственных церковных служб или всенощного празднования Перемирия. Люди в тылу переносят тяготы войны тяжелее и с большим раздражением, чем те, кто в армии. Кинотеатры и театры поспешно закрыты, отключения электричества снизили безопасность улиц и удвоили число жертв на дорогах. Британская толпа уже стала угрюмой толпой. Мир не видел ее в таком дурном расположении духа уже полтора столетия, и, не будем заблуждаться, она гораздо меньше сердится на немцев, чем на своих собственных правителей.

Во всем этом водовороте унизительной пропаганды гражданского разлада, систематического подавления новостей и нападок самого несносного толка, подготовка к войне идет своим ходом. Растерянный и сбитый с толку гражданин может только надеяться, что в военном отношении больше предусмотрительности и меньше истерии.

Потеря доверия, особенно доверия к правительству и общественному порядку, уже огромна. Никто больше не чувствует себя защищенным ни в отношении работы, ни в отношении своей нужности, ни в отношении сбережений. Люди теряют доверие даже к деньгам в своих карманах. А человеческое общество построено на доверии. Оно не может жить без него.

Так уже обстоят дела, и это только начало этой странной войны. Положение правящего класса и финансистов, которые до сих пор доминировали в британских делах, сейчас своеобразно. Цена войны уже огромна, и нет никаких признаков того, что она уменьшится. Подоходный налог, сверхналог, пошлины на смерть, налоги на военные нужды подняты до уровня, который должен практически полностью уничтожить некогда процветавшие средние слои общества. Очень богатые выживут со съежившимися и уменьшенными состояниями. Они как-то продержатся до последнего, но средние классы, которые до сих пор находились между ними и теми обнищавшими массами населения, которым особенно достается от военных тягот, массами, среди которых особенно растет безработица и которые задают все более и более проницательные вопросы, эти средние классы значительно уменьшатся. Только благодаря самым хитроумным денежным манипуляциям, рискованному уклонению от уплаты налогов и граничащим с подлостью приемчикам умный молодой человек получит призрачный шанс подняться по прежней традиционной лестнице денежной карьеры, обойдя своих товарищей. С другой стороны, карьера государственного служащего будет становиться все более привлекательной. В ней больше интереса и больше самоуважения. Чем дольше будет продолжаться война, тем полнее и непоправимее будет распад старого порядка.

Теперь обращусь ко многим читателям, которые не поверили утверждению первого раздела этой книги о том, что мы живем в Конце Века. К тем, кто был невосприимчив к рассказу о разрушительных силах, уничтожающих социальный порядок, и к выводам, которые я сделал из них. К тем, кто, возможно, отмахнулся от всего этого, решив для себя, что они являются «научными», или «материалистическими», или «социологическими», или «высоколобыми», и что Провидение, которое до сих пор так явно благоволило обеспеченным, благоустроенным и вяло мыслящим людям, обязательно как-нибудь о

них позаботится в одиннадцатом часу[23]. Реальные неудобства, тревоги, потери и возрастающая беспорядочность жизни вокруг вас могут, наконец, привести вас к осознанию того, что положение в Западной Европе приближается к революционным условиям. Многим людям из привилегированных классов, особенно если они среднего возраста, будет трудно признать, что старый порядок уже развалился и никогда не может быть восстановлен. Но как они могут сомневаться в этом?

Революция, то есть более или менее судорожная попытка социальной и политической перестройки, неизбежно произойдет во всех перенапряженных странах. В Германии, в Англии и повсюду. Скорее всего, она возникнет непосредственно из невыносимых диминуэндо и крещендо нынешней войны, как ее кульминационная фаза. Какая-то революция у нас должна быть. Мы не можем предотвратить ее наступление. Но мы можем повлиять на ход ее развития. Она может закончиться полной катастрофой, а может породить новый мир, намного лучше старого. Вот в таких широких пределах мы можем выбирать, какой она будет.

И поскольку единственный практический вопрос, стоящий перед нами, – это вопрос о том, как мы будем воспринимать эту мировую революцию, которой мы никак не можем избежать, позвольте мне напомнить вам причины, которые я выдвинул во втором разделе этой книги, для самого широкого публичного обсуждения нашего положения в настоящее время. И еще позвольте мне напомнить рассмотрение марксизма в четвертом разделе. Там показано, как легко коллективистское движение, особенно когда оно получает лишь слабое силовое сопротивление и отпор от тех, кто до сих пор пользовался богатством и властью, может выродиться в старомодную классовую войну, стать заговорщическим, догматическим и негибким и прийти к поклонению вождю и самодержавию. Именно это, по-видимому, и произошло в России на ее нынешнем этапе. Мы не знаем, насколько там сохранился первоначальный революционный дух, и реальный фундаментальный вопрос в мировой ситуации заключается в том, должны ли мы идти по стопам России или же мы собираемся взять себя в руки, встретиться лицом к лицу с суровой логикой необходимости и произвести Западную Революцию, которая выиграет

от российского опыта, отреагирует на Россию и приведет в конечном счете к мировому пониманию вещей.

Что же в современном советском мире Атлантический мир находит самым неприятным? Есть ли в нем неодобрение коллективизма как такового? Только неодобрение со стороны редеющего меньшинства богатых и преуспевающих и, очень редко, со стороны сыновей таких людей. В наши дни очень немногие дееспособные мужчины моложе пятидесяти лет остаются индивидуалистами в политических и социальных вопросах. Они даже не являются принципиально антикоммунистическими субъектами. Но бывает так, что по разным причинам политическая жизнь общества все еще находится в руках необучаемых людей старой закалки. Так называемые «демократии» сильно страдают от правления стариков, которые не идут в ногу со временем. Реальное и действенное неодобрение, недоверие и неверие в прочность советской системы заключается не в устаревшем индивидуализме этих пожилых типов, а в убеждении, что советская система никогда не сможет достичь эффективности или даже сохранить свой честный идеал «каждый для всех» и «все для каждого», если в ней не будет свободы слова и законодательно определенных свобод для личности в коллективистских рамках. Мы не осуждаем Русскую революцию как революцию. Мы жалуемся, что это недостаточно хорошая революция, а мы хотим лучшей.

Чем выше коллективизация, тем более необходима правовая система, воплощающая Права Человека. Это было забыто при Советах, и потому люди живут там в страхе перед полицейским произволом. Но чем больше функций контролирует ваше правительство, тем больше потребность в защищающем законе. Возражение против советского коллективизма состоит в том, что без антисептика юридически гарантированной личной свободы он не устоит. Советский коллективизм исповедует в своей основе общую экономическую систему, основанную на идеях классовой войны; промышленный руководитель находится под пятой партийного комиссара; политическая полиция вне любого контроля, и дело неизбежно идет к олигархии или самодержавию, защищающим свою недееспособность подавлением отрицательных мнений.

Но эти обоснованные критические замечания лишь указывают на тот вид коллективизации, которого следует избегать. Они не отрицают коллективизма как такового. Если мы не хотим в свой черед быть затопленными волной большевизации, которая очевидно идет с Востока, мы должны провести в жизнь все эти обоснованные возражения и создать коллективизацию, которая будет более эффективной, более процветающей, терпимой, свободной и быстро прогрессирующей, чем система, которую мы осуждаем. Мы – те, кому не нравится сталинизированное марксистское государство, – вынуждены, как говорили в британской политике, «подкармливать» его, делая лучше. Мы должны противопоставить духу восточного коллективизма дух западного коллективизма.

Пожалуй, лучше вот как сказать. Возможно, здесь мы поддаемся подсознательному тщеславию и предполагаем, что Запад всегда будет мыслить более свободно и ясно и работать более эффективно, чем Восток. Сейчас все так, но, возможно, так будет не всегда. В каждой стране были свои фазы просветления и фазы слепоты. Сталин и сталинизм не являются ни началом, ни концом коллективизации России.

Мы имеем дело с тем, что до сих пор почти невозможно оценить: насколько новый русский патриотизм и новое поклонение Сталину смели, а насколько просто замаскировали подлинно творческий интернациональный коммунизм революционных лет. Русский ум не смиренен, а большая часть литературы, доступной молодому человеку для чтения в России, мы должны помнить, все еще революционна. Книг там не сжигали. Московское радио проявляет в вещании на страну большую озабоченность со стороны правительства в убеждении населения, что в гитлеровско-сталинском пакте не было никакого жертвования революционными принципами. Это свидетельствует о живучести общественного мнения в России. Противоречия между учениями 1920 и 1940 годов могут оказать освобождающее воздействие на умы многих людей. Русские любят говорить об идеях. При царе они говорили о них. Невероятно, чтобы они не говорили об идеях при Сталине.

Вопрос о том, должна ли коллективизация быть «вестернизирована» или «истернизирована», используя эти слова с оглядкой на предыдущий абзац, действительно является первым

вопросом, стоящим сегодня перед миром. Нам нужна полностью проветриваемая революция. Наша революция должна осуществляться при свете и свежем воздухе. Возможно, нам довольно скоро придется принять советизацию по-русски, если мы не сможем выработать лучшую коллективизацию. Но если мы выработаем лучшую коллективизацию, то, скорее всего, русская система включит в себя наши усовершенствования, забудет о своем возрождающемся национализме, развенчает Маркса и Сталина, насколько это возможно, и вольется в единое мировое государство.

Между этими изначальными антагонистами, Революцией с открытыми глазами и Революцией в маске и с кляпом во рту, несомненно, возникнут трения из-за патриотизма, фанатизма и неисправимой умышленной слепоты тех, кто и не хочет видеть. Большинство людей лжет самим себе прежде, чем лгать другим, и бессмысленно ожидать, что все враждующие культы и традиции, которые сегодня смущают разум человечества, готовы слиться воедино в осознании, как я здесь показал, императивной природы человеческого положения дел. Многие люди никогда не поймут этого. Мало кто способен изменить свои первоначальные представления, перевалив далеко за тридцать. Эти представления закрепляются в них и управляют ими так же рефлекторно, как животные управляемы своими врожденными рефлексами. Они скорее умрут, чем изменят свое вторичное «я».

Одна из самых запутанных из этих сбивающих с толку второстепенных проблем – проблема, созданная глупыми и упорными интригами Римско-католической церкви.

Позвольте мне внести ясность. Я говорю о Ватикане и его постоянных попытках играть руководящую роль в светской жизни. Среди моих друзей много католиков, которые просто чудесным образом выстроили себя самих и свои системы поведения на основе рамок, предоставленных им их верой. Одним из самых прекрасных персонажей, которых я когда-либо знал, был Г. К. Честертон. Но я думаю, что он был так же хорош до того, как стал католиком, как и после. И все же он нашел в католичестве то, что ему было нужно. Есть святые всех вероисповеданий и вне любых вер – так хороши лучшие возможности человеческой природы. Религиозные обряды обеспечивают рамки, которые многие считают необходимыми для

благопристойного устройства своей жизни. И вне рядов «строгих» надзирателей много хороших людей, вряд ли больших теологов, чем унитарии, которые любят относить всякое добро и порядочность ко христианству. Такой-то и такой-то «добрый христианин». Вольтер, говорит Альфред Нойес, католический писатель, был «добрым христианином». Я не употребляю слово «христианство» в этом смысле, потому что не верю, что христиане обладают монополией на добро. Когда я пишу о христианстве, я имею в виду христианство с определенным вероучением и воинственной организацией, а не этих хороших и добрых людей, хороших и добрых, но не очень разборчивых в точном употреблении слов.

Такие «добрые христиане» могут почти так же жестко критиковать, как я, постоянное давление на верующих со стороны той внутренней группы итальянцев в Риме, субсидируемой фашистским правительством, которая дергает за ниточки церковной политики во всем мире, чтобы объявлять то или иное лукавым или варварским, калечить образование, преследовать неортодоксальный образ жизни.

Именно влиянию Церкви мы должны приписать глупую поддержку британским министерством иностранных дел Франко, этого кровожадного маленького «христианского джентльмена», в его свержении ошеломляющего либерального возрождения Испании. Именно римско-католическое влияние англичане и французы должны благодарить за

фантастическую ошибку, которая вовлекла их в защиту невозможного польского государства и его неправедных приобретений; оно глубоко повлияло на британскую политику в отношении Австрии и Чехословакии, и теперь эта политика делает все возможное, чтобы поддерживать и углублять политическое отчуждение между Россией и западным миром своим предвзятым продвижением идеи о том, что Россия – «антихрист», в то время как мы, западные люди, – маленькие дети света, доблестно сражающиеся на стороне Креста, Всемогущества, Великой Польши, национального суверенитета, мелкого неэкономичного плодовитого фермера и лавочника и всего остального, что, по представлению многих, составляет «христианский мир».

Ватикан постоянно стремится превратить нынешнюю войну в религиозную. Она пытается присвоить ее себе. По всему его складу и

устоям его невозможно переобучить. Он не знает ничего лучшего. Он так и будет себя вести – до тех пор, пока какая-нибудь экономическая революция не лишит его средств. Тогда как политическая сила он может исчезнуть очень быстро. Англиканская церковь и многие другие протестантские секты, богатые баптисты, например, скроены по тому же образцу.

Эта пропаганда продолжается не только внутри Британии. С началом войны Франция сделалась воинственной и католической. Она разогнала Коммунистическую партию, как жест возмущения Россией и как меру предосторожности против послевоенной коллективизации. Бельгийский карикатурист Рэмэкерс изо дня в день изображает Гитлера жалким слабаком, уже уничтоженным и достойным нашего сочувствия, а Сталина – страшным гигантом с рогами и хвостом. Однако и Франция, и Англия находятся в мире с Россией и имеют все основания прийти к рабочему взаимопониманию с этой страной. Отношение России к войне в целом было холодным, презрительным и разумным.

Не то чтобы эти коварные планы могли хоть как-то осуществиться; не то чтобы восстановление Священной Римской империи стало возможным. Мы противопоставляем католическим политикам то же, что мы противопоставляем политикам Вестминстера. Это два кардинальных факта: отмена расстояния и изменение масштаба. Тщетно. Никак не получается впихнуть хоть какое-то осознание значения этих вещей в их идееупорные черепа. Они глухи и слепы к ним. Они не способны видеть, в силу давно устоявшихся путей мышления, насколько все становится по-другому. Если же их разум на мгновение заколеблется, они прибегают к маленьким магическим молитвам, чтобы изгнать всякий проблеск понимания.

Какое отношение, спрашивают они, имеет «ПРОСТОЙ размер» к душе человека, «ПРОСТАЯ скорость, ПРОСТАЯ сила»? Что может сделать молодежь лучшего, чем смирять свою естественную потребность жить и творить? Что такое ПРОСТАЯ жизнь с религиозной точки зрения? Война, настаивают ватиканские пропагандисты, – это «крестовый поход» против модернизма, против социализма и свободной мысли, восстановление священнослужителей как конечная цель. Выходит, наши сыновья борются за то, чтобы дать возможность священнику снова поставить свою благочестивую

нечистоту между читателем и книгой, ребенком и знанием, мужем и женой, сыновьями и любовниками. В то время как честные люди борются сейчас за то, чтобы положить конец военной агрессии, чтобы действительно возобновить ту «войну против войны», которая была прервана, чтобы дать нам Лигу Наций, эти фанатики старательно извращают вопрос, пытаясь представить его как религиозную войну против России в частности и современного духа вообще.

Хорошо обученные мусульмане, американские фундаменталисты, ортодоксальные евреи, все застывшие культуры отличаются подобным неуместным и пустопорожним сопротивлением, но католическая организация идет дальше и более настойчива. Она откровенно противостоит человеческим усилиям и идее прогресса. И нисколько этого не скрывает.

Подобные «перпендикулярные» действия усложняют, задерживают и могут даже эффективно саботировать все усилия по решению проблемы четкой коллективизации мировых дел, но они не отменяют существенного факта того, что только через рационализацию, повсеместное объединение конструктивных революционных движений и либеральный триумф над догматизмом классовой войны мы можем надеяться выбраться из-под нынешних обломков нашего мира.

7. Федерация

Давайте теперь рассмотрим некоторые расплывчато конструктивные предложения, которые, по-видимому, в настоящее время очень сильно занимают умы людей. Они нашли свое наивысшее выражение в книге под названием «Союз сейчас» мистера Кларенса К. Стрейта[24], который запустил в мир волшебное слово «Федерация». «Демократии» всего мира должны объединиться для своего рода расширения Федеральной Конституции Соединенных Штатов (которая привела к одной из самых кровопролитных гражданских войн в истории), и тогда все будет хорошо.

Рассмотрим, имеет ли слово «Федерация» какую-то ценность для организации Западной революции. Я бы предположил, что это так. Я думаю, что это может быть средством умственного освобождения для многих людей, которые в противном случае оставались бы тупо сопротивляющимися любым изменениям.

Проект Федерации имеет разумный вид. Он привлекателен для ряда влиятельных людей, которые хотят, минимально приспособившись, оставаться влиятельными в меняющемся мире, и особенно он привлекателен для тех, кого я могу назвать либерально-консервативными элементами процветающих классов в Америке, Великобритании и Скандинавских странах, потому что он ставит самый трудный аспект проблемы, а именно необходимость коллективной социализации, настолько далеко на задний план, что ее можно игнорировать. Это дает им возможность смотреть в будущее как в достаточно светлую и обнадеживающую перспективу без крупных угроз их нынешнему образу жизни.

Они считают, что разумно выстроенная Федерация может исключить на значительный период возможность войны и таким образом облегчить бремя налогов, что нынешние сокрушительные требования к ним ослабеют, и они смогут возобновить, пусть и в несколько экономичном масштабе, свой прежний образ жизни. Они готовы приветствовать все, что дает им надежду и самоуважение и оберегает их дома от худших унижений, от паники, ограничений, охоты на предателей и всего остального, а тем временем у их сыновей

будет время поразмыслить, и, если возможно, изучить, разобрать в деталях и рационализировать проект Стрейта, чтобы выработать подлинный и осуществимый план социализации мира.

В «Судьбе Homo sapiens» я рассматривал слово «демократия» с некоторой осторожностью, так как уже казалось вероятным, что огромное число наших молодых людей будут вынуждены становиться калеками и рисковать своей жизнью ради нее. Я показал, что она остается далеко не полностью реализованным устремлением, что ее полное развитие включает в себя социализм и такой уровень образования и информации, которого еще не достигло ни одно сообщество в мире. Мистер Стрейт дает более свободное, более риторическое определение – стоит ли сказать, более идеалистическое определение? – своей концепции демократии, такое определение, которое было бы сочтено дико преувеличенным даже для военной пропаганды. И хотя, к сожалению, оно далеко от любой достижимой реальности, Стрейт продолжает без дальнейших пояснений, как если бы это было описание существующих реалий, говорить о том, что он называет «демократиями» мира. В них, по его представлениям, воплощено «правление народа, народом, для народа».

В книге, которую я уже цитировал, я обсуждаю, «Что такое демократия?» и «В чем демократия?». Я делаю все возможное, чтобы довести до мистера Стрейта суровые и трудные факты этой проблемы. Теперь я немного подробнее остановлюсь на подробностях моего рассмотрения его проекта.

По Стрейту, «демократиями-основателями» должны стать: «Американский союз, Британское Содружество (в частности, Соединенное Королевство, Федеральный доминион Канады, Содружество Австралии, Новая Зеландия, Союз Южной Африки, Ирландия), Французская Республика, Бельгия, Нидерланды, Швейцарская Конфедерация, Дания, Норвегия, Швеция и Финляндия».

Едва ли одна из них, как я показал в предыдущей книге, действительно является полностью действующей демократией. А Союз Южной Африки – это особенно плохой и опасный случай расовой тирании. Ирландия – это зарождающаяся религиозная война, и не одна страна, а две. Польша, замечу, вообще не входит в список демократий мистера Стрейта. Его книга была написана в 1938 году, когда Польша была тоталитарной страной, удерживающей, вопреки

Лиге Наций, Вильнюс, который она отняла у Литвы, большие непольские территории, которые она отвоевала у России, и фрагменты, полученные в результате расчленения Чехословакии. Она стала демократией, но лишь технически и на короткий период, до своего краха в сентябре 1939 года, когда мистер Чемберлен оказался настолько глуп, что ради нее втянул Британскую империю в дорогостоящую и опасную войну. Но это между прочим. Ни одна из этих пятнадцати (или десяти) «демократий-основателей» на самом деле не является демократией. Итак, мы начинаем плохо. Но их можно было бы сделать социалистическими демократиями, а их федерацию можно было бы сделать чем-то очень реальным и за приемлемую цену. СССР – это федеративная социалистическая система, которая за последние два десятилетия продемонстрировала довольно успешную политическую солидарность, что бы она ни делала или не делала.

Теперь давайте поможем мистеру Стрейту превратить его «федерацию» из благородной, но крайне риторической мечты в живую реальность. Он сознает, что это должно быть сделано за определенную цену, но я хочу сказать, что его цена, насколько я понял его точку зрения, гораздо выше, а вот превращение гораздо проще, более все объемлюще и, возможно, много ближе, чем он предполагает. Он склонен апеллировать к существующим административным организациям, и сомнительно, чтобы они подходили для осуществления его замыслов. Одна из трудностей, которую он замалчивает, заключается в возможном нежелании Индийского министерства передать контроль над Индией (он не упоминает Цейлон и Бирму) новому федеральному правительству, которое также, я полагаю, возьмет на себя ответственность за довольно хорошо управляемых и счастливых пятьдесят с лишним миллионов человек Голландской Ост-Индии, французской колониальной империи, Вест-Индии и так далее. Это, если только он не предлагает просто переименовать Индийское ведомство, потребует невероятных честности и компетентности со стороны нового федерального чиновничества. Стрейт также относится к возможному включению этих пятисот или шестисот миллионов сумеречных народов в новый порядок с легкомыслием, не совместимым с демократическими идеалами.

У многих из этих людей мозги не хуже или даже лучше, чем у обычных европейцев. За одну жизнь можно было бы обучить весь мир до уровня среднего выпускника Кембриджа, имея достаточно школ, колледжей, аппаратуры и учителей. Радио, кино, граммофон, достижения в производстве и распространения позволяют в тысячу раз увеличить размах и эффективность работы одаренного учителя. Мы в изобилии видели интенсивные военные приготовления, но никто еще не мечтал об интенсивных образовательных усилиях. Никому из нас на самом деле не нравится, когда другие люди получают образование. Они могут лишить нас нашего привилегированного положения. Допустим, мы преодолеем эту примитивную ревность. Допустим, мы ускорим – как мы теперь физически способны это сделать – образование и расширение прав этих огромных неразвитых резервуаров человеческого потенциала. Предположим, мы свяжем это с идеей «Союза Сейчас». Допустим, мы оговорим, что Федерация, где бы она ни распространялась, означает Новое и Мощное Образование. В Бенгалии, на Яве, в Свободном Государстве Конго – не хуже, чем в Теннесси, Джорджии, Шотландии или Ирландии. Допустим, мы немного меньше будем думать о «постепенном освобождении» путем голосования и экспериментов в области местной автономии, о всех этих старых идеях, и немного больше об освобождении ума. Допустим, мы отбросим эту старую песню о политически незрелых народах.

Это одно из направлений, в котором предложения мистера Стрейта могут быть улучшены. Обратимся к другому, в котором он, по-видимому, не осознал всех последствий своего предложения. Этот великий союз должен иметь союзные деньги и союзную таможенную свободную экономику. Что следует за этим? Я думаю, больше, чем он понимает.

Есть у денег один аспект, в отношении которого большинство тех, кто его обсуждает, будто неизлечимо слепнут. Нельзя теорию денег или какой-либо денежный план взять просто из воздуха. Деньги – это не вещь сама по себе, это рабочая часть экономической системы. Деньги различаются по своей природе в зависимости от законов и представлений о собственности в обществе. По мере того, например, как общество движется к коллективизму и коммунизму, деньги упрощаются. Деньги так же необходимы при коммунизме, как и при

любой другой системе, но их функция при нем простейшая. Оплата рабочего натурой не дает ему свободы выбора среди товаров, производимых обществом. Деньги дают. Деньги становятся стимулом, который «работает на работника», и не более того.

Но как только вы позволяете частным лицам не только приобретать товары для потребления, но и получать кредит на приобретение материалов для производства, не являющихся приоритетными для государства, возникает вопрос о кредите и долге… и деньги усложняются. С каждым освобождением того или иного продукта или услуги от общественного контроля их коммерческой или экспериментальной эксплуатации игра денежной системы расширяется, и растет количество законов, регулирующих ее правила, законов о компаниях, о банкротстве и так далее. В любой высокоразвитой коллективистской системе администрация непременно должна будет давать кредиты перспективным экспериментальным предприятиям. Когда система не является коллективистской, в нее неизбежно просачиваются денежные операции ради получения прибыли, становящиеся все более и более усложненными. Там, где большая часть существенной стороны жизни доверена несогласованному частному предпринимательству, сложность денежного аппарата чрезвычайно возрастает. Денежные манипуляции становятся все более и более важным фактором в конкурентной борьбе не только между отдельными людьми и фирмами, но и между государствами. Как показывает сам г-н Стрейт, в прекрасных рассуждениях об отказе от золотого стандарта, инфляция и дефляция становятся инструментами международной конкуренции. Деньги становятся стратегическими, так же как трубопроводы и железные дороги могут стать стратегическими.

Отсюда очевидно, что для Федерального союза общие деньги означают одинаковую экономическую жизнь во всем Союзе. И это тоже подразумевается в «свободной от таможенных пошлин» экономике мистера Стрейта. Невозможно иметь общие деньги, когда доллар, фунт или любая другая валюта могут купить то или иное преимущество в одном государстве и допущены лишь для простых покупок для потребления в другом. Так что Федеральный союз должен быть единой экономической системой. Возможны лишь очень незначительные вариации в контроле над экономической жизнью.

В предыдущих разделах я ясно показал непримиримые силы, которые ведут или к коллективизации мира, или к катастрофе. Отсюда следует, что «Федерация» означает практически единый социализм в пределах Федерации, ведущий, по мере инкорпорации государства за государством, к мировому социализму. Здесь мы явно продолжаем мысль мистера Стрейта за пределы, им самим до сих пор не осознанные. Ибо совершенно очевидно, что он находится под впечатлением, будто большая часть независимого частного бизнеса так и будет существовать во всем Союзе. Я сомневаюсь, что он считает необходимым идти дальше частичной социализации, уже достигнутой Новым курсом. Но мы представили доказательства того, что борьба за прибыль, дикие дни некоррелированного «бизнеса» закончились навсегда.

Опять-таки, хотя он осознает и заявляет очень ясно, что правительства созданы для человека, а не человек для правительства, хотя он приветствует великую декларацию Собрания, которое создало Американскую Конституцию, в которой «мы, народ Соединенных Штатов», преодолели трения отдельных штатов и установили Американскую Федеративную Конституцию, он, тем не менее, до странности боится замены любых существующих законных правительств в современном мире. Он не любит говорить о «Нас, людях мира». Но многие из нас все больше понимают, что все существующие правительства должны пойти в плавильный котел. Мы верим, что грядет мировая революция и что в великой борьбе за создание западного мирового социализма современные правительства могут исчезнуть, как соломенные шляпы в стремнинах Ниагары. Мистер Стрейт, однако, на этой стадии становится необычайно законопослушным. Мне кажется, он не осознает накапливающиеся силы разрушения, и потому, я думаю, он не решается планировать реконструкцию во всем ее возможном масштабе.

Он избегает говорить даже об очевидной необходимости того, что при Федеральном правительстве монархии Великобритании, Бельгии, Норвегии, Швеции, Голландии, если они вообще выживут, должны стать, подобно выставочным суверенам составных государств бывшей Германской империи, простыми церемониальными пережитками. Возможно, он это понимает, но не говорит об этом прямо. Я не знаю, задумывался ли он о Нью-Йоркской Всемирной выставке 1939 года

или о значении королевского визита в Америку в том же году… и о том, как много в британской системе должно быть отвергнуто, чтобы его Федерация стала реальностью. Большинство значений этого слова подразумевает, что «британскому» как системе должен прийти конец. Его Иллюстративная Конституция разработана с прямо-таки преступным игнорированием фундаментальных изменений в человеческих условиях, к которым мы должны будем приспособиться или же погибнуть. Войну он рассматривает саму по себе, а не как прорыв более глубоких противоречий. Но если мы доведем его первоначальные положения до их логического завершения, то нам не придется особенно переживать из-за его образчика конституции, которая должна так справедливо уравновесить составные государства. Упразднение дистанции неизбежно должно заменить местные атрибуции функциональными ассоциациями и привязанностями, если человеческое общество не распадется полностью.

Местные образования растворятся в мировом коллективе, и основные конфликты в постепенно объединяющейся Федерации, скорее всего, будут происходить между различными всемирными типами рабочих организаций.

На этом хватит о Союзе. Одна из выдающихся заслуг мистера Стрейта состоит в том, что у него хватило смелости сделать определенные предложения, на которые мы можем клюнуть. Я сомневаюсь, что европеец мог бы написать такую книгу. Его наивный политический легализм, его идея спасения через конституцию и его явная вера в магическую благотворность частного предпринимательства явно в духе американца, сколько-то американца до Нового курса, который стал, так сказать, еще более американцем, повидав своими глазами усугубляющийся беспорядок в Европе. Так много американцев по-прежнему смотрят на мировые события, как зрители на бейсбольном матче, готовые к громкой поддержке и переживаниям, но не являющиеся настоящими участниками. Они не понимают, что земля колеблется и под их сиденьями и что социальная революция прорывается на поверхность, чтобы и их в свою очередь поглотить. Для большинства из нас, во всяком случае для большинства из нас. которые старше сорока лет, идея фундаментального изменения нашего образа жизни настолько неприятна, что мы сопротивляемся ей до последнего момента.

Мистер Стрейт временами проявляет такое же живое ощущение надвигающегося социального краха, как и я, но ему все еще не приходит в голову, что этот крах может быть окончательным. Могут быть темные века, срыв в варварство, но, по его мнению, человечество как-то ДОЛЖНО со временем выздороветь. Джордж Бернард Шоу недавно говорил то же самое.

Все может быть гораздо хуже.

Я почти не хвалю мистера Стрейта, потому что это было бы неуместно. Он написал свою книгу искренне, как подлинный вклад в бессистемную всемирную конференцию, которая сейчас проходит, признавая возможность ошибки, требуя критики. И я рассматривал ее в этом духе.

К сожалению, его слово разошлось гораздо дальше, чем его книга. Его книга говорит определенные вещи, и даже когда кто-то не согласен с ней, она хороша как отправная точка. Но многие подхватили слово «Федерация», и теперь наши умы отвлекает множество призывов поддержать федеральные проекты с самым разнообразным содержанием или вообще без содержания.

Десятки и сотни тысяч славных людей, которые несколько лет назад подписывали мирные воззвания и призывы, без малейшей попытки во всем мире понять, что понимается под словом «мир», теперь повторяют новое волшебное слово с таким же малым пониманием его содержания. До них так и не дошло, что «мир» означает такое сложное и трудное упорядочение и уравновешивание человеческого общества, которое никогда не поддерживалось с тех пор, как человек стал человеком, и что у нас есть войны и подготовительные перерывы между войнами, потому что это гораздо более простая и легкая последовательность для нашего своенравного, бестолкового, подозрительного и агрессивного вида. Эти люди все еще воображают, что мы можем получить новое и замечательное положение дел, просто требуя его.

Не сумев добиться мира простым бесконечным повторением слова «мир», они теперь с чувством настоящего открытия твердят: «Федерация». Что должно случиться с людьми, занимающими видные государственные посты, я не знаю, но даже такой безответственный литератор, как я, завален бесчисленными длинными частными письмами, истерическими открытками, брошюрами от подающих

надежды организаций, «декларациями» на подпись, требованиями подписки – все во имя новой панацеи, и все это так же тщетно и непродуктивно, как блеяние заблудших овец. Я не могу открыть газету, не обнаружив, что какой-нибудь выдающийся современник опубликовал в ней письмо, мягко, твердо и смело произнося одно и то же слово, иногда приплетая к нему тут и там «Союз Сейчас», а иногда с незначительными улучшениями, но часто не более, чем с голой идеей.

Всевозможные идеалистические движения за мир во всем мире, которые в течение многих лет тихо бормотали себе под нос, поднялись, чтобы следовать за новым знаменем. Задолго до Великой войны вышла книга сэра Макса Вехтера, друга короля Эдуарда Седьмого, в которой он защищал идею Соединенных Штатов Европы, и этот неточный, но лестный параллелизм с Соединенными Штатами Америки часто повторялся, например, как фраза, брошенная г-ном Брианом[25], и как проект, выдвинутый австрийско-японским писателем графом Куденхове Калерги[26], который даже придумал флаг для Союза. Главное возражение против этой идеи состоит в том, что в Европе почти нет полностью европейских государств, за исключением Швейцарии, Сан-Марино, Андорры и нескольких версальских творений. Почти все остальные европейские государства выходят далеко за пределы Европы как в политическом отношении, так и в своих симпатиях и культурных отношениях. Они тащат за собой больше половины человечества. В Европе находится лишь около десятой части Британской империи и еще меньше от Голландской империи; Россия, Турция, Франция – не вполне европейцы; Испания и Португалия имеют самые тесные связи с Южной Америкой.

Мало кто из европейцев воспринимает себя «европейцем». Я, например, англичанин, и большая часть моих интересов, интеллектуальных и материальных, – трансатлантические. Мне не нравится называть себя «британцем», мне нравится думать о себе как о члене большого англоязычного сообщества, которое распространено независимо от расы и цвета кожи по всему миру. Меня раздражает, когда американец называет меня «иностранцем», война с Америкой кажется мне такой же безумной, как война с Корнуоллом, и я нахожу идею отрезать себя от англоязычных народов Америки и Азии, чтобы

следовать за флагом моего австрийско-японского друга в федеративно построенную Европу, крайне непривлекательной.

Я полагаю, что было бы гораздо легче создать Соединенные Штаты мира, что является конечной целью мистера Стрейта, чем объединить так называемый европейский континент в какое-либо единство.

И, как я вижу, большинство из этих движений Соединенных Штатов Европы сейчас прыгают в фургон Федерации.

Мой старый друг и оппонент, лорд Дэвид Дэвис, например, недавно подцепил ту же инфекцию. Он был озабочен проблемой Мира Во Всем Мире в те дни, когда Общество Лиги Наций и другие ассоциированные органы были объединены в Союз Лиги Наций. Тогда его поразила одна аналогия, которая очень его впечатлила. Он задался вопросом, почему люди в современном обществе живут почти в полной безопасности от нападений и грабежей без необходимости носить оружие? И сам себе ответил: дело в полицейском. И отсюда, он перешел к вопросу о том, что нужно для того, чтобы государства и нации шли своим путем с тем же благословенным иммунитетом от насилия и грабежа, и ему представилось, что «международный полицейский» – полный и разумный ответ. И вот оно! Он не понимал, и, вероятно, был совершенно не способен понять, что государство есть нечто совершенно отличное по своей природе и поведению от отдельного человека. Когда его просили объяснить, как этот международный полицейский должен быть учрежден и обеспечен, он просто продолжал отвечать: «международный полицейский». Он уже много лет это твердит. Порой, по его мнению, взять на себя эту серьезную ответственность должна именно Лига Наций, порой – Британская империя, порой – международные военно-воздушные силы. Суд, в который полицейский должен доставить преступника, и место заключения не обсуждаются. Сочтя нашу критику неуместной, его светлость удалился со своей великой идеей, как пингвин, нашедший яйцо, чтобы высиживать ее в одиночестве… Я не верю, что он осознаёт сейчас или осознает потом, что, какой бы блестящей ни была его единственная вдохновенная идея, она оставляет обширную часть проблемы во тьме. Будучи человеком со значительными средствами, он поддерживает движение «Нового содружества»

и издает книги и периодические издания, в которых его единственная великая идея скорее разрабатывается в деталях, чем получает развитие.

Но не буду больше говорить о беспорядочных толпах, которые сейчас вторят слову «Федерация». Многие среди них напразднуются настолько, что упадут у обочины, но многие будут продолжать думать, а если они будут продолжать думать, то придут к более ясному восприятию реальности дела. До них дойдет, что просто Федерации недостаточно.

Вот он вам, нынешний «федералистский» фронт. Как фундаментальная основа действия, как провозглашенная цель, дело представляется безнадежно расплывчатым и запутанным и, если можно так выразиться, безнадежно оптимистичным. Но поскольку эта концепция может стать способом освободить ряд умов от веры в адекватность Лиги Наций, связанной или не связанной с британским империализмом, стоит подумать о том, как ее можно расширить, углубить и повернуть в направлении той коллективизации во всем мире, которую изучение существующих условий обязывает нас считать единственной альтернативой полному вырождению нашего вида.

8. Новый тип революции

Давайте вернемся к нашей главной цели, которая состоит в том, чтобы рассмотреть, каким образом нам предстоит встретиться лицом к лицу с надвигающейся Мировой Революцией.

Для многих идея Революции почти неотделима от образов уличных баррикад из брусчатки и перевернутых транспортных средств, оборванных толп, вооруженных импровизированным оружием и вдохновленных дерзкими песнями, освобождением из тюрем и вообще разгрома тюрем, штурма дворцов, большой охоты на дам и джентльменов… отрубленных, но все еще красивых голов на пиках, цареубийств самого зловещего порядка, трудящейся гильотины, крещендо беспорядка, заканчивающегося залпами картечи.

Это один тип Революции. Это то, что можно было бы назвать католическим типом революции. И это конечная фаза долгого периода католического образа жизни и учения. Люди этого не понимают, и некоторые будут возмущены тем, что это походя сказано. И все же факты смотрят нам в лицо, общеизвестные, и их нельзя отрицать. Та разъяренная, голодная, отчаянная, жестокая толпа была результатом поколений католического правления, католической морали и католического образования. Король Франции был «Самым христианским королем, старшим сыном Церкви», он был хозяином экономической и финансовой жизни общества, а Католическая Церковь полностью контролировала интеллектуальную жизнь общества и образование народа. Та толпа и стала результатом. Нелепо твердить, будто христианство никогда не подвергалось проверке практикой. Христианство в его наиболее развитой форме подвергалось такой проверке вновь и вновь.

Его испробовали на протяжении столетий целиком и полностью – в Испании, Франции, Италии. Оно было ответственно за грязь, хроническую чуму и голод средневековой Англии. Оно насаждало чистоту души, но никогда не насаждало гигиену. Католическое христианство имело практически неоспоримую власть во Франции на протяжении многих поколений. Оно было вольно учить, как ему заблагорассудится, и столько, сколько ему заблагорассудится. Оно

полностью доминировало в обычной жизни. Католическая система во Франции не могла пожать ничего иного, кроме как ей же посеянного, потому что другим сеятелям сеять не позволялось. Отвратительная толпа кровожадных оборванцев, с которыми мы так хорошо знакомы по картинкам, – последний урожай его режима.

Чем больше католические реакционеры поносят восставший простой народ Первой Французской революции, тем больше они осуждают самих себя. Самое наглое извращение действительности – их хныканье по поводу гильотины и телег с осужденными, как будто те не были чисто католическими произведениями, как будто они внезапно явились извне, чтобы разрушить благородный Рай. Они были последней стадией систематической несправедливости и невежества строгого католического режима. Одна фаза сменяла другую с неумолимой логикой. Марсельеза завершила жизненный цикл католицизма.

В Испании и в Мексике мы тоже видим неоспоримое воспитательное и нравственное господство католицизма, что привело к такому же всплеску слепого негодования. Там толпы тоже были жестоки и богохульны, но католицизм не может жаловаться, потому что сам католицизм их высидел. Священники и монахини, КОТОРЫЕ БЫЛИ ЕДИНСТВЕННЫМИ УЧИТЕЛЯМИ НАРОДА, стали жертвами оскорблений и ярости, церкви были осквернены. И, конечно, если бы Церковь была хоть чем-то похожа на то, чем она себя называет, люди любили бы ее. Они не стали бы вести себя так, будто святотатство – это приятное облегчение проблем.

Но эти католические революции являются лишь образцами одного-единственного типа Революции. Революция не обязательно должна быть стихийной бурей негодования против невыносимых унижений и лишений. Она может принимать совсем другие формы.

В качестве второй разновидности революции, резко контрастирующей с бунтами ярости, которыми закончилось столько периодов неоспоримого католического господства, возьмем то, что можно назвать «революционным заговором», когда некое число лиц берется за организацию сил беспокойства и недовольства и ослабление власти правительственных сил, чтобы вызвать фундаментальное изменение системы. Идеалом такого типа является большевистская революция в России… С известным допуском того, что мы тут

несколько упрощаем и искажаем ситуацию. Происходит поначалу систематическая культивация благоприятного для революции общественного настроения, одновременно с подготовкой узким кругом «захвата власти». Довольно много коммунистических и других левых писателей, ярких молодых людей, не имеющих большого политического опыта, дали волю своему воображению, описывая «техники» такой авантюры. Нацистская и фашистская революции тоже стали для них материалом для исследований. Современная социальная структура с ее концентрацией исполнительной, информационной и силовой власти вокруг радиостанций, телефонных узлов, газетных контор, полицейских участков, арсеналов и тому подобного, вполне уязвима для такого захвата. Резкий штурмовой бросок, захват ключевых центров, организованный арест, заключение в тюрьму или убийство возможных противников – и страна оказывается перед свершившимся фактом. Затем следует упорядочивание более или менее упирающегося населения.

Но революция не обязательно должна быть взрывом или государственным переворотом. Той революции, которая вырисовывается сейчас перед нами как единственная обнадеживающая альтернатива хаосу либо непосредственно во время, либо после интерлюдии мирового коммунизма, предстоит осуществиться (если – осуществиться вообще) ни одним из этих методов. Первый слишком риторичен и хаотичен и ведет просто к появлению Защитника и тирании; второй слишком конспиративен и ведет через скрытную борьбу властных личностей к аналогичному результату. Ни один из них ни достаточно прозрачен, ни достаточно разумен, чтобы добиться устойчивой перемены формы и структуры общественных отношений.

Совершенно иной тип революции может быть, а может и не быть возможным. Никто не может сказать, что он возможен, пока не попробуешь, но можно с некоторой уверенностью сказать, что, если он не может быть осуществлен, перспективы человечества, по крайней мере, на многие поколения, безнадежны. Новая революция направлена, по существу, на изменение движущих идей. В своей полноте это – неопробованный метод.

Успех ее зависит от того, удастся ли убедить достаточное количество людей в том, что выбор, стоящий перед нами сейчас – это НЕ выбор между дальнейшей революцией или более или менее

реакционным консерватизмом, а выбор между продолжением и организацией процесса перемен в наших делах с тем, чтобы создать новый мировой порядок, или полным и, возможно, непоправимым социальным крахом. Все наши аргументы сводились к тому, что дело зашло слишком далеко, чтобы этот порядок можно было когда-либо вернуть к какому-либо подобию того, что было прежде. Мы не больше можем мечтать о том, чтобы остаться в нынешнем мире, чем о моментальном возвращении на берег в момент прыжка в воду. Мы должны пройти через нынешние изменения, приспособиться к ним, сгруппироваться перед погружением или быть уничтоженными ими. Мы должны пройти через эти изменения так же, как мы должны пройти через эту дурную войну, потому что конца ей пока не предвидится.

Не будет никакой возможности покончить с ней, пока черты новой революции не определятся. Если попытаться сейчас залатать дыры без четкого решения, понятного и принятого всем миром, у нас будет только симуляция мира. Подлатанный сейчас мир никак не спасет нас от ужасов войны. Он лишь отсрочит их, чтобы усугубить через несколько лет. Эту войну нельзя пока закончить. Можно в лучшем случае отложить ее.

Реорганизация мира сначала должна главным образом стать делом «движения», или партии, или религии, или культа… назовем, как захотим. Мы можем назвать это Новым либерализмом, или Новым радикализмом, или как угодно. Это не будет сплоченная организация, следующая линии партии со всеми вытекающими обстоятельствами. Связи могут быть очень слабыми и многогранными, но если можно будет привлечь достаточное количество людей во всем мире, независимо от расы, происхождения или экономических и социальных привычек, к свободному и искреннему признанию сути общечеловеческой проблемы, то начнутся их эффективное сотрудничество, а также сознательные, явные и открытые усилия по реконструкции человеческого общества.

И для начала они сделают все возможное, чтобы распространить и усовершенствовать концепцию нового мирового порядка, которую они будут рассматривать как единственную рабочую рамку для своей деятельности. И в то же время они постараются найти и вовлечь в свой

круг всех, кто интеллектуально способен охватить те же самые широкие идеи и морально расположен их реализовать.

Кто-то назовет распространение этой сущностной концепции пропагандой, но на самом деле – это образование. Поэтому начальная фаза революции нового типа должна включать в себя кампанию за оживление и модернизацию образования во всем мире, образования, которое будет иметь такое же отношение к образованию двухсотлетней давности, как электрическое освещение современного города к канделябрам и масляным лампам того же периода. На своем нынешнем уровне умственного развития человечество не может сделать ничего лучше того, что оно делает сейчас.

Вдохновляющее образование возможно только тогда, когда оно находится под влиянием людей, которые сами учатся. От современной идеи образования неотделимо и то, что оно должно быть связано с непрерывными исследованиями. Мы говорим «исследование», а не «наука». Это слово лучше, потому что оно свободно от любого намека на ту окончательность, которая означает догматизм и смерть.

Всякое образование имеет тенденцию становиться стилистически стерильным, если оно не находится в тесной связи с экспериментальной проверкой и практической работой, и, следовательно, это новое движение революционной инициативы должно в то же время не прекращать реалистическую политическую и социальную деятельность и неуклонно работать на коллективизацию правительств и экономической жизни. Интеллектуальное движение будет лишь инициирующей и корректирующей частью нового революционного движения. Эта практическая деятельность должна быть разнообразной. Каждый, кто займется ей, должен будет думать сам и не ждать приказов. Единственная диктатура, которую он будет признавать – это диктатура ясного понимания и непреодолимого факта.

И для завершения этой высшей революции следует приветствовать участие всех людей, обладающих и достаточно хватким умом, чтобы видеть широкие реалии мировой ситуации, а также моральными качествами, позволяющими участвовать в их переделке.

Предыдущие революционные потрясения искажались плохой психологией. Они открывали простор удовлетворению комплексов

неполноценности, возникавших из-за классового неравенства. Несомненно, очень несправедливо то, что кто-то лучше образован, здоровее, меньше боится жизни, чем другой, но это не причина, по которой новая революция не должна в полной мере использовать здоровье, образование, энергию и мужество счастливчиков. Революция, которую мы планируем, будет направлена на уничтожение горечи разочарования. Но, конечно, она ни в коем случае не будет мстить. Вообще не будет. Пусть мертвое прошлое карает своих мертвецов.

Одна из самых порочных черт марксистского учения – утверждение, что все люди, обладающие богатством и способностями, живущие в обществе, в котором большую роль играет неорганизованное частное предпринимательство, неизбежно деморализуются теми преимуществами, которыми они пользуются, и что их должны всего лишить рабочие и крестьяне, которые представляются наделенными коллективной добродетелью, способной управлять всеми сложными механизмами современного общества. Но очевидная истина заключается в том, что нескоординированная борьба между отдельными людьми и нациями деморализует всех, кого затрагивает. Все развращены: вороватый бродяга на обочине, раболепный крестьянин из Восточной Европы или бездельник, подкупаемый пособием по безработице… точно так же, как женщина, выходящая замуж ради денег, учредитель компании, организатор производства, арендодатель, требующий арендной платы, и дипломат. Когда социальная атмосфера испорчена, все больны.

Богатство, личная свобода и образование могут порождать и действительно порождают расточителей и угнетателей, но они также могут давать развиваться творческим и административным умам. История науки и изобретений до XIX века подтверждает это. В целом, если мы предполагаем, что в человечестве вообще есть что-то хорошее, более разумно ожидать, что оно появляется там, где ему предоставляется больше возможностей.

В качестве дальнейшего опровержения марксистской карикатуры на человеческие мотивы мы имеем очень значительное число вышедших из среднего и высшего классов молодых людей, которых повсюду встречаешь в крайне левом движении. Это их моральная реакция на «затхлость» и социальную неэффективность их родителей

и людей их собственного круга. Они ищут выход своим способностям, который не приносит прибыли, но полезен. Многие искали достойной жизни и часто находили ее, а вместе с ней и смерть в борьбе против католиков и их мавританских и фашистских пособников в Испании.

Несчастье их поколения в том, что многие из них попали в ментальные ловушки марксизма. Для меня было абсурдом наблюдать в Оксфорде шумные сборища богатых молодых людей, ни один из которых не был таким физически чахлым, как я в мои двадцать из-за лет плохого питания и недостатка витаминов… людей, изображавших из себя грубых пролетариев «без воротничков», яростно восстававших против моей буржуазной тирании и скромного комфорта моих преклонных лет, повторявших нелепые лозунги классовой войны, которыми они блокировали свои умы от любого признания подлинной реальности. И, хотя это поведение прежде всего показывает отупляющее воздействие их подготовительных и государственных школ, которое швырнуло их умственно и эмоционально неподготовленными в проблемы студенческой жизни, оно не умаляет того факта, что ОНИ НАХОДИЛИ ЧРЕЗВЫЧАЙНО ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОЙ ИДЕЮ ПОСВЯТИТЬ СЕБЯ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ПЕРЕУСТРОЙСТВУ ОБЩЕСТВА, что обещало положить конец безмерному разбазариванию возможностей счастья и успеха. И это несмотря на то, что сами они имели вполне защищенные жизненные блага.

Столкнувшись с непосредственной близостью неудобств, унижений, потерянных лет, увечий, столкнувшись также с возвращением России к самодержавию и потерей прежнего финансового благополучия своих семей, эти молодые люди с левым уклоном, вероятно, не только проведут очень перспективную переоценку своих возможностей, но и обнаружат, что к этой переоценке присоединяется весьма значительное число других людей, которых до сих пор отталкивала очевидная глупость и неискренность символов серпа и молота (рабочие и крестьяне Оксфорда!) и раздражающий догматизм ортодоксального марксиста. И почему бы этим молодым людям вместо того, чтобы ждать, когда их захлестнет насильственная революция, после которой они окажутся немытыми, небритыми, классово сознательными и находящимися под постоянной угрозой уничтожения, не решить, что, прежде чем Революция

завладеет ими, лучше они завладеют Революцией и спасут ее от неэффективности, идейных искажений, разочарований и отчаяния, которые взяли над ней верх в России.

Эту новую и полную революцию, которую мы рассматриваем, можно определить в очень немногих словах. Это: а) открытый мировой социализм, научно спланированный и управляемый, ПЛЮС б) беспрекословное верховенство закона, основанного на более полном, более ревностно продуманном утверждении личных прав человека, ПЛЮС в) полная свобода слова, критики и публикаций, а также неуклонное расширение организации образования в соответствии с постоянно растущими требованиями нового порядка. То, что мы можем назвать восточным или большевистским коллективизмом, Революцией Интернационала, не достигло даже первого из этих трех пунктов и никогда даже не пыталось достичь двух других.

В самом сжатом виде это треугольник Социализма, Права и Знания, который образует Революцию, еще способную спасти мир.

Социализм! Стать откровенными коллективистами? Очень немногие люди из более удачливых классов нашего старого разваливающегося общества, которым за пятьдесят, смогут приспособиться к этому. Это предложение покажется им совершенно отталкивающим. (Средний возраст британского кабинета в настоящее время значительно превышает шестьдесят.) Но это вовсе не должно стать отталкивающим для их сыновей. Они все равно обнищают. Об этом позаботится движение звезд. И это очень поможет им понять, что административная и созидательная жизнь может быть гораздо интереснее, чем жизнь, состоящая из одних приобретений и трат.

От административного контроля к административному участию, а затем к прямому управлению – это простые шаги. Их предпринимают сейчас то в одном деле, то в другом. По обе стороны Атлантики. Неохотно и часто очень неискренне, одолевая энергичное, но уменьшающееся сопротивление. Великобритания, как и Америка, может стать социалистической системой без решительной революции, постоянно протестуя против того, что в ней ничего подобного не делается.

В Британии сейчас нет особого образованного класса, но на всей социальной лестнице есть хорошо начитанные мужчины и женщины, напряженно раздумывающие над теми огромными проблемами,

которые мы обсуждаем. Многим из них (а может быть, и настолько многим, чтобы начать лавинообразное движение к цели, которое непременно разовьется при четком и решительном начале) может понравиться эта концепция Революции, призванная породить либеральный коллективизированный мир.

И можно, наконец, ограничить наше исследование рассмотрением того, что теперь должно быть сделано для спасения Революции, что будет делать ее движение или партия (если для ее проведения будет использовано некое подобие партии), какова будет ее Политика. До сих пор мы показывали, почему разумный человек любой расы и любого языка должен стать «западным» революционером. Теперь мы должны рассмотреть непосредственные действия, которые в его силах предпринять.

9. Политика для здравомыслящего человека

Давайте повторим общие выводы, к которым привело нас все предыдущее обсуждение.

Установление прогрессивного мирового социализма, в котором свобода, здоровье и счастье каждого человека охраняются всеобщим законом, основанным на декларации прав человека, и в котором существует предельная свобода мысли, критики и предложений, является ясной, рациональной целью, стоящей перед нами сейчас. Только эффективное осуществление этой цели может установить мир на земле и остановить нынешнее движение человечества к нищете и разрушению. Треугольник коллективизации, права и знания должен воплощать общую цель всего человечества.

Но между нами и этой целью встают обширные и углубляющиеся беспорядки нашего времени. Новый порядок не может быть создан без гигантских и более или менее скоординированных усилий более здравых и способных представителей человечества. Дело не получится сделать быстро и мелодраматично. Эти усилия должны стать основой для любой разумной социальной и политической деятельности и ПРАКТИЧЕСКИМ КРИТЕРИЕМ ДЛЯ ВСЕХ РЕЛИГИОЗНЫХ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ. Но так как наш мир бесконечно разнообразен и запутан, то невозможно свести это новое революционное движение к какому-либо одному классу, организации или партии. Оно слишком велико для этого. Ширясь, оно произведет и, возможно, отбросит целый ряд организаций и партий, стремящихся к одной конечной цели. Следовательно, для того чтобы рассмотреть общественно-политическую деятельность здравомыслящих людей в наши дни, мы должны рассматривать их по частям с разных точек зрения. Мы должны рассмотреть возможность наступления на длинном и неоднородном фронте.

Начнем с проблемы здравомыслия соотносительно с политическими методами нашего времени. Что мы должны делать, как голосующие граждане? Думаю, что история так называемых демократий за последние полвека достаточно убедительна. Наши нынешние избирательные методы, которые не дают гражданину иного

выбора, кроме двустороннего, и тем самым навязывают ему двухпартийную систему, – просто карикатура на представительное правительство. Они создали по обе стороны Атлантики большие, глупые и коррумпированные партийные машины. Это неизбежно должно было произойти, и все же до сих пор в умах молодых людей, интересующихся политикой, замечается некоторая робость, когда речь заходит о Пропорциональном представительстве. Они думают, что это «немного странно». Что в лучшем случае это второстепенный вопрос. Партийные политики стараются поддерживать эту робость, поскольку ясно понимают: то, что называется Пропорциональным представительством с учетом каждого голоса в больших избирательных округах, откуда проходит за дюжину кандидатов, уничтожит простой захват власти одной партией и разрушит партийные организации.

Механистическая система в Соединенных Штатах более развита, прочнее закреплена – юридически в Конституции и вне закона в принципе «победитель получает все» – и ее может оказаться труднее модернизировать, чем британскую, которая основана на устаревшей кастовой традиции. Но и Парламент, и Конгресс по существу сходны в своих фундаментальных основах. Они торгуют титулами, концессиями и общественным благосостоянием, и только под жестким и долгим давлением поддаются требованиям общественного мнения. Остается открытым вопрос, насколько более чутко они реагируют на общественные настроения, чем диктаторы, которых мы столь безоговорочно осуждаем как антитезу демократии. Они демонстрируют огромное пренебрежение к запросам масс. Они меньше объясняют и больше игнорируют. Диктаторы должны выступать и объяснять, не всегда правдиво, но деваться им некуда. Тупой диктатор немыслим.

В такие напряженные и кризисные времена, как нынешние, непостижимые медлительность, неэффективность и расточительность партийной системы становятся настолько очевидными, что ее худшие претензии частично задвинуты. Партийная игра приостановлена. Оппозиция Его Величества отказывается от видимости защиты интересов простых граждан от негодяев на правительственных скамьях; республиканцы и демократы начали пересекать партийные границы, чтобы обсудить новую ситуацию. Даже те профессионалы

парламентского (конгрессменского) жульничества, которые достаточно напуганы положением дел, отказываются от него. Кажется неизбежным появление в скором времени в Великобритании Всепартийного Национального правительства.

Великобритания фактически стала социалистической за пару месяцев; приостановлены и партийные политические игры, точно так, как это было в Соединенных Штаты во время Великой депрессии. И в обоих случаях это произошло потому, что гнилость и неэффективность партийной политики перед лицом опасности воняла до небес. А так как в обоих случаях партийное правительство поднимало руки и ныряло в кусты, то есть ли хоть одна мыслимая причина, почему мы должны позволить ему вернуться, едва забрезжит перспектива победы или восстановления? Почему мы не должны двигаться вперед от нынешнего положения дел к менее своевольному социалистическому режиму при постоянной беспартийной администрации, к реальности, если не к форме постоянного социалистического правительства?

Насчет Америки мне нечего пока предположить. Я, например, никогда не пытался разобраться в последствиях отсутствия исполнительных министров в законодательном органе. Я склонен думать, что это одно из слабых мест в их Конституции и что английская практика, обязывающая министра запрашивать слово в Палате представителей, и делает его движителем законодательства, касающегося его ведомства, и что она менее сложна и, следовательно, более демократична, чем американская. А полномочия и функции Президента и Сената настолько отличаются от консолидированных полномочий Кабинета и премьер-министра, что даже если англичанин почти наизусть заучит статьи их Конституции, он все равно будет так же не в состоянии понять живую реальность, как если бы ему показали партитуру оперы до того, как он услышал ее исполнение, или кальки чертежей машины, которую он никогда не видел в действии. Очень немногие европейцы понимают историю Вудро Вильсона[27], Сената и его Лиги Наций. Они считают, что «Америка», которую они представляют себе как большую отдельную личность, навязала последний институт Европе, а затем сознательно сняла с себя ответственность за него, и они никогда не будут считать иначе. А еще они считают, что «Америка» держалась в стороне от войны до последнего предела приличия, втридорога продавала нам боеприпасы,

которые способствовали общей победе, и обиделась, когда долг за них не был погашен. Они так считают, а в это же время американцы смотрят так, будто ни один англичанин не погиб между 1914 и 1918 годами (у нас было 800 000 убитых), пока благородные американские призывники не прибыли, чтобы умереть за них (около 50 000). Полюбуйтесь, например, на заголовок Куинси Хоу[28] «Англия ожидает, что каждый американец выполнит свой долг». Подлейший из заголовков, но многим американцам он, похоже, нравится.

Сейчас, пока я пишу, на моем столе лежит брошюра некоего Роберта Рэндалла, красиво изданная и оформленная, призывающая к совместному нападению на Соединенные Штаты как к решению проблемы Европы. Никакие страны не ощутят своего единства, если у них нет общего врага, а естественным общим врагом для Европы, как утверждается, являются Соединенные Штаты. Итак, чтобы создать Соединенные Штаты Европы, мы должны начать с осуждения доктрины Монро. Я верю в честность и добрые намерения мистера Роберта Рэндалла; я уверен, что он не больше на содержании у Германии, прямо или косвенно, чем мистер Куинси Хоу или мистер Гарри Элмер Барнс[29]… Но кто бы из самых блестящих нацистских пропагандистов войны сумел придумать более эффективную разъединяющую идею?

Но я отклоняюсь от темы. Я не знаю, насколько здравомыслящие люди в Америке способны ослабить удушающую хватку Конституции, вырвать контроль над собственной страной из рук неуклюжих, высокопарных и ушлых политиков с их огромными, сильными челюстями, разработанными жевательной резинкой и громогласными речами. чьи фотографии на страницах Времени смотришь не без доли ужаса. Насколько они способны отменить систему «победитель получает все», найти и обучить широкий круг компетентного чиновничества, которое сумеет выполнить приторможенные обещания Нового курса и продвинуть Америку к соответствию с реконструкцией остального мира? Но я вижу, что в политике, да и вообще во многих вещах, юмор и здравомыслие американцев умеют находить обходные пути и делать невозможное, и я так же мало сомневаюсь, что им это удастся, так же как не сомневаюсь, когда вижу связанного цепям уличного артиста на стульчике и коврике, что он освободится, когда в шляпе наберется достаточно пенни, чтобы оправдать его усилия.

Эти различия в методах, темпах и традициях – большое несчастье для всего англоязычного мира. Мы, англичане, недостаточно уважаем американцев; мы слишком склонны думать, что все они – Куинси Хоу, Гарри Элмер Барнс, Бора и тому подобные – самодовольные и подозрительные антибританские мономаньяки, которых надо задобрить любой ценой. Вот почему мы никогда не бываем с ними так откровенны и резки, как они того заслуживают. Но с чем большими усилиями мы сдерживаемся, тем меньше мы их любим. Настоящие братья могут ругаться друг с другом и оставаться друзьями. Когда-нибудь Британия выскажет Колумбии все напрямую, и это, наверно, очистит атмосферу. На днях один весьма разгоряченный англичанин сказал мне: «Я молю Бога, чтобы они все-таки не вмешались до самого конца ЭТОЙ войны, иначе конца войны мы никогда не дождемся».

Тем не менее, наши два народа движутся в разных темпах к одинаковым целям, и прискорбно то, что разница в произношении и идиомах приносит больше вреда, чем разница в языке.

Что касается Великобритании, то она мне намного ближе и понятнее, и мне кажется, что сейчас прекрасный момент подловить страну на состоянии социализации, покончить с партийными политиками и удержаться на этом. Логичным, но часто игнорируемым следствием действительного создания Всепартийного национального правительства и отмены избирательных гонок является то, что, поскольку нет оппозиции, партийная критика должна будет уступить место индивидуальной критике министров, и вместо того, чтобы свергать правительство в целом, мы должны будем убирать отдельных неудачливых управленцев. Нам больше не нужно будет ограничивать выбор государственных служащих политическими карьеристами. Мы будем продвигать людей, которые уже что-то сделали и умеют делать. И всякий раз во время выборов мы сможем организовать блок беспартийных избирателей, которые будут голосовать, если понадобится, за аутсайдера с доказанными способностями и будут настаивать на ясном отчете от каждого кандидата в парламент о его прежней конкретной работе на благо страны, если таковая имеется, о его прошлых и нынешних финансовых затруднениях, его семейном положении и титуле, которым он обладает. Мы сможем публиковать эти необходимые сведения и брать на заметку, какие газеты от этого уклоняются. А если на выбор останутся одни лишь политики, мы

сможем, по крайней мере, проголосовать тем, что испортим наши избирательные карточки в знак протеста.

В настоящее время мы видим, как одна государственная служба за другой впадают в хаос из-за неумелого обращения с партийной мотыгой и невидимой деятельности заинтересованных сторон. Люди уже интересуются, почему сэр Артур Солтер не управляет вновь судоходством Союзников, сэр Джон Орр руководит нашими продовольственными поставками с помощью, вероятно, сэра Фредерика Кибла. Сэр Роберт Ванситтарт сидит в Министерстве иностранных дел. Мы желаем лично знать ответственных за неспособность наших разведывательных и пропагандистских министерств, чтобы заставить их уйти из общественной жизни. Сейчас было бы довольно легко поднять множество встревоженных людей кличем «Компетентность, а не партия!».

Большинство людей на Британских островах искренне устали от мистера Чемберлена и его правительства, но они не могут допустить политического раскола в военное время, и мистер Чемберлен держится на своем посту с прилипчивостью моллюска. Но если мы будем нападать не на правительство в целом, а на отдельных министров, и заменять их одного за другим, то вскоре мы получим правительство настолько обновленное, что даже мистер Чемберлен поймет и примет, что ему пора на пенсию. Вполне небольшая группа общественно неравнодушных людей могла бы организовать Дозорное Общество, чтобы продвигать эти идеи массовому избирателю и начать устранение худших элементов из нашей общественной жизни. Для нашего политического возрождения это была бы практическая работа первостепенной важности. Она привела бы непосредственно к созданию новой и более эффективной политической структуры, которая сохранилась бы и после того, как нынешняя война закончится.

А вслед за этой кампанией по бесповоротным похоронам отыгравшей свое партийной системы возникнет необходимость гораздо более напряженного поиска административных и технических ресурсов по всей стране. Нельзя упустить ни одного юноши, который мог бы быть полезен в великом деле переустройства Великобритании после того, как она окажется грубо, неуклюже и с большими потерями социализирована нашими военными потрясениями, так чтобы

социалистическая структура могла стать постоянной эффективной системой.

И от основания образовательной пирамиды до ее вершин, до повышения образования преподавателей, заведующих кафедрами и научных работников, необходимо такое пробуждение умов и оживление методов, которое может обеспечить только более или менее организованное движение здравомыслящих и критически настроенных людей. Да, нам нужны в каждом ведомстве министры высочайшего качества, но ни в одной отрасли общественной жизни не требуется человек такого творческого понимания, смелой инициативы и административных способностей, как в Министерстве образования.

В Британской империи течение системы образования было столь безмятежным и ненавязчивым, что кажется почти скандальным и безусловно «вульгарным» предполагать, что нам нужен свой Союз Рыжих, чтобы найти и поддержать такого министра. Нам нужен министр образования, который мог бы встряхнуть учителей, заставляя их заниматься самоанализом, и либо подзарядить электричеством и омолодить старых профессоров, либо запереть их в башни из слоновой кости, призвав более молодых. При партийной системе Министерство образования всегда было синекурой для какого-нибудь достойного партийного политика, малодушно пасовавшего перед своим учреждением и его постоянными служащими. Во время войны, когда просыпаются другие ведомства, ведомство образования погружается в еще большую летаргию. Нельзя припомнить ни одного британского министра образования с тех пор, как в истории наших островов появились министры образования, который бы хоть что-то значил для образования или по собственной инициативе сделал хоть что-то, достойное упоминания.

А вдруг мы очень скоро найдем живого министра – и пусть сражается!

Это намного революционнее, чем бросать бомбы в невинных полицейских или убивать безобидных властителей или бывших властителей. Хотя на деле все сводится лишь к пожеланию, чтобы существующее ведомство было тем, чем должно быть.

Третье направление, на которое всякому большому объединению здравомыслящих людей придется обратить свое внимание – это грубая несправедливость и извилистость наших нынешних методов

экспроприации прежних зажиточных классов. Единственный принцип, который можно разглядеть: вдовы и дети – первыми. Социализация осуществляется, как в Британии, так и в Америке, не путем откровенной экспроприации (с компенсацией или без нее), а путем усиления государственного контроля и увеличения налогов. Оба наших великих народа идут к социализму задом наперед и даже по сторонам не глядят. Это хорошо в той мере, в какой технический опыт и руководящие способности постепенно переходят из полностью частных предприятий на государственную службу, и с этой точки зрения здравомыслящим и неравнодушным гражданам мало что остается делать, кроме как добиваться от процесса его самоосознанности, а от общественности – понимания реальной природы перемен. Но это плохо тем, что происходит произвольное уничтожение сбережений, наиболее уязвимой стороны старой системы. Они изымаются как через контроль над прибылью, так и через налоги, и одновременно их покупательная способность страдает от ускорения процесса денежной инфляции, которая неизбежна при перерасходах общества, являясь и корректировкой, и заявлением о банкротстве общества.

Класс акционеров сокращается и отмирает. Вдовы и сироты, старики, которые уже не работают, и немощные, которые не способны работать, вынуждены в свои преклонные годы мучительно ужиматься в своем образе жизни. Да, социальные потери, несомненно, уменьшаются, но вместе с тем происходит и оскудение свободного мнения и свободной научной и художественной инициативы, поскольку бесконечные общества, учреждения и службы, которые обогащали нашу жизнь, в значительной степени зависят от добровольных пожертвований, которые резко падают. В настоящее время значительная часть наших научных, художественных, литературных и социальных работников получила образование за счет частных сбережений.

При революции классовой войны эти экономически очень беззащитные, но очень удобные для социального битья люди подвергаются злорадным унижениям, которые их ничтожные соседи почитают своим великим триумфом… Но разумно проведенная революция наверняка разработает систему безотлагательных пенсий и компенсаций, а также – помощи некогда добровольным объединениям.

Это смягчит социальные потрясения, вызванные исчезновением целого слоя относительно свободных и независимых людей, пока преемники этого слоя, то есть растущий класс отставных чиновников, государственных управленцев и т. д., не встанут на ноги и не обретут собственные пути самоутверждения и предпринимательства.

10. Декларация прав человека

Обратимся теперь к другому своду проблем коллективизации мира, а именно к сохранению свободы в социалистическом государстве и восстановлению той уверенности, без которой вообще невозможен положительный образ действий.

Разрушение доверия является одним из наименее четко осознаваемых зол нынешней фазы распада мира. В прошлом были периоды, когда целые общества или, по крайней мере, большие классы внутри обществ занимались своим делом с преобладающими честностью, прямотой и чувством личной чести. Они чрезвычайно гордились качеством своей продукции. Они проживали свою жизнь в приемлемых и терпимых отношениях с соседями. Они соблюдали законы, которые бывали различными в разных странах и в разные периоды, но по самой своей природе они почитали упорядоченную законопослушную жизнь возможной и естественной. Их учили тому, что «Вот как (так или иначе) правильно. Поступайте правильно, и никакое несчастье, кроме абсолютно исключительного, а значит, почти невероятного, не сможет вас коснуться. Закон гарантирует вам это. Поступайте правильно, и никто вас не ограбит и не обманет», и они верили в это, и у них были все основания верить.

По всему миру сейчас остались лишь крохи этого чувства, и по мере того, как оно исчезает, поведение людей скатывается до приступов паники, мошенничеств, переходу всех пределов, сколачиванию банд, накопительству про запас, скрытности и всех подлых и антиобщественных чувств, которые являются естественным результатом неуверенности.

Сталкиваясь с тем, что сейчас разрослось до своего рода морального панического бегства, все больше и больше здравомыслящих людей осознают настоятельную необходимость восстановления уверенности. Чем больше идет социализация и чем больше концентрируется руководящая власть, тем более необходима эффективная защита индивидов от нетерпимости благонамеренных, узколобых или безжалостных чиновников и вообще от всех возможных

злоупотреблений с высоты положения, неизбежных при таких обстоятельствах для нашего еще по-детски порочного вида.

В прошлом Атлантический мир особенно преуспевал в способах справляться с этим аспектом человеческой природы. Наш характерный и традиционный метод можно назвать методом основополагающей декларации. Наши западные народы, повинуясь счастливому инстинкту, провозглашали главенство права, начиная с Великой Хартии Вольностей, чтобы обеспечить структурную защиту гражданина при необходимости укрепления центральной власти.

И очевидно, что успешная организация более всеобъемлющего и всепроникающего коллективизма, который неизбежно надвигается на нас, потерпит крах в своем самом жизненно важном аспекте, если эта организация не будет сопровождена противоядием новой Декларации Прав Человека, которая должна, в силу возрастающей сложности социальной структуры, быть более благородной, подробной и ясной, чем любая из ее предшественниц. Такая Декларация должна стать ОБЩИМ ОСНОВНЫМ ЗАКОНОМ всех сообществ и коллективов, собранных под эгидой Всемирного Мира. Она должна переплестись с провозглашенными военными целями воюющих сейчас сил; она должна стать первоосновой в любом урегулировании; она должна быть представлена ныне воюющим государствам для их одобрения, их смущенного молчания или их отказа.

Чтобы быть как можно более ясным в этом вопросе, позвольте мне представить на ваше рассмотрение проект предлагаемой Декларации прав человека, используя слово «человек», разумеется, для обозначения каждого индивидуума, мужчины или женщины. Я постарался внести в него все существенное и опустить все второстепенные вопросы, которые можно легко вывести из его общих положений. Это проект для вашего рассмотрения. Что-то, возможно, я проглядел, а где-то могут быть повторения и излишние утверждения.

«Так как человек приходит в этот мир не по своей воле, так как он со всей очевидностью является сонаследником всего накопленного в прошлом, и так как этих накоплений более чем достаточно, чтобы оправдать требования, которые здесь выдвигаются ради него, из этого следует,

1) Что каждый человек, независимо от расы, цвета кожи или исповедуемых убеждений или мнений, имеет право на питание, кров,

медицинскую помощь и заботу, необходимые для полной реализации его возможностей физического и умственного развития и поддержания его здоровья от рождения до смерти.

2) Что он имеет право на достаточное образование, чтобы стать полезным и заинтересованным гражданином, что специальное образование должно быть предоставлено ему таким образом, чтобы дать ему равные возможности для развития его отличительных дарований на службе человечеству, что он должен иметь легкий доступ к информации по всем вопросам, представляющим общий интерес, в течение всей своей жизни и пользоваться максимальной свободой дискуссий, собраний и вероисповедания.

3) Что он может свободно посвятить себя любому законному занятию, получая такое вознаграждение, которое оправдывает необходимость его труда и его вклад в общее благосостояние. Что он имеет право на оплачиваемую работу и на свободный выбор из открытых перед ним разновидностей работы. Он сам может предложить вид своей работы и иметь право на публичное рассмотрение, принятие или отклонение своего предложения.

4) Что он имеет право покупать или продавать без каких-либо дискриминационных ограничений все, что может быть законно куплено или продано, в таких количествах и с такими оговорками, которые совместимы с общим благосостоянием.

(Здесь я вставлю комментарий. Мы должны иметь в виду, что в коллективистском государстве купля-продажа для обеспечения дохода и прибыли будет не просто ненужной, но и невозможной. Фондовая биржа после четырехсот с лишним лет своего существования неизбежно исчезнет вместе с исчезновением всякого разумного мотива для больших накоплений или для накопления средств на случай лишений и нищеты. Задолго до наступления эпохи полной коллективизации сбережения отдельных лиц для последующего потребления, вероятно, будут защищены за счет превращения системы паевых трестов в государственную службу. Они, вероятно, будут иметь право на проценты по такой ставке, какая будет компенсировать долговременную инфляцию, которая будет существовать в постоянно обогащающемся мировом сообществе. Наследование и завещание в обществе, в котором средства производства и все возможные монополии коллективизированы, смогут относиться только к

относительно небольшим, красивым и личным предметам, которые доставят удовольствие, но не принесут несправедливой социальной выгоды получателю.)

5) Что он и его личное имущество, приобретенное законным путем, имеют право на полицейскую и правовую защиту от частного насилия, отъема, принуждения и запугивания.

6) Что он может свободно передвигаться по миру за свой счет. Что его частный дом, или квартира, или разумно ограниченный сад – это его замок, в который можно войти только с его согласия, но что он имеет право перемещаться по любой стране, вересковой пустоши, горе, ферме, большому саду или иному объекту, или по морям, озерам и рекам мира, везде, где его присутствие не будет вредоносным в силу особых условий, опасных для него самого или причиняющим серьезные неудобства его согражданам.

7) Что человек, если он не объявлен компетентным органом опасным для себя и других вследствие психического расстройства (что в таком случае должно ежегодно подтверждаться), не может быть заключен в тюрьму на срок более шести дней без предъявления ему обвинения в определенном преступлении против закона или на срок более трех месяцев без публичного судебного разбирательства. По истечении последнего срока, если он не был судим и осужден в установленном законом порядке, он освобождается. Он также не может быть призван на военную, полицейскую или любую другую службу, от которой он отказывается по соображениям совести.

8) Что, хотя человек открыт для свободной критики своими согражданами, он адекватно защищен от любой лжи или недостоверной информации, которые могут нанести ему моральный или физический ущерб. Все административные и регистрационные фиксированные сведения о человеке должны быть открыты для его личного и частного просмотра. Ни в одном административном учреждении не должно быть секретных досье. Все досье должны быть доступны заинтересованному лицу и подлежать проверке и исправлению по его требованию. Досье – это просто меморандум; его нельзя использовать в качестве доказательства без надлежащего подтверждения в открытом суде.

9) Что ни один человек не должен подвергаться никакому уродованию или стерилизации, кроме как с его собственного

осмысленного согласия, свободно данного, ни телесному насилию, кроме как при сдерживании его собственного насилия, ни пыткам, избиениям и любому другому телесному наказанию; он не должен подвергаться тюремному заключению в условиях ненормальных тишины, шума, света или темноты, которые причиняют душевные страдания, или тюремному заключению в заразных, зараженных паразитами или иным образом антисанитарных помещениях, или помещаться в общество зараженных паразитами или инфекционными болезнями людей. Он не должен насильно выкармливаться или лишен возможности голодать, если он того пожелает. Он не должен принуждаться к приему наркотиков и не должен принимать их без его ведома и согласия. Что самыми строгими наказаниями, которым он может быть подвергнут, являются тюремное заключение усиленного режима на срок не более пятнадцати лет или смертная казнь.

(Здесь я хотел бы отметить, что в этом нет ничего, что могло бы помешать какой-либо стране отменить смертную казнь. Я также не утверждаю общего права на самоубийство, потому что никто не может наказать человека за это. Он уже сбежал. Но угрозы самоубийством и неудачные попытки относятся к совершенно другой категории. Это непристойные и подрывающие спокойствие поступки, которые легко могут стать серьезным социальным злом и от которых нормальные граждане имеют право быть защищенными.)

10) Что положения и принципы, изложенные в настоящей Декларации, должны быть более полно определены в кодексе основных прав человека, который должен быть легко доступен каждому. Эта Декларация не может ни редактироваться, ни отклоняться под любым предлогом. Она включает в себя все предыдущие Декларации прав человека. Отныне для новой эры это основной закон для человечества во всем мире.

Ни один договор и ни один закон, затрагивающие эти первичные права, не являются обязательными для любого человека, провинции или административного подразделения общества, если они не были приняты открыто, при активном или молчаливом согласии каждого заинтересованного взрослого гражданина, либо прямым большинством голосов затрагиваемого ими сообщества, либо большинством голосов его публично избранных представителей. В вопросах общественного поведения люди должны подчиняться

решению большинства. Никакая администрация под предлогами неотложности, удобства или тому подобных не может быть наделена полномочиями устанавливать или дополнительно определять, что является правонарушением, или выпускать дополнительные законы, которые каким-либо образом нарушают права и свободы, заявленные здесь. Все законы должны быть публичными и точно изложенными. Никакие тайные договоры не являются обязательными для отдельных лиц, организаций или сообществ. Никакие постановления совета или подобные им, расширяющие применение закона, не допускаются. Нет другого источника права, кроме народа, и так как поток жизни постоянно приносит новых граждан, ни одно поколение не может полностью или частично уступить или делегировать кому-либо законодательную власть, неотъемлемую от всего человечества».

Мне кажется, здесь есть нечто, что более проницательные умы, чем мой, смогут отшлифовать в рабочую Декларацию, которая самым эффективным образом положит начало тому восстановлению доверия, в котором нуждается мир. Очень многое может быть лучше сформулировано, но мне кажется, здесь воплощена общая добрая воля человечества от полюса до полюса. Это, безусловно, то, чего мы все хотим для себя. Это может стать очень мощным инструментом в настоящей фазе положения человечества. Это необходимо и приемлемо. Говорю вам, включите это в ваши мирные договоры и статьи федерации, и у вас будет твердая основа, постоянно укрепляющаяся для не ведающей страха космополитической жизни нового мирового порядка. Вы никогда не добьетесь этого порядка без подобного документа. Это недостающий ключ к бесконечным современным проблемам.

И если мы, добродетельные демократии, не сражаемся сейчас за эти общие права человека, тогда за что же иное, во имя знати и рядового дворянства, Короны и Церкви, Города, Времени и Клуба Армии и Флота, сражаемся мы, простые британские люди?

11. Международная политика

А теперь, завершив нашу картину того, ради чего могут разумно работать и на что могут надеяться более здравомыслящие элементы человеческого общества, очистив наше воображение от ужасных кошмаров классовой войны и тоталитарного рабовладельческого государства, мы можем приступить к сегодняшним загадкам международных конфликтов и взаимоотношений с некоторой надеждой на общее их разрешение. Если, конечно, мы до конца осознаем, что мировое урегулирование, основанное на трех идеях – социализма, права и знании – не только возможно и желательно, но и является единственным способом избежать углубляющейся катастрофы, тогда наше отношение к злобе Германии, предрассудкам Америки или России, нищете и голоду Индии или амбициям Японии должно быть откровенно оппортунистическим. Ни одна из этих проблем не является основной. Мы, здравомыслящие люди, никогда не должны упускать из виду нашу конечную цель, но наши методы ее достижения должны изменяться в зависимости от разнообразных национальных чувств и национальной политики.

Существует идея федерализма, которую я уже критически разобрал в главе 7. Как я показал, предложения Стрейта либо ведут вас за ее пределы, либо никуда не приведут. Предположим, мы разовьем его предложения до создания социалистического экономического консорциума и принятия нашей Декларации прав, что является первичными условиями для любого федерального союза. Тогда станет вопросом настроения и случая, с каких обществ может быть начато федеральное объединение. Мы можем даже поощрять робкие федеральные эксперименты, не отваживающиеся ступать дальше этого по пути здравого смысла, твердо зная, что либо эти эксперименты бесследно канут, либо станут либеральными реалиями того типа, которому в конечном счете должен соответствовать весь мир. Любые такие половинчатые и малодушные шаги следует поддерживать активной и эффективной просветительской пропагандой.

Но когда речь заходит о темпах и масштабах участия в построении рационального мирового порядка, которые мы можем

ожидать от любой страны или группы стран, мы оказываемся в той области, где нельзя опираться наобум лишь на гадания и обобщения о «национальных характерах». Мы имеем дело с массами людей, которых могут сильно качнуть в ту или иную сторону блестящие газетные публикации или потрясающая убедительность притягательной личности или же почти случайные перемены в ходе событий. Я, например, не могу сказать, в какой степени большинство образованных и способных людей в Британской империи может сейчас согласиться с нашей идеей принятия коллективизма и служения ему… либо насколько сильным может быть их консервативное сопротивление. Это моя собственная страна, и я должен знать ее лучше других, но я не знаю ее достаточно беспристрастно или глубоко, чтобы видеть четко. Я не вижу, как можно предсказать ответные вихри, приливы и отливы.

Пропаганда таких движений разума и воли, о которых я здесь говорю, сама по себе становится одной из причин политического приспособленчества, и те, кто глубже всего вовлечен в борьбу, менее всего способны оценить то, как она идет. Каждый фактор в политических и международных делах – это колеблющийся фактор. Поэтому мудрый человек не станет отдавать свое сердце какому-либо определенному течению или объединению. Он будет благосклонен ко всему, что направлено к цели, к которой он стремится.

Автор питает надежду, что реализация общей цели и общего культурного наследия может распространиться на все англоязычные сообщества, и нет никакого вреда в попытках придать этой реализации конкретные формы. Он полагает, что распад Британской империи может положить начало этому великому синтезу. В то же время существуют факторы, способствующие некоторому сближению Соединенных Штатов Америки с так называемыми державами Осло. Нет никаких причин, по которым одна из этих ассоциаций должна стоять на пути другой. Некоторые страны, такие как Канада, уже имеют практически двойные гарантии своей безопасности; у нее есть и защита Доктрины Монро, и защита британского флота.

Германия с восьмидесятимиллионным населением, приведенная к согласию с Декларацией прав человека и уже в высшей степени коллективизированая, может прийти к полностью либеральному социалистическому режиму гораздо раньше, чем Великобритания или

Франция. Если она примет участие в консорциуме по развитию так называемых политически отсталых регионов мира, ее больше не будет тянуть к дальнейшим военным авантюрам, новым потрясениям и страданиям. Она может вступить в фазу быстрого социально-экономического подъема, чтобы простимулировать и повлиять на все другие страны мира. Другие страны не имеют права диктовать ей внутреннюю политику, и если немецкий народ хочет оставаться единой нацией, в федеративных штатах или в одном централизованном государстве, нет ни правоты, ни мудрости в том, чтобы этому препятствовать.

Немцы, как и весь остальной мир, должны продолжать коллективизацию, они должны создать собственный ее образец, и они не смогут достичь этого, если будут искусственно разделены и раздроблены по старомодным схемам. Они должны найти свой правильный путь.

То, что воинственные настроения могут сохраниться в Германии в течение поколения или около того – это риск, на который должны пойти атлантические державы. Мир имеет право настаивать на том, чтобы не только то или иное германское правительство, но и народ в целом безоговорочно и неоднократно признавали права человека, провозглашенные в Декларации, а также разумно настаивать на том, чтобы Германия оставалась разоруженной и чтобы любое предприятие военного назначения, любой военный самолет, военный корабль, оружие или арсенал, обнаруженные в стране, немедленно, жестко и полностью уничтожались. Но это не должно ограничиваться только Германией. Германия не должна быть исключением. Вооружение должно стать незаконным повсюду, и те или иные международные силы должны патрулировать мир, связанный договором. Частичное вооружение – одна из тех нелепостей, которые так дороги умеренно мыслящим «разумным» людям. Оружие само начинает войну.

Изготовление винтовки, наведение и стрельба из нее – все это действия одного порядка. Возведение в любом месте на земле любого механизма для конкретной цели убийства людей должно быть признано незаконным. Когда вы видите пистолет, разумно спросить: «Кого это должно убить?»

Перевооружение Германии после 1918 года терпелось в значительной степени потому, что она играла и на британской

русофобии, и на русском страхе перед «капиталистическим» нападением, но это оправдание больше не может служить тайным поджигателям войны среди немецкого народа после ее пакта с Москвой.

Избавленная от экономических тягот и ограничений, которые парализовали ее восстановление после 1918 года, Германия может найти полный и удовлетворительный выход энергии своих молодых людей в систематической коллективизации, сознательно и неуклонно повышая общий уровень жизни, показывая России пример эффективности и заставляя невнятную «политику» и дискурсивную невнимательность Атлантического мира сосредоточиваться на реалиях жизни. Идея снова раздробить Германию на отдельные куски, чтобы на неопределенный срок отложить ее окончательное восстановление – мечта псевдодемократического бездельника, диаметрально противоположная мировому переустройству. Нам нужны особые качества ее народа, и чем скорее она поправится, тем лучше для всего мира. Нелепо возобновлять политику сдерживания Германии только для того, чтобы старый порядок мог еще несколько лет потакать своим слабостям в Англии, Франции и Америке.

Сохраняющийся страх перед германской военной агрессией может оказаться не так уж плох для малых государств Юго-Восточной Европы и Малой Азии, поскольку сломит их чрезмерный национализм и побудит работать совместно. Политика здравомыслящего человека должна состоять в том, чтобы приветствовать все возможные эксперименты в международном сотрудничестве, и чем больше наднациональные взаимопонимания будут пересекаться и накладываться друг на друга, тем лучше. Он должен с неутомимой бдительностью следить за деятельностью своего Министерства иностранных дел, чтобы уловить любые признаки того макиавеллиевского духа, который разжигает разногласия между разными правительствами и народами и постоянно злоумышляет против прогрессивного продвижения в человеческих делах, превращая его в неустойчиво покачивающееся равновесие сил.

Эта книга – обсуждение руководящих принципов, а не бесконечных специфических проблем регулировки, возникающих на пути к всемирной реализации коллективного единства. Просто упомянем старую идею Наполеона Третьего, Латинский союз, как

возможность возникновения в испанской и португальской Южной Америке ситуации, параллельной тому наложению друг на друга Доктрины Монро и европейских метрополий, как мы имеем на практике в случае Канады. Не буду распространяться и о многочисленных возможностях честного применения Декларации прав человека к Индии и Африке и особенно к тем частям мира, в которых разных оттенков черные народы начинают осознавать реальности расовой дискриминации и угнетения.

Я мимоходом предостерегу вас от любого макиавеллиевского подхода к проблеме Северной и Восточной Азии, к которому англичане могут обратиться из-за своей въевшейся русофобии. Советский коллективизм, особенно если в настоящее время он станет более либеральным и плодотворным благодаря избавлению от его нынешней одержимости Сталиным, может очень эффективно распространиться по всей Центральной Азии и Китаю. Любому, кто продолжает мыслить категориями бесконечного соперничества держав за господство во веки веков, союз с Японией, насколько возможно свирепой и милитаризованной Японией, покажется самым естественным выбором из всех возможных. Но для любого, кто осознал реальность нынешнего положения человечества и настоятельную потребность мировой коллективизации, всеобщее объединение станет тем, что стоит приветствовать, обсуждать и чему способствовать.

Старое пугало российских «замыслов насчет Индии» также может сыграть свою роль, искажая азиатскую ситуацию в глазах многих людей. Тем не менее, сто лет смеси презрения, эксплуатации и редких случаев подлинной помощи должны были научить англичан, что окончательная судьба сотен миллионов индийцев зависит теперь не от завоевателя-правителя, а полностью и исключительно от способности индийских народов сотрудничать в мировой коллективизации. Они могут многому научиться на заповедях и примерах и из России, и англоязычного мира, но времена простых решений в виде либо бунта, либо смены хозяина для облегчения участи прошли. Индия должна решить для себя, собственными нескудными мозгами, как ей выбраться из хаоса и каков ее собственный путь участия в борьбе за мировой порядок, начав со стартовой линии британского владычества.

Никакая внешняя сила не сумеет это сделать за индийские народы или заставить их сделать это, если у них к этому не будет воли.

Но я не буду и дальше блуждать среди этих постоянно меняющихся проблем и возможностей. Это, так сказать, побочные случайности и вероятности. Некоторые из них огромны, но все равно остаются второстепенными. Сейчас приблизительно каждый год каналы политики смещаются так, что карты нужно составлять заново. Действия и реакции здравомыслящего человека в любой конкретной стране и в любое конкретное время всегда будут определяться преобладающей концепцией светского движения к единому мировому порядку. Это будет основной постоянной целью всей его политической жизни.

Существует, однако, еще одна линия мировой консолидации, на которую следует обратить внимание, прежде чем мы завершим этот раздел, и это то, что мы можем назвать специализированными международными системами. Основная идея ad hoc интернационализма превосходно изложена в «Международном правительстве» Леонарда Вульфа[30], классике, опубликованной в 1916 году, которая читается все с той же большой пользой.

Типичной специальной организацией является Почтовый союз, который Дэвид Любин[31], блестящий и недооцененный мыслитель, мечтал расширить так, чтобы он контролировал судоходство и уравнял стоимость по всему миру. Он основывал свои идеи на практическом опыте работы с почтовыми заказами, которая принесла ему весьма значительное состояние. От проблемы регулирования грузоперевозок он перешел к идее подконтрольного анкетирования мирового производства, еженедельно и ежемесячно, с тем чтобы можно было предвидеть и вовремя устранить нехватку здесь или избыток там. Он осуществил эту идею в форме Международного института сельского хозяйства в Риме, который в период своего расцвета заключал договоры как независимая и суверенная сила для обеспечения доходов, почти со всеми правительствами на земле. Война 1914 года и смерть Любина в 1919 году остановили развитие этого замечательного и наиболее вдохновляющего эксперимента в области ad hoc интернационализма. Его история, несомненно, должна стать частью обязательного образования каждого государственного деятеля и публициста. И все же никогда в жизни я не встречал

профессионального политика, который бы что-то знал или хотел знать об этом. Он не боролся за голоса; его представлялось затруднительным обложить налогом… следовательно, какой от него толк?

Другая специальная организация, которая могла бы значительно расширить свои функции – Старшие Братья Тринити-Хауса, контролирующая маяки и картографирование морей по всему миру. Но книга мистера Вульфа нуждается в очень существенном пересмотре и расширении, и, даже без оглядки на военные потрясения, которые задержали, а в некоторых случаях и обратили вспять развитие специальных международных сетей, сейчас у нас не хватит сил и размаха, чтобы довести до наших дней их историю, начиная от международных деловых картелей, научно-технических организаций, пресечения торговли белыми рабами и международного сотрудничества полиции, и до медицинских служб и религиозных миссий. Точно так же, как, о чем я уже говорил, Соединенные Штаты и Великобритания могут неожиданно проснуться при полном социализме, так и мир может обнаружить, к своему великому удивлению, что он уже практически является космополисом благодаря расширению и переплетению этих специализированных служб. Во всяком случае, этот очень мощный побочный процесс идет бок о бок с более определенными политическими проектами, о которых мы говорили.

Рассматривая возможности различных способов преодоления сложных и запутанных препятствий, которые существуют между нами и новым, более обнадеживающим мировым порядком, всякий осознает как основания надеяться на эту великую возможность, так и абсурдность чрезмерной уверенности. Мы все подобны солдатам на огромном поле битвы. Мы не можем твердо знать, каков будет ее итог и даже настоящее положение. Только мы воодушевились, как происходит резкое крушение иллюзий; мы можем быть на грани отчаяния, не зная, что противник уже разбит. Мои собственные чувства варьируются между почти мистической верой в окончательное торжество человеческого разума и доброй воли и настроениями стоической решимости идти до конца перед лицом того, что выглядит как неизбежная катастрофа. Прогнозы поневоле опираются лишь на количественные факторы. Нет точных данных. Могут так вмешаться время и случай, что это невозможно оценить. Каждое из действий, за

которые я здесь агитировал, способно затормозить дрейф в сторону краха и обеспечить плацдарм для дальнейшего контрнаступления на противника.

В предшествующей книге «Судьба Homo sapiens» я попытался объяснить, что у нашего вида не больше оснований полагать, что он может избежать поражения и вымирания, чем у любого другого организма, играющего или отыгравшего роль в драме жизни. Я попытался объяснить, насколько шатко наше нынешнее положение и насколько срочно мы должны предпринять напряженные усилия по его исправлению. Еще совсем недавно казалось, что это – призыв к глухому и слепому миру, непреодолимо следующему своим привычным путем, даже если он явно ведет к катастрофе. Я задавался вопросом, отражает ли эта склонность к пессимизму мои собственные настроение или фазу жизни, и постарался сколько-то четко с этим разобраться. Но я не мог найти серьезных оснований поверить, что умственное усилие, явно необходимое для того, чтобы человек избежал надвигающейся на него участи, когда-либо будет сделано. Его консервативное сопротивление, его апатия казались неизлечимыми.

И вдруг теперь повсюду встречаются встревоженные, открытые и пытливые умы. Так что колоссальные потрясения нынешней войны оказались чрезвычайно полезны в разоблачении иллюзий безопасности, еще год назад казавшихся совершенно несокрушимыми. Я никогда не рассчитывал дожить до того, чтобы увидеть, как мир так широко откроет глаза, как сейчас. Мир еще никогда не был таким бодрствующим. Из этого может получиться или очень мало, или очень много. Мы этого не знаем. Жизнь вообще ничего бы не значила, если бы мы все знали наперед.

12. Существование мирового порядка

Не будет одного величайшего дня возникновения нового мирового порядка. Новый порядок будет приходить шаг за шагом, то здесь, то там, и даже когда он установится, он будет открывать новые перспективы, ставить неожиданные проблемы и идти дальше к новым приключениям. Ни один человек, ни одна группа людей никогда не будут исключительно признаны его отцами или основателями. Ибо его создателем будет не тот и не этот человек и не кто-то третий, а Человек, то существо, которое в той или иной мере присутствует в каждом из нас. Мировой порядок будет, как и наука, как и большинство изобретений, общественным продуктом. Неисчислимое количество личностей проживут прекрасные жизни, вкладывая что могут в коллективные достижения.

Можно провести относительную параллель вероятного развития нового мирового порядка с историей авиации. Меньше трети века назад девяносто девять человек из ста сказали бы вам, что свободно управляемые полеты невозможны. Воздушные змеи, воздушные шары и, возможно, даже управляемый воздушный шар – вот что они могли бы себе представить. Они знали о таких вещах уже сотню лет. Но машина тяжелее воздуха, летающая вопреки ветру и гравитации?! Они ЗНАЛИ, что это полная чушь. Так называемый «авиатор» представлялся типичным комическим изобретателем. Любой дурак мог смеяться над ним. А теперь посмотрите, насколько полно покорен воздух.

И кто это сделал? Никто и все. Приблизительно двадцать тысяч умов, каждый из которых вносил предложения, конструкции, усовершенствования. Они стимулировали друг друга, они отталкивались друг от друга. Они были похожи на возбужденные ганглии в большом мозгу, посылающие свои импульсы туда и сюда. Это были люди самых разных рас и цвета кожи. Если составлять список известных нам своими воздушными достижениями, в него войдет приблизительно сотня человек, а когда вы приглядитесь к роли, которую они играли, то обнаружите, что по большей части это просто поднятые на щит знаменитости типа Линдберга, которые внешне

скромно, но твердо держались в свете рампы и которые не могут претендовать на какой-либо эффективный вклад в авиастроение. Вы увидите много споров о рекордах и приоритете в том или ином конкретном случае, но линии возникновения, выращивания и развития идей будут совершенно непрослеживаемым процессом. Это длится не более трети века перед самыми нашими глазами, и никто не может точно сказать, откуда что произошло. Один человек сказал: «Почему не так?» – и попробовал, а другой сказал: «Почему не этак?» Огромным множеством людей владела одна общая идея, идея столь же древняя, как идея Дедала. Идея «Человек может летать». Внезапно, стремительно, до человека ДОШЛО – и это единственное выражение, которое тут стоит употребить – что полет достижим. И человек, человек как социальное существо, всерьез занялся этим и полетел.

Так будет и с новым мировым порядком, если он когда-нибудь будет достигнут. Все большее число людей считает – до них ДОХОДИТ, – что «Всемирный Мир возможен», Всемирный Мир, в котором люди будут и едины, и свободны, и созидательны. Совершенно неважно, что почти каждый человек пятидесяти лет и старше воспринимает эту идею с жалостливой улыбкой. Главные опасности для такого мира – догматик и претендент на «лидера», который будет пытаться подавить любое ответвление работы, не служащее укреплению его власти. Это движение должно быть и оставаться многоголовым. Допустим, мир решил бы, что Сантос-Дюмон[32] или Хайрам Максим[33] – посланный небом Повелитель Воздуха, дал бы ему право назначить преемника и подчинил бы все эксперименты его вдохновенному контролю. Вероятно, сейчас у нас был бы Повелитель Воздуха с аплодирующей свитой подхалимов, с величайшим достоинством и самодовольством следующих за короткими перелетами по всей стране какого-нибудь неуклюжего, бесполезного и чрезвычайно опасного аппарата.

И все же именно так мы по-прежнему решаем наши политические и социальные проблемы.

Помня о том существенном факте, что Мир для Человека может быть достигнут, если он вообще будет достигнут, только путем наступления на длинном неоднородном фронте, на разной скорости и с самым разным снаряжением. И выдерживая направление только благодаря общей вере в тройную потребность в коллективизме, законе

и научном исследовании, мы осознаем невозможность нарисовать такую же устоявшуюся и крепкую картину нового порядка, каким воображал себя старый порядок. Новый порядок будет в безостановочном движении постоянно происходящего, и поэтому он не поддается никакому утопическому описанию. Но тем не менее мы можем перечислить ряд возможностей, которые будут все более и более реализовываться по мере того, как прилив дезинтеграции сменится отливом, обнажая новый порядок.

Для начала мы должны осознать некоторые особенности человеческого поведения, которые слишком часто игнорируются в общеполитических спекуляциях. Мы рассмотрели очень важную роль, которую может сыграть в наших современных трудностях ясное изложение Прав человека, и набросали такую Декларацию. Я полагаю, что в этом Заявлении нет ни одного пункта, который любой человек не счел бы разумным требованием в отношении самого себя. В этом плане он с готовностью под ней подпишется. Но когда его попросят подписаться под ней не только ради того, чтобы этим жестом даровать такие же права всем остальным в мире, но и ради того, чтобы он обязался принести все жертвы, необходимые для ее практической реализации, он обнаружит нежелание «заходить так далеко». Он столкнется с серьезным сопротивлением своего подсознания, которое будет внушать все оправдания его сознательным мыслям.

Он может начать объяснять очень по-разному, но слово «преждевременно» будет занимать очень видное место. Он проявит огромные чуткость и заботу, которых вы никогда раньше от него не ожидали, к слугам, к рабочим, к чужестранцам и особенно к чужестранцам другого цвета кожи, чем он сам. Они навредят себе всей этой опасной свободой. Созрели ли они, спросит он вас, для такой свободы? «Давайте честно, они достаточно для нее зрелы?» Он слегка обидится, если ответите: «Не меньше, чем вы». Он скажет слегка насмешливым тоном: «Но как вы можете так говорить?» – а затем добавит, как бы по касательной: «Боюсь, вы идеализируете своих собратьев».

Если вы начнете давить на него, то увидите, как из его сопротивления полностью испаряется доброта. Теперь он будет озабочен общей красотой и прелестью мира. Он станет возражать, что эта новая Великая Хартия Вольностей сведет весь мир к «мертвому

единообразию». Вы спросите его, почему мир свободных людей должен быть однообразным и мертвым? И не получите адекватного ответа. Это утверждение жизненно важно для него, и он должен цепляться за него. Он привык ассоциировать «свободный» и «равный» и никогда не был достаточно умен, чтобы разделить эти два слова и хорошенько рассмотреть их по отдельности. На этой стадии он, вероятно, обратится к Библии бессильной аристократии, «Дивному новому миру» Хаксли, и будет умолять вас прочесть ее. Вы отметаете эту брюзгливую фантазию в сторону и продолжаете давить на него. Он говорит, что сама природа сделала людей неравными, а вы отвечаете, что это не повод преувеличивать. Чем неравнее и разнообразнее их дары, тем больше необходимость в Великой Хартии Вольностей, чтобы защитить их друг от друга. Тогда он заговорит о том, что жизнь окажется лишена живописного и романтического, и вам будет трудно добиться от него точного определения этих слов. Рано или поздно ему самому станет ясно, что перспектива мира, в котором «Джек[34] так же хорош, как и его хозяин», ему до крайней степени неприятна.

Если же вы продолжите пытать его вопросами и наводящими подсказками, вы начнете понимать, какую большую роль играет в психологии ПОТРЕБНОСТЬ В ТОРЖЕСТВЕ НАД СВОИМИ СОБРАТЬЯМИ (и, кстати, вы заметите и ваше собственное тайное удовольствие такого же рода, побивая его своей аргументацией). Вам станет ясно, если вы сопоставите исследуемый образец с поведением детей, себя и окружающих вас людей, сколь важно для них чувство триумфа, того, что они лучше своих собратьев и делают все лучше, чем они, и чтобы все вокруг ощущали и признавали это. Это более глубокий и устойчивый позыв, чем сексуальное вожделение; это голод. Это ключ к тому, почему сексуальная жизнь так часто лишена любви. Вот откуда берутся садистские порывы, алчность, накопительство и бесконечные бескорыстные обманы и предательства, дающие людям ощущение того, что они берут верх над кем-то, даже если на самом деле это не так.

Вот почему как последнее средство мы должны иметь закон, и именно поэтому Великая Хартия Вольностей и все родственные ей документы стремятся победить человеческую природу, защищая всеобщее счастье. Закон есть, по существу, приспособление этого стремления к торжеству над другими живыми существами, к

потребностям общественной жизни, и он более необходим в коллективистском обществе, чем в каком-либо другом. Это сделка, это общественный договор – поступать так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой, и подавлять наш экстравагантный эгоизм в обмен на взаимные уступки. И перед лицом этих соображений, которые мы выдвинули относительно истинной природы зверя, с которым нам приходится иметь дело, ясно, что политика здравомыслящего человека, по нашему разумению, должна предвосхищать энергичное противодействие этому главному жизненно важному инструменту создания нового мирового порядка.

Я предположил, что нынешнее обсуждение «Целей войны» может быть очень эффективно преобразовано в пропаганду этой новой Декларации прав человека. Противодействие ей и попытки, которые будут предприниматься, чтобы отсрочить, смягчить, задушить и избежать ее, должны постоянно отслеживаться, осуждаться и поднимать на борьбу во всем мире. Я не знаю, насколько Декларация, которую я набросал, может быть принята добрым католиком, но тоталитарная псевдофилософия почитает славным долгом отношение к «неарийцам» как к не равным. Я полагаю, от приказов из Москвы будет зависеть, как коммунисты отреагируют на ее положения. Но от тех, кого называют «демократиями», должно бы ожидать иного, и теперь можно было бы сделать эту Декларацию испытанием честности и духа их лидеров и правителей, которым они доверяют. Эти правители могут быть проверены на отношении к ней с точностью, недостижимой никаким другим способом.

Но типами и характерами, авторитетами и чиновниками, а также высокомерными и агрессивными личностями, которые испугаются этой Декларации, заспорят с ней и будут ей противостоять, не исчерпывается сопротивление нашей неисправимой природы ее реализации для установления элементарной справедливости в мире. Потому что среди «демократий» найдется гораздо больше людей, которые будут

соглашаться с ней на словах, а затем начнут незаметно саботировать ее и плутовать, движимые чувством собственного превосходства. Хоть чуть-чуть, но плутовать. Я склонен думать, что это лицемерие – всеобщая слабость. Я действительно стремлюсь послужить миру, но у меня такое острое желание получать больше

денег за свою работу, больше признания и так далее, чем я заслуживаю. Я сам себе не доверяю. Я хочу жить по справедливым законам. Мы хотим закона, потому что все мы потенциальные нарушители закона.

Очень длинное вышло отступление в психологию, поэтому я лишь коснусь того, какую большую роль играло это стремление к превосходству и господству в сексуальных практиках человечества. В этой области взаимные хвастовство и заверения становятся подручными средствами для значительного ослабления этого эгоистического позыва. Но главный мотив этого отступления в том, чтобы подчеркнуть тот факт, что обобщение наших «Военных Целей» в Декларации прав, хотя и чрезвычайно упростит вопрос о войне, не устранит ни открытой и искренней оппозиции, ни бесконечных вероятностей предательства и саботажа.

Это не отменяет и того факта, что даже тогда, когда в нашей борьбе мы на первый взгляд решительно продвинемся к всемирной социал-демократии, нас еще могут ждать очень большие остановки и разочарования, прежде чем она станет эффективной и благотворной мировой системой. Бесчисленное множество людей, от магараджей до миллионеров и от пуккха-сахибов[35] до хорошеньких дам, возненавидят новый мировой порядок, почувствуют себя несчастными, лишившись из-за него своих страстей и амбиций, и готовы будут умереть, протестуя против него. Когда мы пытаемся оценить его перспективы, мы должны держать в уме терзания целого поколения недовольных, среди которых будет немало воспитанных и приятно выглядящих людей.

И будет нелегко свести к минимуму потери эффективности при процессе передачи всей славы и гордости административной работы от имеющих вклады, высокооплачиваемых людей с напоказ большими расходами и социально амбициозными женами относительно менее щедро оплачиваемым людям с более высоким уровнем самокритики, сознающим, что их будут уважать скорее за исполнение работы, чем за то, сколько они получают от нее. В период передачи будет много социальных неурядиц, трагикомедий и потерь эффективности, и к этому лучше быть готовым.

Тем не менее, сделав скидку на эти преходящие потрясения, мы можем все с той же достаточной уверенностью ожидать определенных

этапов наступления Мирового порядка. Война и страх войны приводят повсюду к концентрации огромного числа рабочих на военных работах и строительстве наступательных и оборонительных сооружений всех видов, на судостроении, строительстве внутренних коммуникаций, передвижных сооружений, укреплений. Будет происходить большое накопление и контроль как материалов и производственных мощностей, так и рук, поднаторевших в обращении с ними. По мере того, как станет таять возможность окончательной победы и военная неразбериха станет перерастать из своего исключительно воинственного этапа в революцию, и будет созван своего рода Мирный конгресс, для правительств сделается не только желательным, но и необходимым направить эти ресурсы и рабочие руки на социальное восстановление. Будет очевидно опасным и бездарным лишать их работы. Уж к настоящему времени правительства должны были усвоить, что такое безработица как исток общественного разлада. Правительства должны будут представить миру план строительства мирной жизни, хотят они того или нет.

Но их спросят: «Где вы возьмете кредиты, чтобы сделать это?» Как ответ на этот вопрос, мы должны еще раз напомнить, что деньги – это средство, а не цель. У мира будет достаточно материальных и рабочих ресурсов, необходимых для повсеместного восстановления его жизни. И все они просто взывают о том, чтобы их использовали. Функция современной денежно-кредитной системы состоит или, во всяком случае, состояла в том, чтобы свести рабочих с материалом и стимулировать их объединение. Эта система всегда оправдывала свое существование тем, что без нее здесь не обойтись, и если она существует не для этой цели, то для чего она тогда существует и какая в ней тогда надобность? Если теперь финансовый механизм не сработает, если он ответит нам non possumus[36], то он в открытую отречется от своих обязательств.

И тогда его нужно устранить с дороги. Он заявит, что планета прекратила вращаться, а истина будет заключаться в том, что прекратило вращаться Сити. Обанкротились конторы. Вот уже долгое время все большее число людей хочет знать, что такое всемирная контора, наконец-то добравшись до таких фундаментальных вопросов, как «Что такое деньги?» и «ЗАЧЕМ НУЖНЫ банки?». Немножко

расхолаживает, но и ободряет то, что никаких внятных ответов мы так и не получаем.

Казалось бы, что уже давным-давно кто-нибудь из многих великих банкиров и финансовых экспертов нашего мира мог бы выступить с ясным и простым обоснованием современной денежной практики. Он бы продемонстрировал, насколько разумна и надежна наша кредитно-денежная система. Он бы объяснил, в чем ее временные трудности и как снова заставить ее работать, наподобие электрика, ремонтирующего свет. Он избавил бы нас от растущего беспокойства за наши деньги в банке, за наш маленький беличий запас ценных бумаг, за сдувающийся спасательный пояс того недвижимого имущества, которое должно было бы обеспечить нашу независимость в конце жизни. Но никто слова не берет. Можно вспомнить лишь недавнего Бэджгота[37]. До все большего и большего числа людей доходит, что это вовсе не система и никогда ею не было, что это скопление условностей, обычаев, случайных достижений и ответных потерь, которое сейчас все больше и больше скрипит и раскачивается и проявляет все признаки полного и ужасающего социального краха.

Большинство из нас до последнего момента верило, что где-то среди банков и городских контор в некоем подобии всемирной бухгалтерии существуют бухгалтерские книги, слишком, возможно, многочисленные и запутанные, но в конечном счете правильные. Только теперь до уютно себя чувствовавших порядочных людей доходит, что в конторе царит отчаянная неразбериха, что коды, похоже, утеряны, поступления внесены неправильно, дополнения заблудились вне колонок, записи сделаны исчезающими чернилами.

Вот уже много лет мы имеем большую и ширящуюся литературу о деньгах. Она очень разнообразна, но имеет одну общую характеристику. Сначала следует стремительное разоблачение существующей системы как неправильной. Затем идет бойкая демонстрация новой системы, которая является правильной. Пусть будет сделано то или это, «пусть нация владеет своими собственными деньгами», и все будет хорошо. Эти разнообразные учения и доктрины выпускают периодические издания, организуют шествия (рубашка определенного цвета прилагается), собрания, демонстрации. Они полностью игнорируют друг друга и во всем друг другу противоречат.

И у всех этих без исключения денежных реформаторов проявляются симптомы крайнего умственного истощения.

При этом их умы постоянно грызет тайное сомнение, не подведет ли их, неким тонким и коварным образом, их собственный правильный «план», панацея, если испытать его на практике. Внутренняя борьба с этой невыносимой тенью проявляется в их поведении. Их письма и памфлеты, за редким исключением, донельзя схожи с письмами, которые получаешь от сумасшедших, включая использование заглавных букв и ругательств. Они поднимают крик при малейшей провокации или просто без повода. Они кричат не столько на доводящего их до белого каления читателя, упрямо не желающего принимать их такие ясные доводы, сколько на скептический шепот внутри них самих.

Потому что идеальной денежной системы как таковой не существует и быть не может. Это такая же пустая мечта, как эликсир жизни или вечный двигатель. Это вещь того же порядка.

Мы уже привлекали ваше внимание, разбирая предложения г-на Стрейта о «Союзе Сейчас», к тому факту, что природа денег и их действие различаются в зависимости от теории собственности и распределения, на которых основано общество, и что, например, при полном коллективизме деньги становятся не более чем чеком, вручаемым рабочему для того, чтобы он мог приобрести все, что ему заблагорассудится, из ресурсов общества. Всякое отчуждение производства или предприятия от общественного контроля (национального или космополитического) увеличивает возможные функции денег и тем самым превращает их в нечто иное. Таким образом, существует бесконечное количество видов денег, столько же типов денег, сколько типов и разновидностей социального устройства. Деньги в Советской России – это другой орган, чем деньги в нацистской Германии. И те и другие отличаются от французских или американских денег. Разница может быть столь же велика, как разница между легкими и плавательными пузырями и жабрами. Это не просто, как кажется многим людям, количественная разница, которая может быть скорректирована путем управления обменным курсом или любыми другими приемами. Она заходит глубже. Это разница в качестве и виде. Сама мысль об этом заставляет наших дельцов и финансистов чувствовать себя неуютно, растерянно и под угрозой, и

они то и дело перемещают свои золотые слитки из одного хранилища в другое, надеясь почти без надежды, что никто больше об этом не заговорит. Какое-то время очень хорошо работала схема того, как будто деньги во всем мире одни и те же. И они отказываются признавать, что это допущение больше не работает.

Умные люди извлекали определенную выгоду из более или менее определенного понимания изменчивой природы денег, но так как нельзя быть финансистом или коммерческим директором, не имея подспудной веры в свое право извлекать выгоду благодаря своему превосходящему уму, у них не было никаких причин говорить об этом в открытую. Они получили свою прибыль, и сохранилась видимость однообразия.

Как только мы поймем не слишком туманную истину, что могут существовать и существуют различные виды денег, зависящие от экономических обычаев или действующей системы, которые на самом деле не взаимозаменяемы, тогда станет ясно, что коллективистский мировой порядок, основным законом которого является набросанная нами Декларация прав, должен будет осуществлять по крайней мере свои основные и первостепенные операции новыми мировыми деньгами. Специально изобретенными деньгами, отличающимися по своей природе от любых денежных условностей, которые до сих пор служили человеческим потребностям. Они будут выдаваться в размере общей продаваемой продукции общества в обмен на то, что рабочие принесут обществу своим трудом. Останется не больше причин обращаться в Сити за ссудой, чем идти за советом к Дельфийскому оракулу.

На этапе социальных потрясений и неотложной социализации, в которую мы, безусловно, переходим, такие новые деньги могут начать появляться довольно скоро. Правительства, найдя невозможным прибегнуть к запутанным приемам финансовой счетной палаты, могут пойти к восстановлению сил коротким путем, реквизировав все национальные ресурсы, какие смогут, и предоставив безработным работу, оплачиваемую этими новыми чеками. Они могут осуществлять международные бартерные соглашения во все возрастающем масштабе. Тот факт, что банковские конторы пребывают в безнадежном беспорядке из-за своих отчаянных попыток игнорировать

изменчивую природу денег, будет становиться все более очевидным по мере того, как они будут терять свою значимость.

Фондовая биржа и Банковский кредит, а также навыки заимствования, ростовщичества и игры на опережение, несомненно, все до одного исчезнут, когда установится Мировой порядок, если он вообще установится. Они будут выброшены, как яичная скорлупа или оболочка плода. Нет никаких оснований осуждать тех, кто изобрел и использовал эти методы и институты, как подлецов и негодяев. Они поступали честно, в соответствии со своими представлениями. Они были необходимой частью процесса выхода Homo sapiens из пещеры и спуска с дерева. И золото, этот прекрасный тяжелый металл, будет извлечено из своих хранилищ и тайников для вручения ремесленникам и технарям – вероятно, по цене значительно ниже нынешних котировок.

Отсюда, наша попытка предсказать грядущий мировой порядок становится обрамленной грандиозным и ширящимся зрелищем созидательной деятельности. Мы предвидим быстрое преображение лица земли по мере того, как ее население будет распределяться и перераспределяться в соответствии с меняющимися требованиями экономического производства.

Дело не только в том, что почти в каждом регионе земли существует так называемая нехватка жилья, но и в том, что, по современным стандартам, большая часть существующего жилья непригодна для проживания человека. В мире едва ли найдется город, как в Новом, так и в Старом Свете, который не нуждался бы в сносе половины своих жилищ. Возможно, Стокгольм, восстановленный при социалистическом режиме, сможет претендовать на то, чтобы быть исключением; Вена строилась с верой и надеждой, пока ее дух не был сломлен Дольфусом[38] и католической реакцией. Что касается остального мира, то за исключением нескольких сотен главных авеню и проспектов, морских и речных фасадов, капитолиев, замков и тому подобного, мы видим грязные трущобы и ночлежки, калечащие детство, унижающие и лишающие последних жизненных сил отупевших стариков. Даже нельзя сказать, что люди рождены в такой среде; они и рождены лишь наполовину.

При помощи прессы и кинематографа было бы легко пробудить всемирный интерес и энтузиазм общественности к созданию

доступных каждому новых типов жилья и оборудования. Здесь был бы выход городскому и провинциальному патриотизму, чувств стыда и гордости и приложения усилий. Здесь нашлось бы, что обсудить. Везде, где мужчины и женщины были достаточно богаты, достаточно могущественны и достаточно свободны, их мысли обращались к архитектуре и садоводству. Здесь открылся бы новый стимул для путешествий: посмотреть, что делают другие города и сельские районы. Простой человек в свой отпуск мог бы предпринять то же, что и английский милорд семнадцатого века: совершить большое турне и возвратиться из своих путешествий с архитектурными чертежами и идеями для применения в родных местах. Эти строительство и перестройки были бы непрерывным процессом, обеспечивающим устойчивую занятость, идущим от хорошего к лучшему, по мере того как с новыми открытиями экономические силы перемещались бы и менялись, а кругозор людей расширялся.

Вряд ли в мире растущих потребностей и стандартов многие люди захотят жить в видавших виды домах, точно так же, как не захотят носить старую одежду. За исключением немногих сельских уголков, где древние здания счастливо сочетались с красотой природы и стали смотреться как будто на своем месте, или какого-нибудь великого города, являющего миру смелый фасад, я сомневаюсь, что отыщется многое, достойное сохранения. В больших открытых странах, вроде США, в последние годы наблюдается значительный рост интереса к мобильным домам. Люди прицепляют дом-трейлер к своему автомобилю и открывают кочевой сезон. Но нет нужды и дальше распространяться о безграничном богатстве возможностей. Тысячи тех, кто помогал в чудовищно неотлаженных эвакуациях и перемещениях населения последнего времени, не могли хотя бы очень смутно не ощущать, насколько лучше все могло бы быть сделано, если бы осуществлялось в новом духе и с другой обдуманностью. Наверняка множество молодых, совсем юных людей вполне созрело для того, чтобы подхватить эту идею очищения и переселения мира. Молодые люди, которые сейчас корпят над военными картами и планируют наступления и стратегические линии, новые линии Мажино, новые Гибралтары и Дарданеллы, могли бы к настоящему времени уже планировать счастливое и здравое выстраивание

маршрутов и жилых районов для того или иного важного региона снабжения мира нефтью, пшеницей или водной энергией.

По существу, это был бы тот же самый тип умственной деятельности, только лучше используемый.

Соображения такого рода достаточны, чтобы дать обоснованные надежды на успех деятельности ради нашего будущего мирового порядка. Но не все мы архитекторы и садовники; у каждого человека свой ум, и многие из тех, кто сейчас тренирует для себя или обучает других отработке общих действий на войне и укреплению боевого духа, могут быть намного более склонны к чисто воспитательной работе. Через нее они смогут проще всего удовлетворить жажду власти и почетного служения. Их встретит мир, остро нуждающийся в большем количестве учителей, и при том свежо мыслящих и вдохновенных учителей. На всех уровнях воспитательной работы, от детского сада до научно-исследовательской лаборатории, и во всех частях света, от мыса Горн до Аляски и от Золотого берега до Японии, возникнет потребность в активных работниках, чтобы взращивать умы в гармонии с новым порядком и разрешать, пользуясь всеми доступными средствами облегчения труда и множительных техник – кино, радио, дешевыми книгами и картинами и всем остальным – бесконечные новые проблемы человеческих взаимоотношений, которые возникнут. Это – второе направление работы, на котором миллионы молодых людей смогут избежать застоя и разочарования, которые настигнут их предшественников, когда старый порядок придет к концу.

Для полицейской работы миру потребуется крепкая и напористая разновидность новой молодежи, более тяготеющей к властным структурам, чем к преподавательской или творческой деятельности, как их товарищи. Старая присказка, все так же верная для нового порядка, гласит, что для создания мира нужны все породы, и использование этого типа темперамента, завоевание его доверия и доверие к нему, вручение ему стоящего за ним закона, чтобы они этот закон и уважали и применяли, станет альтернативой тому, чтобы загонять его в заговорщическое подполье, сражаться с ним, и, если получится, полностью его подавить. Такой тип нуждается в преданности чему-то, и эта преданность найдет лучшее применение и удовлетворение в служении мировому порядку. Я заметил во время

моих воздушных путешествий, что летчики всех наций очень схожи друг с другом и что вирус патриотизма в их крови в значительной степени обезвреживается более весомым профессионализмом. В настоящее время молодого летчика ждет в основном перспектива погибнуть в красочной собачьей драке, прежде чем ему исполнится двадцать пять. Интересно, многие ли из них действительно рады такой перспективе?

Вполне разумно ожидать создания с нуля особой полиции разоружения, которая прежде всего будет иметь мощные воздушные силы. Насколько легко дух воздушной полиции может быть интернационализирован, показывает пример воздушного патрулирования на границе США и Канады, на который обратил мое внимание президент Рузвельт. Через эту границу перетекает много контрабанды, и самолеты теперь играют важную роль в борьбе с ней. Сначала у Соединенных Штатов и Канады были свои самолеты. Затем на приливе здравого смысла эти две службы были объединены. Каждый самолет теперь несет сотрудников таможни и Соединенных Штатов, и Канады. Когда засекают контрабандистов, самолет садится, и от того, куда движется контрабандный товар, зависит, кто из офицеров вступает в действие. Здесь перед нами образец для мира, движущегося через федерацию к коллективному единству. Специальная полиция по разоружению, основная сила которой будет находиться в воздухе, неизбежно будет тесно сотрудничать с различными другими видами мировой полиции. В мире, где преступники могут летать куда угодно, полиция тоже должна иметь возможность летать куда угодно. У нас уже есть всемирная сеть компетентных людей, борющихся с торговлей белыми рабами, наркотиками и так далее. Дело уже пошло.

Все это я пишу, чтобы расшевелить воображение тех, кто видит грядущий порядок как банальный опросный лист. Люди твердят много глупостей об исчезновении стимула при социализме. Истина прямо противоположна. Именно обструктивное присвоение природных ресурсов частной собственностью лишает преуспевающих стимулов, а бедных – надежды. Наша Декларация прав человека гарантирует человеку надлежащее удовлетворение всех его элементарных потребностей В НАТУРАЛЬНОЙ ФОРМЕ, и ничего более. Если он хочет большего, ему придется работать, и чем он здоровее, чем лучше

его кормят и содержат, тем скучнее ему будет от безделья и тем больше он будет хотеть что-то делать. Я набрасываю его самое вероятное поведение в общих чертах, потому то это все, что можно сказать сейчас. Мы можем говорить о широких принципах, на которых будут решаться эти вопросы в консолидированном мировом социализме, но мы едва ли осмелимся предвидеть детальные формы, огромное богатство и разнообразие выражения, которые все большее число умных людей будет придавать этим первичным идеям.

Но есть еще одно структурное предположение, которое, возможно, необходимо внести в нашу картину. Насколько мне известно, впервые этот вопрос был поднят очень смелым и тонким мыслителем, профессором Уильямом Джеймсом[39], в небольшой книге, озаглавленной «Моральный эквивалент войны». Он указывал на необходимость концепции долга, наряду с идеей прав, чтобы в жизни каждого гражданина, как мужчины, так и женщины, обязательно было нечто такое, что пробуждало бы одновременно и чувство личной обязанности Мировому государству, и чувство хозяина Мирового государства. Он связывал это с тем, что в любом социальном порядке, который мы можем себе представить, останется множество необходимых услуг, которые никаким способом не сделаешь привлекательными, подобным обычным пожизненным профессии. Он имел в виду не столько быстро исчезающую проблему однообразного труда, сколько такие неприятные работы, как тюремный надзиратель, служитель приюта, уход за престарелыми и немощными, вообще уход за больными, здравоохранение и санитарную службу, некую остаточную канцелярскую рутину, опасные исследования и эксперименты. Несомненно, в человечестве достаточно доброты, чтобы на многое из этого нашлись добровольцы, но имеют ли остальные право извлекать выгоду из их самоотверженности? Его решение – всеобщая воинская повинность на определенный срок. Молодым придется столько служить и столько рисковать ради общего блага, сколько потребуется мировому содружеству. Они смогут выполнять эти работы со свежестью и энергией тех, кто знает, что они скоро будут от них освобождены, и считает делом чести их тщательное исполнение. Они не будут подвержены мертвящему искушению самозащитной реакции в виде расхлябанности и механической

бесчувственности, которые одолевают всех, кого на всю жизнь привязывает к этим профессиям экономическая необходимость.

Вполне возможно, что определенный процент этих новобранцев заинтересуется тем, что они делают. Санитар в приюте может решить стать дипломированным психотерапевтом; больничной медсестрой овладеет то любопытство, с которого начинаются великие физиологи; работающий в Арктике может влюбиться в свою снежную пустыню.

Здесь следует отметить еще одну огромную вероятность коллективистского миропорядка – колоссальное увеличение темпов и объема исследований и открытий. Я пишу «исследования», но под этим я подразумеваю ту двойную атаку на невежество, через биологию и через физику, которая обычно известна как «Наука». «Наука» пришла к нам из тех академических Темных Веков, когда люди утешались в своем невежестве тем, что знания во всем мире вообще весьма ограничены, а людишки в шапочках и мантиях расхаживали с важным видом… Бакалавры, которые знали относительно много; магистры, которые знали очень много; и доктора в малиновых мантиях, которые знали все, что можно было знать.

Теперь очевидно, что все мы не так уж много знаем, и чем больше мы исследуем то, что, как нам кажется, мы знаем, тем больше незамеченного прежде будет развеивать наши предубеждения.

До сих пор это дело исследований, которое мы называем «научным миром», находилось в руках очень немногих работников. Я твердо заявляю, что в нашем современном мире, при всех умах, вносивших великий и мастерский вклад в «научную» мысль и достижения, умах уровня лорда Резерфорда, или Дарвина, или Менделя, или Фрейда, или Леонардо, или Галилея, лишь один даже не из тысячи и не из двадцати тысяч рождается в необходимых условиях реализации своих возможностей. Остальные не изучают цивилизованный язык, никогда не приближаются к библиотеке, не имеют ни малейшего шанса на самореализацию, никогда не слышат зова. Они голодают, они умирают молодыми, их неправильно используют. И из миллионов людей, которые могли бы стать хорошими, полезными и энергичными дополнительными научными работниками и исследователями, не используется ни один.

А теперь представьте, как обстояли бы дела, если бы у нас было вдохновляющее образование, овевающее свежестью весь мир, и если

бы у нас был систематический, постоянный и все более компетентный поиск исключительных умов… и постоянная, все более обширная сеть возможностей для этого. Предположительно, оживление общественного сознания подразумевает атмосферу возрастающего уважения к интеллектуальным достижениям и более острую критику самозванства. То, что мы сегодня называем научным прогрессом, покажется слабым, нерешительным, неуверенным прогрессом по сравнению с тем, что произойдет в этих более счастливых условиях.

Прогресс исследований и открытий за последние полтора столетия дал такие блестящие и поразительные результаты, что мало кто сознает, сколь мало было вовлеченных в него выдающихся людей. и то, что незначительные фигуры за этими лидерами вырождались в робких и плохо подготовленных специалистов, едва осмеливавшихся противостоять государственному чиновнику в своей собственной области. Я думаю, если пересчитать от и до, вплоть до последнего мойщика пробирок, эту маленькая армия, этот современный «научный мир», то вряд ли наберется и пара сотен тысяч человек, а при новом мировом порядке он, несомненно, будет представлен миллионами, лучше оснащенными, хорошо скоординированными, свободными задавать вопросы, способными требовать свой шанс. Его лучшие представители будут не лучше наших лучших, лучше быть нельзя, но их будет гораздо больше, и рядовые, исследователи, старатели, работники экспериментальных групп, целая рать энциклопедистов – классификаторов, координаторов и переводчиков, – будут обладать такими энергией, гордостью и уверенностью, что сегодняшние лаборатории покажутся недалеко ушедшими от логова алхимика.

Можно ли сомневаться в том, что «научный мир» разовьется таким образом, когда совершится революция, и что развитие власти человека над природой, над своей собственной природой и над нашей еще неисследованной планетой будет с годами постоянно ускоряться? Никто не может предугадать заранее, какие тогда двери откроются и в какие страны чудес.

Таковы мои фрагментарные наброски о качестве той более широкой жизни, которую новый мировой порядок может открыть человечеству. Я не буду заходить дальше, потому что не хотел бы услышать, что эта книга утопична, или «нафантазирована», или что-то в этом роде. Я не изложил ничего, что не было бы строго разумным и

практически осуществимым. Это самая трезвая из книг и наименее оригинальная из книг. Я думаю, что сказал в ней достаточно, чтобы показать, что мировые дела не могут оставаться на нынешнем уровне. Либо человечество падет, либо наш вид попытается подняться по трудным, но достаточно очевидным путям, которые я изложил в этой книге, чтобы достичь нового уровня социальной организации. Не может быть ни малейшего сомнения в том изобилии, волнении и энергии жизни, которые ждут наших детей на этой возвышенности. Если она будет достигнута. Нет никакого сомнения в их деградации и катастрофе, если этого не произойдет.

В этой книге нет ничего действительно нового. Но есть чрезмерная отвага в объединении фактов, которые многие люди избегали объединять, опасаясь, что они могут образовать взрывоопасную смесь. Может быть, так и будет. Они могут прорваться сквозь упорные умственные барьеры. Несмотря на эту взрывоопасную возможность, на эту взрывоопасную необходимость, моя книга представляет по сути собрание, переваривание и поощрение ныне преобладающих, но все еще шатких идей. Это утверждение без обиняков о необходимости революции, на которую разум указывает все большему числу умов, но которую они все еще не решаются предпринять. В «Судьбе Homo sapiens» я подчеркивал неотложность этого. Здесь я собрал все, что им можно и нужно сделать. И лучше им собраться с духом.

(1940)

Предисловие к работе Герберта Уэллса «Разум на конце натянутой узды»

Валентин Катасонов

«Разум на конце натянутой узды» (Mind at the End of its Tether)[40] – последняя работа известного английского писателя Герберта Уэллса. Хотя Уэллс называет ее «небольшой книгой», она скорее тянет на формат большой статьи. Нередко ее называют «эссе». Была написана в 1945 году, менее чем за год до смерти (умер в возрасте 79 лет 13 августа 1946 года). Биографы и исследователи творчества писателя говорят, что упомянутую работу писатель рассматривал как дополнение к его фундаментальным трудам *«Краткая история мира»* (1925) и *«Наука жизни»* (1931).

Предлагаемая читателю работа неизвестна нашему читателю, поскольку никогда не переводилась на русский язык и у нас не издавалась. Но следует отметить, что и за рубежом, даже в англоязычных странах, даже на родине писателя в Англии «Разум на конце натянутой узды» известен достаточно узкому кругу читателей. Работа весьма специфическая.

Она не имеет ничего общего с научно-технической фантастикой – жанром, в котором Уэллс трудился и проявил себя как талантливый писатель до Первой мировой войны. Не отнесешь эту работу и к жанру социологии, политики и проектирования будущего, чем Уэллс занимался с конца Первой до времен Второй мировой войны (такие работы, как *«Открытый заговор», «Мировой мозг», «Новый мировой порядок»* и др.). Это было время, когда писатель, осознав все несовершенство общества и мирового порядка, предлагал проекты спасения человечества и построения счастливого мира.

Вторая мировая война оказала шоковое воздействие на писателя. Он уже стал сомневаться в возможности исправить мир, сделать его более справедливым и менее жестоким. В работах последнего периода превалируют ноты сомнения в возможности успешной реализации разработанных ранее проектов усовершенствования мира. Затем эти сомнения перерастают в пессимизм и даже отчаяние. Это такие

работы, как: *«Что ожидает Homo Sapiens?»* (1942 г.), *«Наука и мировой разум»* (1942 г.), *«От 42-го по 44-й: современные мемуары»* (1944 г.), *«Разум на конце натянутой узды»* (1945 г.). Своего апогея пессимизм и отчаяние достигли в последней из названных работ. Вероятно, мрачная тональность произведения объясняется еще тем, что писатель уже находился в тяжелом физическом состоянии и предчувствовал надвигающуюся смерть.

Некоторые биографы называют «Разум на конце натянутой узды» «исповедью» писателя. Хотя вряд ли можно в буквальном смысле говорить об исповеди, поскольку Уэллс был атеистом. И в последней своей работе он остается на атеистических позициях (правда, некоторые его высказывания можно отнести к разряду агностицизма[41]). Скорее работу можно назвать «приговором».

Во-первых, приговором человечеству. Потому, что писатель не оставлял ему почти никаких шансов на выживание. И уж тем более на переход в какое-то более совершенное состояние. Вот страшные вердикты писателя:

«Конец всего, что мы называем жизнью, близок, и его нельзя избежать».

«Автор убежден, что выхода нет ни в обход, ни напрямую. Это конец».

«Ряд событий заставляет разумного наблюдателя осознать, что человеческая история уже подошла к концу и что Homo sapiens, как ему понравилось называть себя, в своем нынешнем виде отыгран».

Во-вторых, приговором самому себе. Потому, что писатель разочаровался в своих убеждениях, которые он формировал всю предшествующую жизнь, – в рационализме и способности разума управлять миром. Он, как пишут биографы писателя, в конце жизни несколько сожалел, что встал на путь чрезмерного интеллектуализма. Мол, прав был *премудрый Соломон,* сказавший: *«От многой мудрости много скорби, и умножающий знание умножает печаль»* (Еккл. 1:18). *Энтони Уэст* (внебрачный сын Г. Уэллса), комментируя «Разум на конце натянутой узды», утверждал, что его отец «осознал, что был не прав, отказавшись от артистизма, искусства, художественности ради социологии», и потому впал в отчаяние.

Самое удивительное: разочаровавшись в рационализме и материализме, писатель не сумел прийти к признанию бытия Бога и

пониманию Его роли в жизни каждого человека, общества и мировой Истории. Уэллс моментами пытается выйти за пределы материального бытия и найти некую первопричину всего сущего. Этому таинственному началу он подыскивает подходящее название: «Сила», «Космический процесс», «Запредельное», «Неизвестное», «Непознаваемое». В конце концов останавливается на слове «Антагонист». Почему «Антагонист»? – Потому что вся вселенная, по ощущению Уэллса, настроена против человека, готовит его исчезновение (или как вариант: трансформацию его в нечто, что уже нельзя назвать «человеком»).

А за всей вселенной стоит неведомая сила, враждебная человеку. На этом «метафизика» Уэллса заканчивается, и он опять возвращается к привычным его размышлениям о процессах в мире материи.

Еще одна попытка Уэллса выйти за пределы материального мира – это когда он сравнивает земную жизнь человечества с большим экраном, на котором мелькают тени и изображения какого-то иного, высшего мира. Читаем: *«Чем напряженнее анализ, тем неизбежнее ощущение умственного поражения. Перед нами простыня киноэкрана. Она – настоящая ткань Бытия».* Это уже немного напоминает идеализм *Платона.* Более конкретно: миф о пещере – из седьмой книги диалогов «Государства» древнегреческого философа (там описываются силуэты на стене пещеры, за которыми наблюдают обитатели пещеры; а за их спинами находится источник света и первообразы). Но, увы, на этом размышления Уэллса в духе платоновского идеализма обрываются.

Образно выражаясь, Уэллс завис между небом и землей. Состояние, скажем прямо, трагическое. Особенно накануне смерти, ухода в вечность. По работе Уэллса видно, что писатель не может обрести покой, мечется, пытается за отведенные ему месяцы постичь что-то самое главное, чего он почему-то не постиг за предыдущие десятилетия. Святые в христианской церкви говорили, что размышления о смерти в течение жизни – залог истинной мудрости человека[42]. У английского писателя ни в юности, на даже в зрелые годы времени на размышления о смерти не оставалось. Он думал о человечестве, он был уверен в своей способности сделать человечество счастливым и без остатка посвящал себя «проектированию будущего». В предисловии к данной работе Уэллс

честно признается: *«Смерть всегда волновала автора лишь в той степени, чтобы успеть привести все его счета и завещательные документы в должное состояние».*

Чем-то мне последние месяцы английского писателя напоминают конец жизни русского писателя *Льва Толстого.* Он также годами думал о всем человечестве, на размышления о смерти времени не оставалось. Из жизни уходил в метаниях и бесконечных сомнениях.

В последней работе проявляется непоследовательность писателя. С одной стороны, он демонстрирует разочарование в рационализме и материализме. С другой стороны, мы видим неожиданное возвращение к тем рационально-материалистическим идеям, которые он воспринял еще в начале своего жизненного пути. Его наставником и учителем был знаменитый *Томас Хаксли* (1825–1895) – английский зоолог, член и президент Лондонского королевского общества, популяризатор науки и защитник эволюционной теории *Чарльза Дарвина.* Хаксли был более ярым дарвинистом, чем сам Чарльз Дарвин, поэтому английского зоолога называли «Бульдогом Дарвина». Герберт Уэллс, обучаясь премудростям биологической науки у Хаксли, стал правоверным дарвинистом. Его дарвинизм не очень бросался в глаза, когда Уэллс был в расцвете своих творческих сил, но вот в работе «Разум на конце натянутой узды» он очень подробно раскрывает такие аспекты дарвинизма, как теория эволюции, борьба видов, естественный отбор, стадии превращения обезьяны в Homo sapiens. Читаем:

«Приспособиться или погибнуть всегда являлось непреложным законом жизни…»

«Группы или совокупности отдельных особей возрастают не только в числе, но и в размерах. Идет междоусобная борьба за существование. Более крупные совокупности или отдельные особи устраняют меньших и потребляют все больше и больше. Запасы их пищи истощаются, и возникают новые формы, способные потреблять материал, который более примитивные не были приспособлены усваивать.»

«Для Человека нет другого выхода, кроме как двигаться круто вверх или круто вниз. Приспособиться или погибнуть – вот, как всегда, неумолимый императив природы».

И еще много других пассажей в том же духе дарвинизма. Несколько пугает фанатичная уверенность Уэллса в правоте

дарвинизма: *«В огромном количестве накопленных фактов ни разу не попадается ни одного, который бросил бы тень сомнения на то, что до сих пор называют «теорией» органической эволюции. Несмотря на яростные отрицания набожных людей, ни один рациональный ум не может подвергнуть сомнению неопровержимую природу эволюции».* Следует признать, что такой уверенности не было даже у самого Чарльза Дарвина[43].

Нет, все-таки нам Уэллс гораздо более интересен как писатель-фантаст и даже как «проектировщик будущего», чем как пересказчик сомнительных догматов дарвинизма.

Если бы Уэллс попытался начать свою творческую жизнь с написания подобного трактата, думаю, что вряд ли он смог бы найти достаточное количество почитателей как среди любителей литературы, так и среди любителей науки. Увы, работа отражает творческий закат знаменитого Уэллса. Но данное эссе не может не представлять интереса для тех, кто хочет понять метаморфозы великих, гениальных людей.

Свои размышления по поводу эссе Уэллса хочу дополнить мыслями нашего соотечественника *Игоря Сикорского* (1889–1972). Мы его знаем как знаменитого авиаконструктора. Но он также писал работы философско-богословского характера (с позиций православия). Наиболее известная и крупная из них – *«Невидимая борьба»* (Invisible Encounter), вышедшая в США на английском языке в 1947 году[44]. Игорь Сикорский был современником Герберта Уэллса, следил за его творчеством. И оставил некоторые свои комментарии по поводу ряда работ, в том числе обсуждаемого нами эссе «Разум на конце натянутой узды».

Игорь Иванович констатирует, что примерно с конца 1930-х годов Уэллса уже не узнать: прежний оптимист превратился в пессимиста и апокалиптически настроенного писателя (хотя, конечно, будучи материалистом, Уэллс не относился к последней книге Священного Писания «Апокалипсис» серьезно): *«В последующие годы взгляды Уэллса коренным образом переменились. Вместо обнадеживания и оптимизма в них проявились мрачность и пессимизм».* Апогеем этого пессимизма, как отмечает И. Сикорский, явилась работа «Разум на конце натянутой узды». Она, как пишет Игорь Иванович, *«стала последним посланием этого великого человека всему человечеству. В*

предисловии Уэллс пишет: “Если таковы основы, то ему (Герберту Уэллсу) нечего больше сказать и никогда не будет чего сказать”».

Не разделяя атеистического мировоззрения Уэллса, Игорь Сикорский ни в коей мере не умаляет способностей англичанина предсказывать будущее и считает, что к его прогнозам следует относиться очень серьезно: *«Пророчества Герберта Уэллса, как и любого другого человека, могут быть ошибочны. Однако очень многие его предсказания сбылись с удивительной точностью. Поэтому нельзя оставить без внимания и это его пророчество, учитывая и ту мрачную серьезность, с которой оно было сделано».*

Сикорский задает вопрос: *«Какой же вид угрозы почувствовал Герберт Уэллс, пользуясь своей исключительно проницательной и острой интуицией?»* И отвечает за англичанина, который подошел очень близко к ответу на этот вопрос, но озвучить его не решился даже в своей последней работе. Игорь Иванович помогает англичанину сформулировать эту самую страшную угрозу: *«Я убежден, что Уэллс осознал и понял, что радикальный материализм безнадежен и что впереди его ожидает трагическое и полное крушение. Этот верный вывод сопровождается ещё и осознанием того, что радикальный материализм, стремясь к неограниченной и полной власти над судьбой человечества, заставил его признать трагичный исход таких событий. Как неверующий, он не имел доступа к Божественному руководству. Следовательно, он с желанием, одержимостью и отчаянием исследовал возможности только человеческого, материалистически настроенного интеллекта в поисках средств предотвращения надвигающейся страшной катастрофы. И, рассматривая возможности только человеческого разума и интеллекта, он пришел к правильному выводу, что из сложившейся ситуации нет выхода. Это – конец».*

Герберта Уэллса можно без натяжки отнести к представителям «Фаустовой цивилизации», описанию которой Игорь Сикорский посвятил первую главу своей книги «Незримая борьба»[45]. Да, Уэллс – один из ярких, незаурядных представителей указанной цивилизации, которую Сикорский определял как цивилизацию смерти. Герберт Уэллс не сумел вырваться из цепких лап «Фаустовой цивилизации», но оставил нам убедительные логические подтверждения того, что она действительно может стать концом земной истории человечества.

Анализ воззрений известного английского писателя Игорю Ивановичу понадобился для того, чтобы лишний раз подтвердить главную мысль своей книги: материализм (особенно в его радикальной, атеистической форме) является смертельной угрозой для человечества.

Разум на конце натянутой узды
Герберт Джордж Уэллс

Предисловие автора

Эта небольшая книга – закономерное завершение серии эссе, записок и памфлетов, в которых автор экспериментировал, предлагал поспорить и накапливал материал о фундаментальной природе жизни и времени. Относительно этих фундаментальных основ он выскажется раз и навсегда, и добавить ему будет нечего.

Основную массу прежде проанализированного можно спокойно выплеснуть в раковину лаборатории. Она либо устарела, либо отброшена.

Это относится, в частности, к большому собранию материалов, опубликованных под названием *«От 42го по 44-й»*. Они копились в течение пяти или шести лет и, наконец, ринулись в печать… Хотя автор и хотел не дать пропасть некоторым наблюдениям, он тем не менее остро осознавал, насколько предварительными все они еще были. Теперь это издание может кануть в небытие. Квинтэссенция – здесь, в этом небольшом и недорогом томе, а те документальные материалы, которые появлялись в предшественниках данного труда и которые в большинстве случаев хоть и основательны, но мало относятся к нашей фундаментальной теме – автор использует как источник для другого критического анализа, если отмерен ему еще какой-то остаток жизни. В них есть основательность, и многое пригодится для «Упадка и падения монархии и конкурентного империализма», если автор проживет достаточно, чтобы написать этот труд.

«От 42-го по 44-й» были собраны довольно поспешно из-за ошибочного медицинского заключения о жизненных перспективах автора. Среди недугов его изначально не очень здорового тела имеется ожирение сердца, которое оборвало жизнь его отца, его старшего брата и длинной шеренги их предков на протяжении многих поколений. Машина резко останавливается, и человек падает замертво, не успев ничего осознать. Вместо того, чтобы просто посоветовать следить за весом, не спеша подниматься по лестницам и избегать ненужных волнений, наши превосходные, но перегруженные работой врачи напугали его наследников советом быть в любой момент готовыми ко

всему – Бог знает зачем… Смерть всегда волновала автора лишь в той степени, чтобы успеть привести все его счета и завещательные документы в должное состояние. Его сыновья, которые понимали его лучше, чем эти профессиональные джентльмены, очень естественно и правильно поставили его в известность, но, не осознавая поразительной ограниченности медицинского профессионализма, они приняли на веру предупреждение врачей о том, что он и года не протянет. Некоторое время его единственным врачом был блестящий специалист по диабету Робин Лоуренс, который и обращался с ним как с диабетиком. Врожденное нежелание высказывать мнение за пределами своей области в сочетании с профессиональной привычкой замкнуло его уста относительно общих перспектив автора. Отсюда «*От 42-го по 44й»* был издан с ненужной торопливостью, и теперь я вновь разберу его на кусочки и использую то, что в нем было полезного.

Автор извиняется за длинное предисловие. Он напечатает эту компактную книгу как можно скорее и позаботится о том, чтобы она была выпущена по цене, которая сделает ее доступной для всех, кто захочет ее прочесть. Учитывая яростную борьбу наших реакционеров против ясных идей, может оказаться затруднительным найти достаточное количество бумаги для достаточно массового первого издания. Автор сделает все, что в его силах. Он оставляет за собой авторские права, чтобы защитить книгу от искажений и передергивания цитат, но он не сделает ничего, чтобы воспрепятствовать любому, кто будет полностью и честно цитировать любого размера фрагменты из нее. Это общее разрешение всегда может быть подтверждено письменно при обращении к автору.

I. Разуму приходит конец

Автор находит весьма веские основания полагать, что в течение периода, измеряемого неделями и месяцами, а не эпохами, произошли фундаментальные изменения в условиях, при которых жизнь, не просто человеческая жизнь, но и в целом все бытие переменилось. Сам себе удивляешься, сознавая, что выводы будут совершенно неприемлемы для обыкновенного рационального человека.

Если ход мыслей трезв и основателен, то этот мир оказался на пределе натяжения своего поводка, своей узды. Конец всего, что мы называем жизнью, близок, и его нельзя избежать. Сейчас автор излагает вам выводы, к которым реальность привела его собственный ум, и, ему думается, вас они могут достаточно заинтересовать, чтобы принять их во внимание, но он не пытается их вам навязывать. Он сделает все возможное, чтобы показать весь путь, на котором он уступил столь ошеломляющему предположению. Разворачивать всю картину придется мало-помалу, и это потребует внимательного прочтения. Он не пытается добиться вашего согласия с тем, что должен сказать. Он пишет, понукаемый своим научным воспитанием, которое обязало до предела сил и способностей искать разъяснения своему разуму и своему миру.

«От 42-го по 44-й» теперь кажется ему чисто случайным делом. Так вспоминаются крики рассерженных людей в поезде, который промчался мимо и ушел навсегда. Его возрождающийся разум обнаруживает теперь, что мы сталкиваемся со странными реальностями, настолько ошеломляющими, что он бы день и ночь сосредоточенно терзался мыслями, в смятении и умственной борьбе, об окончательной катастрофе, надвигающейся на наш вид.

Но мы совсем не такие. Какие бы ужасающие реалии ни открывались перед нами в наших ограниченных рассуждениях, наша нормальная жизнь, к счастью, состоит из личных амбиций, привязанностей, щедрости… смеси почти в каждом человеке самых узких предрассудков, ненависти, соперничества и ревности с порывами самого бескорыстного и очаровательного свойства, светлого дружелюбия, готовности самим прийти на помощь. И все это, как

ежедневная основа нашего мышления, всегда будет достаточно ярким, чтобы затмить любое устойчиво навязываемое интеллектом убеждение в надвигающейся катастрофе. Мы живем в соответствии с прошлым опытом, а не с будущими событиями, какими бы неизбежными они ни были.

Требуется огромное и сосредоточенное усилие мысли, требующее постоянных напоминаний со стороны нормального интеллекта, чтобы осознать, что космическое движение событий все более и более враждебно тому устройству нашего мышления, которым руководит повседневная жизнь. Это осознание самому автору чрезвычайно трудно в себе поддерживать. Но пока ему это удается, значимость Разума тает. Секулярные процессы теряют свою привычную видимость ментальной упорядоченности.

Слово «секулярный» автор употребляет здесь в том же смысле, что и в выражении «sescula seculorum», то есть Вечности. Он пришел к убеждению, что той связи с умом, которую человек приписывает секулярным процессам, на самом деле нет вовсе. Секулярный процесс, как он теперь видит его, полностью совпадает с такими немыслящими ритмами, как накопление кристаллического вещества в минеральной жиле или движение метеоритного потока. Два процесса шли параллельно в процессе того, что мы называем Вечностью, а теперь внезапно они расходятся друг от друга по касательной – точно так же, как комета в своем перигелии зловеще висит в небе в течение сезона, а затем устремляется прочь на века или навсегда. Человеческий разум воспринял секулярный процесс как рациональный и не мог поступить иначе, потому что он и развился как его неотъемлемая часть.

Многое из этого, между прочим, писатель изложил в маленькой книжке с громким названием «Завоевание времени», опубликованной в 1942 году «К.А. Уоттс и Компания». Такая книга скорее писалась Временем, чем Человеком. Tempus edati rerum.

«Время, вечно бегущий поток, всех своих сыновей уносит.

Они отлетают забытые как сон с наступлением дня».

Реальность предстает в холодном и суровом свете, способном оторвать разум от утешительных иллюзий нормальности и встретиться лицом к лицу с беспощадным вопросом, одолевшим автора. Такие люди обнаруживают, что в жизнь вторглась пугающая странность. Даже самые ненаблюдательные из нас теперь время от времени

испытывают некое удивление, исчезающее и мимолетное чувство, что что-то происходит и жизнь уже никогда не будет такой, как прежде.

Главным в этом ощущении становится внезапное открытие доселе неожиданного восходящего предела материальной приспособляемости. Разверните и изучите схему событий, и вы окажетесь лицом к лицу с новой схемой бытия, доселе не вообразимой человеческим умом. Этот новый холодный блеск насмехается над человеческим разумом и ослепляет его, и все же такова упрямая жизненная сила в умах, обладающих ненасытной философской тягой того, что они все так же способны даже под его холодной непреложностью искать какой-то выход из тупика или в его обход.

Автор убежден, что выхода нет ни в обход, ни напрямую. Это конец.

Его жизненной привычкой стало любопытство и критическое ожидание. Обо всем он спрашивает: «К чему это приведет?» И для него было естественным предположить, что существует предел, установленный для изменений, что новые вещи и события будут являться согласованно, сохраняя естественную упорядоченность жизни. Так что в нынешнем огромном хаосе нашего мира оставалось действительным предположение о конечном восстановлении рациональности, приспособлении и исцелении. Оставался только вопрос, восхитительный вопрос о том, какие формы примет эта новая рациональная фаза, какой Сверхчеловек прорвется сквозь преходящие тучи и смятение. На это автор и обратил свой ум.

Он по мере сил следовал за тенденциями этой восходящей спирали к новой фазе их слияния в истории жизни. Но чем больше он взвешивал открывавшиеся перед ним реалии, тем меньше ему удавалось обнаружить хоть намек на их будущее слияние. Изменения перестали быть систематическими, и чем глубже он оценивал курс, по которому они движутся, тем большим представлялось их расхождение. До сих пор события развивались в определенной логической согласованности между собой, как небесные тела удерживаются вместе известным нам законом притяжения, золотым шнуром Тяготения. А теперь похоже на то, будто этот шнур исчез, и все так понеслось куда угодно и как угодно на неуклонно возрастающей скорости.

До того предел упорядоченного секулярного развития жизни, казалось, был определенно установлен, так что можно было набросать схему грядущих событий. Но этот предел был достигнут и перешел в доселе невероятный хаос. Чем больше автор вникал в окружающую нас действительность, тем труднее становилось набросать какую-либо Схему Грядущих Событий.

Расстояния были уничтожены, события стали практически одновременными на всей планете, жизни предстояло приспособиться к этому или погибнуть. Таков был ультиматум, в котором исчезала Картина Грядущих Событий.

События теперь следуют одно за другим в совершенно ненадежной последовательности. Никто не знает, что принесет завтрашний день, но и никто, кроме современного научного философа, не может полностью принять эту ненадежность. Но и в его случае она не играет никакой роли в его повседневном поведении. Тут он полностью сливается с обычной толпой. Единственное отличие состоит в том, что в нем постоянно живет твердое, суровое убеждение в близком окончательном конце всей жизни. Это убеждение никак не сказывается на его повседневной жизни. Оно не мешает ему иметь свои повседневные привязанности и интересы, свои поводы для возмущения и так далее. Он сделан из глины, которая любит жизнь, то есть скорее готов рискнуть ею, чем уступить антагонистическим силам, которые доведут ее до самоубийства. Он был порожден волей к жизни, и он умрет, сражаясь за жизнь.

Он вторит Хенли[46]:

Пусть я ввергнут в Яму, пусть ночи покров
Накрыл меня, черный и необозримый,
Благодарю всех возможных богов
За то, что душа моя непобедима.
Там, за пределами гнева и слез,
Поднялись последнего Ужаса тени,
И все же ничто из грядущих угроз
Вовек не поставит меня на колени.

«Непокорённый»

Здесь, при всей философской ясности понимания, мы видим в его непобедимой привязанности к жизни и воле к жизни параллели с обычным большинством, которое упорно существует в этом постоянно сокращающемся СЕЙЧАС нашей повседневной жизни – совершенно не осознавая того, что делает наше существование столь тягостным, ускользающим и усиливающим нашу потребность во взаимном утешении и искупительных актах доброты. Он-то знает, но большинство просто не расположено знать и потому никогда не узнает.

Философский ум – не то, что люди называют здоровым жизнерадостным умом. «Здоровый ум» принимает жизнь такой, какой она есть, и больше не беспокоится об этом. Никто из нас не начинает жизнь философом. Мы становимся философами раньше или позже, либо умираем, не успев стать философами. Осознание ограниченности и разочарование являются началом горькой мудрости философии, а этого «здоровый ум» благодаря своему врожденному дару к бессвязной и мелочной увертливости и легковерию никогда не изведает. Он принимает заверения священника, самоуверенные заявления вождя, неправильные истолкования текста… Та же Библия – благословенна будь! – скажет вам все, что вы от нее хотите, любые старые истины, надо только выхватить подходящий вам отрывок, а еще лучше, если вы позволите выбрать подходящие отрывки своим религиозным утешителям – так, что в целом ее никто никогда и не воспринимает. В этом непобедимом невежестве тупой массы заложен ее иммунитет ко всем настойчивым вопросам недовольного ума.

Толпа никогда не узнает. Поведение мелководья, в котором она живет, движется и существует, еще в течение короткого времени будет служить материалом для того благодарного, ликующего, трагического, жалостливого или насмешливого комментария, который составляет искусство и литературу. Разум уже, возможно, на последнем натяжении своего поводка, и все же эта повседневная драма будет продолжаться, потому что она является нормальным устройством жизни и нет ничего, чем бы ее заменить.

Если допустить возможность наблюдателя из какого-то далекого, совершенно чуждого космоса, то ему вполне может представиться, что вымирание надвигается на человека подобно безжалостной громоподобной команде «Стоп!».

Но «Стоп!» никогда не приходит всеобщим ударом грома. Он приходит к этому сегодня и к тому на следующей неделе. Для оставшихся всегда сохраняется «Что дальше?». Нас может все стремительнее и стремительнее вовлекать в водоворот вымирания, но этого мы не воспринимаем. Для тех из нас, кто не умирает, в нашем мире всегда есть завтрашний день, который при всех переменах мы привыкли воспринимать его как Нормальное Бытие.

На нас надвигается жесткая новизна, выходящая за пределы того, что мы до сих пор привыкли считать определенными границами твердого факта. Твердый факт ускользает от анализа и не дается в руки.

Неслыханная странность в количественных соотношениях объема и вещества уже очевидна для современного философского анализа. Предел размера и пространства сжимается и продолжает неумолимо сжиматься. Быстрый каждодневный ход этого неумолимого маятника, новый эталон отсчета, донельзя ясно доводит до нас, что твердый факт обгоняет любой принятый до сих пор стандарт.

Мы вступаем в суровое сияние невероятной доселе новизны. Оно побивает пытливое воображение. Чем больше усилий, тем меньше удается ухватить. Чем напряженнее анализ, тем неизбежнее ощущение умственного поражения. Перед нами простыня киноэкрана. Она – настоящая ткань Бытия. Наша любовь, наша ненависть, наши войны и сражения – не более чем фантасмагории, танцующие на этой ткани, и сами по себе они бесплотны как сон. В нашем сне мы можем впасть в ярость. Мы можем проснуться в бушующем негодовании, разъяренные тем или иным неэффективным несменяемым генералом, дипломатом, военным министром или безжалостным эксплуататором наших собратьев, осуждать и обвинять его в нашем праведном гневе. *«От 42-го по 44-й год»* был составлен из такого рода вспышек. Но есть тысячи подлых, извращенных, злонамеренных, беспечных и жестоких личностей, каждый день выходящих на свет дневной, преисполненных решимости расстроить добрые намерения человека. В «Crux Ansata» ваш автор еще раз позволил себе свободно закипеть от ярости. Тем не менее это сон.

Бесчисленные «завтра», «завтра», «завтра»
Крадутся мелким шагом, день за днем,

К последней букве вписанного срока;
И все «вчера» безумцам освещали
Путь к пыльной смерти. Истлевай, огарок!
Жизнь – ускользающая тень, фигляр,
Который час кривляется на сцене
И навсегда смолкает; это – повесть,
Рассказанная дураком, где много
И шума и страстей, но смысла нет[47].

Сон проходит, и вскоре становится смутным, неясным, искаженным и, наконец, навсегда забытым.

В самом начале повествования нашего идиота мы открываем жизнь как стремление к существованию настолько сильное, что каждая форма, которую она принимает, имеет тенденцию увеличиваться в размерах и количестве, питаться и перерастать свой запас пищевой энергии. Группы или совокупности отдельных особей возрастают не только в числе, но и в размерах. Идет междоусобная борьба за существование. Более крупные совокупности или отдельные особи устраняют меньших и потребляют все больше и больше. Запасы их пищи истощаются, и возникают новые формы, способные потреблять материал, который более примитивные не были приспособлены усваивать.

Так открывается новая фаза в развитии истории бытия. Рассказ нашего идиота – не рассказ о вчерашнем дне в том смысле, в котором мы, краткая случайность в истории жизни, привыкли воспринимать вчерашнее. Он охватывает все три миллиарда лет Органической Эволюции. На всем ее протяжении мы наблюдаем одно и то же зрелище существ, истощающих свои средства существования и выталкивающих своих собратьев из нормального образа жизни в странные места обитания, с которыми они никогда бы не смирились, если бы не это стремление жить во что бы то ни стало и любой ценой, а не умирать.

В течение длительных периодов времени в нашей пространственно-временной системе существовал баланс жизни между различными видами, и их ненужные мутации устранялись. Однако в случае заметного числа доминирующих видов и родов их

разрастание привело не только к превышению численности над возможностями пропитания, но и, в случае менее архаичных форм, с которыми мы более знакомы, к потере приспособляемости из-за избыточного роста в размерах относительно способности к изменчивости. Чем больше они доминировали, тем больше оставались прежними.

Непрерывные колебания нормального бытия во времени и его непрекращающиеся мутации столкнули каждую из этих находящихся на грани, гипертрофированных и неустойчивых доминирующих групп с альтернативой либо приспосабливаться, чтобы расширить свой ареал, либо быть замещенными группами и видами, более приспособленными к меняющемуся облику существования. Например, космические и внутрипланетарные сокращения нашей Вселенной (которые все являются частью процесса Времени) порождали повторяющиеся фазы то всемирной «влажной грязи», то вновь исчезновения больших объемов воды из иссушенного мира земли. Солнце – переменная звезда, но мы не можем точно вычислить значения ее перемен. По прецессии равноденствий определяется смена и последовательность наших времен года.

Все та же нарастающая несогласованность во Вселенной, которую мы рассматриваем как нечто реальное, становится все более и более явной. Приспособиться или погибнуть всегда являлось непреложным законом жизни во всей этой постоянно усиливающейся нестабильности, и закон этот все больше насмехается над нами по мере того, как ширится расхождение между тем, что наши отцы имели обыкновение называть Порядок Природы, и новой суровой и непримиримой враждебностью к нашей «личной» Вселенной, ко всему нашему.

Наша вселенная – это наивысший компас нашего разума. Это замкнутая система, которая возвращается в себя. Это замкнутый пространственно-временной континуум, который теперь, когда неведомая сила, породившая его, наконец обратилась против него, завершается тем же стремлением к существованию, с которого он начинался. «Сила», – написал автор, потому что трудно выразить то непознаваемое, которое, так сказать, обратило свое лицо против нас. Но мы не можем отрицать эту угрозу тьмы.

Но и «Сила» неудовлетворительный термин. Нам нужно выразить нечто совершенно вне нашей «вселенной», а «Сила» предполагает что-то внутри этой вселенной, борющееся против нас. Ваш автор опробовал целый ряд слов и фраз и отвергал каждое по очереди, «X» привлекательно, но возникает ассоциация с уравнением, разрешимым в понятиях конечного бытия. «Космический процесс», «Запредельное», «Неизвестное», «Непознаваемое» – все это тянет за собой несостоятельные смыслы. «Антагонизм» сам по себе слишком усиливает идею позитивной вражды. Но если мы вернемся к структуре греческой трагической драмы и представим жизнь как Протагониста, сопровождаемого бесстрастным хором и возможностью перемен в его роли, мы получим нечто, удовлетворяющее нашим запросам. «Антагонист», таким образом, в этом строгом смысле, является термином, который настоящий автор будет использовать для обозначения той неизвестности, которая благодушно и долго, по нашему счету времени, терпела жизнь, а теперь обернулась против нее, чтобы со всей безмятежностью стереть с лица земли.

По мере того, как наши умы все с большим любопытством исследовали пространственно-временной континуум, которым обрамлена драма эволюции, они открывали один парадокс за другим за правдоподобной личиной «нормального» Бытия.

Ураново-свинцовая, атомная загадка, к которой мы еще обратимся, является лишь одним из последних среди несуразных и трудных вопросов.

Например, лишь недавно нам открылось, что существует предел скорости. Самая высокая скорость,

с которой может двигаться что-либо, – это скорость света. Возникло остроумное предложение сравнить наш нормальный мир с трехмерной системой, падающей на этой скорости сквозь четвертое измерение. Но это четвертое измерение, через которое она падает, подразумевает, что что-то остается от пространственно-временного континуума, в котором находится наша «вселенная». Но ведь этот пространственно-временной континуум и есть наша «вселенная». И это все так же оставляет нас с нашим эволюционным процессом и всем остальным в рамках нашей системы.

Пытливый скептицизм философского анализа автора пришел к тому, что Антагонист – это непреодолимая для него реальность. Но

ведь по всей земле с незапамятных времен интроспективные умы, умы размаха задумчивого Шекспира, питали отвращение к потрясениям, досадам и мелким унижениям жизни и находили убежище от них и от страшной мысли о неотвратимости конца всему в уходе в мистику. В целом человечество проявляло терпимость, сочувствие и уважение таким уходам. В этом есть специфически человеческий фактор: повторяющийся отказ удовлетвориться нормальным реальным миром. Вопрос «Это все?» волновал бесчисленные неудовлетворенные умы на протяжении веков, и, представляется, он звучит и сейчас, когда натянулась наша привязь, вопрос все такой же безответный и настойчивый.

Для таких смущенных умов мир нашей повседневной реальности – не более чем относительно занимательная или печальная история на киноэкране. Сюжет достаточно связный; он сильно волнует их, и все же они чувствуют, что это подделка. Подавляющее большинство зрителей принимают все условности сюжета, полностью становятся его частью, живут, страдают, радуются и умирают в нем и вместе с ним. Но скептический ум твердо говорит: «Это заблуждение».

«И золотые парни и девушки должны, как трубочисты, снисходить в прах».

«Нет, – говорит наша врожденная жилка протеста, – за прахом все же что-то есть».

Но есть ли?

Нет никаких оснований утверждать, что есть. Даже скептический ум способен переоценивать полноту своего скептицизма. Как мы теперь обнаруживаем, оставался большой простор для сомнений.

Чем суровее наше мышление, тем яснее становится, что повозки Времени влекут этот прах в мусоросжигательные печи, и там ему приходит конец.

До сих пор повторение казалось основополагающим законом жизни. Ночь сменяла день, а день – ночь. Но в этой странной новой фазе существования, в которую переходит наша Вселенная, становится очевидным, что повторений больше нет. Они уходят все дальше и дальше в непроницаемую тайну, в безмолвную беспредельную тьму, против которой упрямая настойчивость наших неудовлетворенных умов может бороться, но будет бороться только до тех пор, пока не будет полностью побеждена.

Наш мир самообмана ничего этого не признает. Он так и сгинет, глупо отводя глаза. Это похоже на морской караван, затерявшийся во тьме у неизвестных скалистых берегов… Пираты ссорятся в кубрике, а дикари карабкаются по бортам кораблей, чтобы грабить и творить зло, как им заблагорассудится. Вот вам главные черты все более путаной картины на нынешнем киноэкране. Ум, близкий к истощению, все еще предпринимает последние тщетные попытки найти «выход – в обход или насквозь».

Это наибольшее, на что сейчас способен ум. Этот его последний выдыхающийся порыв должен продемонстрировать, что дверь закрывается за нами навсегда.

Нет никакого выхода, ни в обход, ни насквозь.

II. Ум ретроспективен до конца

Автор уже провел различие между его очень прерывистыми и специализированными периодами философских поисков и нормальными интересами его жизни. Он остается всего лишь еще одним муравьем, хотя и укрепленным в своем стоическом приятии редким и особенным видением. Но массы наших собратьев не имеют такого видения, которое бы их укрепляло, и мы должны приводить наше повседневное поведение в соответствие с ними.

Существуют большие неоднозначные массы муравьедов, чьи лидеры, не в силах уразуметь, что происходит, прибегают к самым злым и зловредным магическим искупительным жертвам, чтобы отвратить скорбную судьбу, надвигающуюся на всех нас. Процветают обличения, в которых старые предрассудки смешиваются с новой жестокостью. Несчастный муравей, вовлеченный в эти мельтешащие массы, делает все возможное, чтобы сохранить свою веру в тех, кому он вверил себя. Так что он вполне может прожить с этим до самого конца. Порой, возможно, он будет испытывать неловкость и смущение, но он и его товарищи в основном будут поддерживать атмосферу тщетной доблести, убеждая самих себя и друг друга, что вскоре прежняя игра возобновится, а все нынешние потрясения сгинут как сон. Но прежде, чем он достаточно проснется, чтобы рассказать свой сон о восстановившемся мире, он забудет этот сон и навсегда уйдет в небытие.

III. Нет никакой «Модели Грядущего»

Наша вселенная не просто обанкротилась. Дивидендов не осталось вообще. Она не просто ликвидировалась; она полностью исчезает из существования, не оставляя после себя ни единой трещины. Попытка проследить какую-либо закономерность абсолютно бесполезна.

Это принимает философский ум, когда он поднимается до вершин философии, но для тех, кому не хватает этой устойчивой умственной опоры, сами перспективы, открывающиеся при таких мыслях, настолько невыносимы и настолько пугающи, что они не способны ни на что иное, кроме как ненавидеть, отрицать, насмехаться и преследовать тех, кто их выражает, и искать успокоения и надзора у таких убежищ веры и утешения, которые раболепный, преследуемый страхом ум изобретал для себя и других на протяжении веков.

Наш обреченный муравьед беспомощен перед безмятежным Антагонистом, пинающим или разносящим наш мир на куски. Терпите или пытайтесь увильнуть, конец будет тем же самым, но попытки увиливания приводят в лучшем случае к беспомощности, а в большинстве случаев к слепому повиновению эгоистичным лидерам, фанатичным преследованиям, панике, истерическому насилию и жестокости.

В конце концов, у вашего автора нет веских аргументов, чтобы убедить читателя, что он не должен быть жестоким, подлым или трусливым. Такие черты в значительной мере присущи и ему самому, но тем не менее он ненавидит их и борется с ними изо всех сил. Он предпочел бы, чтобы наш вид закончил свою историю с достоинством, добротой и великодушием, а не в пьяном трусливом оцепенении или подобно отравленным крысам в мешке. Но это вопрос индивидуальных предпочтений – тут каждый решает сам.

IV. Последние постижения природы жизни

Ряд событий заставляет разумного наблюдателя осознать, что человеческая история уже подошла к концу и что Homo sapiens, как ему понравилось называть себя, в своем нынешнем виде отыгран. Звезды на своих путях обратились против него, и он должен уступить место какому-то другому животному, которое сумеет лучше приспособиться к тому, что все быстрее и быстрее надвигается на человечество.

Это новое животное может быть и совершенно для нас чужим, и новой модификацией гуманоида, и даже прямым продолжением человеческого рода, но это, конечно, не будет человеком. Для Человека нет другого выхода, кроме как двигаться круто вверх или круто вниз. Приспособиться или погибнуть – вот, как всегда, неумолимый императив природы.

Для многих из нас эта грубая альтернатива «вверх или вниз» крайне неприятна. Силы, развившие нас в длинной череде живых существ, наделили нас упорством самоутверждения, которое восстает против самой идеи уступить место крысам или грязным прилипчивым чудовищам, которые погубят нас стрептококком. Мы хотим присутствовать при смерти Человека и иметь право голоса в выборе Владыки Творения, который бесповоротно его заменит, даже если, подобно «случаю Эдипа», первым актом этого преемника станет отцеубийство.

По всей планете рассеяны следы и достижения Человека, и от большинства из нас требуется напряженное умственное усилие, чтобы понять, что это широкое распространение человеческих продуктов – дело последних ста тысяч лет. Радиоактивные вещества и процесс радиораспада должны были начаться в Солнечной системе около трех тысяч миллионов лет назад, и они прекратились задолго до того, как жизнь на Земле стала возможной. Вот что говорит доктор Н. Х. Перо из Кавендишской лаборатории в Кембридже в «Chemical Prodacis», том 7, номера 11–12, за сентябрь-октябрь 1944:

«Все радиоактивные виды являются «естественными» в том смысле, что на какой-то ступени космической эволюции они должны

были возникнуть и, вероятно, еще возникают в недрах более горячих звезд, где они все еще возможны, условия для их возникновения – но эти условия не возникали на Земле со времени ее отделения от Солнца, и потому мы как жители Земли традиционно считаем «естественными» только те радиоэлементы, которые найдены на нашей планете и которые пережили период в несколько тысяч миллионов летс момента разделения».

После этого планета стала возможной средой обитания для этого странного пришельца – жизни. Мы не знаем, с какой скоростью и на каком расстоянии она тогда вращалась вокруг Солнца, когда обрела свой спутник-Луну, вращение которой замедлялось приливной волной, пока она не повернулась одной стороной к своей матери-Земле навсегда. Так что лунный месяц – это лунный день. Наша собственная планета, должно быть, претерпела такое же замедление по отношению к Солнцу, так что ранние годы и века жизни на Земле промчались со скоростью, несоизмеримой с последними сознательными веками. Машина ехала с ослабленными тормозами. И когда-то в этой безудержной фазе, под прикрытием плотного облачного полога пара, началась серия ритмов, которые мы называем жизнью. Ни в неизменной темноте морских глубин, ни в неумолимой сухости суши не было никаких возможностей для ее зарождения. Эти условия, как указал профессор Дж. Холдейн[48] в одной из своих замечательных популярных статей, могли быть обретены только в приливном поясе. Свет следовал за тьмой, и тьма за светом, и жизнь, эта своеобразная пульсация материи, зародилась. Палеонтолог находит в летописи камня признаки безжизненного периода неизвестной продолжительности, прежде чем солнечный свет по-настоящему проник сквозь завесу пара и положил начало процессу, называемому жизнью.

Последовательность этих первоначальных ритмов до сих пор неясна. Они были элементарны, так что их ближайшие аналогии следует искать в микроскопических тканевых составляющих современной жизни или в поверхностных морских водах. В изобилии распространялись диатомовые водоросли и им подобные, и на каком-то очень раннем этапе благоприятная мутация произвела зеленое вещество, хлорофилл, который под воздействием солнечного света производил квази-постоянное «заразительное» соединение, пока свет

на него падал. И тут летопись камня резко переходит от безжизненности ко множеству форм приливной зоны.

Эти формы во всем своем многообразии проявляют одно общее свойство, энергичную жизненную силу, стремление утвердить свое существование. Они демонстрируют в грубом зачатке ту «борьбу за существование», которая стала фундаментальной основой истории жизни. Довольно рано это живое вещество распадается на отдельные фрагменты, которые могут встречаться в разных обстоятельствах и выживать в одном месте, если даже другие высыхают или иным образом погибают в другом. Эти примитивные индивиды представляются свободными от любых побуждений к конфликтам и с пищей, которую они поглощают, и друг с другом. Если они встретятся, то поплывут вместе и снова расстанутся, явно «омоложенные» встречей. Это омоложение происходит без каких-либо половых различий. Это дело между равными.

Но установление различий между индивидуумами так, чтобы одна группа специализировалась на приключениях, экспериментах и в итоге смерти, в то время как другая продлевала вид до бесконечности, началось очень рано в истории жизни. Подавляющее большинство многоклеточных существ на нашей планете начинаются и заканчиваются как оплодотворенные яйцеклетки. Некоторые распускаются из бутонов и почек; некоторые размножаются черенками, партеногенезом (как у зеленой мухи) или схожим образом, но подобные способы размножения оставляют вид неизменным, неспособным приспосабливаться и уязвимым, и рано или поздно остро встанет вопрос выживания, и тогда должно произойти возвращение к оздоровлению и изменению мужских и женских ролей, как они уже зафиксированы в их нынешнем виде в самых ранних главах палеонтологической летописи.

Существуют большие подвижки в половых отличиях даже у одного и того же вида в соответствии с меняющимися императивами жизни. Мало кто из нас задержится, чтобы рассмотреть пол тигра или тигрицы, когда мы сталкиваемся с ними на свободе, но и пол проходящей мимо кошки, или кролика, или ежика, или волка в стае, или мухи, или ящерицы нам отнюдь не будут очевидны.

Даже у Homo sapiens половые признаки сегодня гораздо менее заметны, чем сто лет назад. Больше никто не подчеркивает талии тугой

шнуровкой. Точно так же, как исчезло таинственное потакание вторым подбородкам. В этом освобождении велосипед сыграл свою роль. Девочка-подросток храбро отправлялась покататься на новой игрушке, когда ее бабушка предпочла бы отдохнуть в постели, и от этого ей становилось только лучше. При любом потрясении наши прабабушки «падали в обморок», но кто когда-нибудь слышал, чтобы сегодня женщина упала в обморок? Теперь мужчины падают в обморок чаще, чем женщины.

За короткий период, на протяжении жизни немолодого человека, отношения полов в британском обществе, возрастные отношения в браке сильно изменились, произошло и социальное переустройство, вытекающее из этих изменений. Раньше немолодые мужчины брали себе молодых жен; теперь мир полон молодых пар, и исключительно редко встретишь морозный январь, женатый на цветущем мае. Маятник может и качнуться назад. А может, мы сейчас наблюдаем вовсе не качание маятника. Сознательно плановое законодательство, нехватка продовольствия и тому подобные экономические процессы, волны споров за или против материнства, патриотическое чувство или недостаток его, прирожденная влюбчивость в сочетании с желанием выстроить постоянные отношения на основе еще и общих интересов, гордость за физически и умственно полноценных детей могут сыграть неоценимую роль в создании нового человечества, способного адаптироваться к вихрю предъявляемых нам императивов настолько, чтобы досмотреть историю жизни на Земле до ее конца.

Различные религиозные организации утверждают, что они защищают «институт семьи». Они не делают ничего подобного. Семья существует с тех пор, как животные начали размножаться. Они спариваются и расходятся, чтобы защитить и вырастить своих детенышей. Но вмешательство священников запятнало эти чистые и простые отношения, осуждая еще нерожденных детей как якобы «зачатых во грехе», провозглашая отношения вне законного брака позорными и скрывая от молодых людей все о фундаментальных фактах и возможностях семейной жизни до поры, когда им становится слишком поздно извлекать пользу из своих знаний.

V. Расовое самоубийство гигантизмом

Человеческий индивид достигает очень большого возраста относительно жизней окружающих его существ. Радиевые часы показывают, что максимальный период жизни на Земле гораздо меньше десяти и, вероятно, даже меньше пяти миллиардов земных лет. В течение всего этого периода происходила постоянная смена форм, господствующих на сцене. Каждая доминировала, и каждая в свою очередь была вытеснена, отпихнута в сторонку и заменена иной формой, лучше приспособленной к изменяющимся обстоятельствам жизни. Каждая подчинялась неким неизбежным законам, которые, казалось, были заложены в самой природе вещей.

Первым из этих законов был императив агрессии. «Да будешь!» означало «живи!», и живи настолько изобильно, насколько возможно. Живите дольше, чем ваши братья, становитесь больше, пожирайте больше. В прежние времена этот императив не был ограничен никаким побуждением к взаимной помощи против общего конкурента. Таким образом, большие особи съедали пищу маленьких, если не съедали их самих, и становились все больше и больше. В летописи камня в конце каждой главы всегда фигурируют гигантские особи.

Планета вращается, климат меняется, старый переросший Владыка Творения перестает пребывать в гармонии со своим окружением. И он должен уйти. Обычно, но не всегда, ему на смену приходит какая-то совершенно иная форма жизни. Или, подобно акулам, вид может сокращаться в численности до тех пор, пока не уравновесится с запасами пищи, и тогда, если природа не изобретет в свое время никакой альтернативы ему, он может вернуться к своему прежнему изобилию. Акулы и им подобные яростно живут и умирают, и от них не остается никаких окаменелостей. Мы знаем об огромных современных водоплавающих акулах и им подобных. Возможно, они выросли до своих нынешних размеров совсем недавно, а возможно, они стали такими много веков назад – как только появилось достаточно рыбы, чтобы ее сожрать. Нам остается только гадать.

VI. Скороспелое созревание – метод выживания

Природа в своей слепой игре с возможностями жизни внесла некоторые неожиданные новшества, ускорив оплодотворение и созревание яйцеклетки относительно других фаз жизненного цикла. Мы должны всегда иметь в виду в этих вопросах, что мы наследуем именно полный жизненный цикл, а не какую-то фиксированную взрослую форму. Природа раз за разом удаляла из протоколов взрослую форму, полностью стирала ее, сделав некую личиночную стадию половозрелой формой.

На одной из ранних стадий протокола Властелинами Творения были эхинодермы, морские звезды им подобные, с их звездчатой структурой. Во взрослом состоянии они почти не могли передвигаться, и многие, подобно криноидам, прирастали к скалам. Среди других звездчатых форм туникаты обратились к производству целлюлозы и стали почти растениями по своему образу жизни. Они сбрасывали свои оплодотворенные яйца в воду, и их распространению в значительной степени способствовало развитие вспомогательных структур, которые придавали жесткость дрейфующим личинкам и самостоятельный импульс их движению. Костяк этих странников окрестили «хордой», и все «от и до» формы жизни, предшественниками которых они были, называются хордовыми, в противоположность ряду форм без хорд, морских звезд, морских ежей, морских огурцов и так далее, тех – которые до тех пор были Властелинами Творения. Весь огромный мир обладающих хребтом животных, включая нас самих, обязан своим существованием этой причуде природы. К этому не было никаких причин. Так просто произошло.

Хорда есть на этапе развития у всех позвоночных животных, но во всех высших формах она замещается хрящевым костным веществом. На всю жизнь она остается у миксим и миног, и в виде миног она попадает к нам на столы.

VII. Антагонизм возраста и молодости

Автор принимает эти факты природы со спокойствием и никак иначе. Но он не верит, что какой-нибудь молодой человек, моложе, скажем, как максимум, тридцати пяти лет, примет их в том же духе. Поскольку приблизительно до такого возраста каждый молодой человек находится в конфликте с мирозданием и стремится утвердить в нем свою волю. Он должен быть совсем лишенным жизненных сил существом, чтобы быть готовым сдаться и «принять вещи такими, какие они есть».

Но вашему автору уже семьдесят девять лет; он жил весело и богато. Как и Лэндор[49], он согрел обе руки у огня жизни и теперь, когда он все больше становится немощным инвалидом, готов уйти. Он ждет своего конца, наблюдая за человечеством. Ждет, все так же жаждущий найти полезное применение своему накопленному опыту в наши времена душевного смятения, но без того безудержного порыва выяснить отношения с жизнью, который является необходимой частью характера любого нормального молодого человека – и мужчин, и женщин.

Каждый человек старше зрелых лет находится в том же положении, что и автор. Когда-то он сделал себя сам. С тех пор он и все старшее поколение просто разрабатывали и развивали, в большинстве случаев с определенной энергией, те формы мышления, в которые уже были отлиты их убеждения. Он склонен думать, что его постоянный интерес к биологическим наукам, наверно, поддерживал его в более тесной связи с живой реальностью, чем политиков, денежных спекулянтов, богословов или бизнесменов, но это ничего не значит в смысле преодоления пропасти между пожилым человеком и молодым. Мы, старики, смотрим с надеждой или злорадством, ревниво или великодушно, но можем оставаться лишь зрителями. Мы жили, по сути, сорок с лишним лет назад. Сейчас живут молодые, и вся надежда только на них.

VIII. Новый взгляд на летопись камня

Вращение Земли вокруг своей оси и по орбите замедляется. Все, открытое за последние годы, подтверждает мысль, что, измеренная точнейшими радиевыми часами, наша оценка продолжительности ранних эпох летописи камня должна быть довольно значительно сокращена по сравнению с кайнозойским периодом. Формы остаются теми же, но изменяются пропорции. Это замедление движения может быть, а может и не быть постоянным. Автору представляется более вероятным, что оно постоянно. Мы не знаем. По-видимому, в те безудержные времена условия выживания отдельных особей и видов колебались очень быстро и размашисто.

Одно можно сказать наверняка. В огромном количестве накопленных фактов ни разу не попадается ни одного, который бросил бы тень сомнения на то, что до сих пор называют «теорией» органической эволюции. Несмотря на яростные отрицания набожных людей, ни один рациональный ум не может подвергнуть сомнению неопровержимую природу эволюции. Есть замечательная маленькая книжечка А. М. Дэвиса, «Эволюция и ее современные критики», в которой все полностью и убедительно подытожено. Плохо информированный читатель должен обратиться к ней.

Как сейчас представляется, замедление жизненной активности Земли есть факт. Годы и дни становятся длиннее; человеческий разум все так же активен, но гонится за изобретением средств уничтожения и смерти.

Автору мир видится пресыщенным, лишенным восстанавливающей силы. В прошлом ему нравилось верить, что Человек сможет вырваться из своих пут и начать новый творческий период жизни человечества. Перед лицом всеобщей неадекватности этот оптимизм уступает место стоическому цинизму. Старики ведут себя по большей части подло и отвратительно, а молодые издерганы, глупы, и все в целом слишком легко поддаются обману. Человечеству предстоит двинуться либо круто вверх, либо круто вниз, и все шансы, кажется, в пользу круто вниз и исчезновения. Если же оно пойдет вверх, то от него требуется такая большая адаптация, что человеку

предстоит перестать быть человеком. Обычный человек уже до предела натянул поводок. Способно выжить только высоко адаптирующееся меньшинство вида. Остальным не стоит и волноваться, надо лишь подыскать себе виды опиума и утешений, чтобы успокоить разум. Давайте же завершим это рассуждение о последней фазе истории жизни обозрением видоизменений человеческого типа, происходящих в настоящее время.

Приматы появились как лесные существа из числа групп насекомоядных. Они вели древесный образ жизни. Среди ветвей они обрели остроту зрения и соответствующую мускулатуру. Они были общительны и жили сытно и вольготно. Затем, по мере обычного увеличения размеров, веса и силы, им волей-неволей пришлось спуститься на землю, теперь уже достаточно большими, чтобы превзойти, победить и перехитрить и более крупных плотоядных лесного мира. Их полупрямой способ передвижения позволял им выпрямляться и бить своих противников палками и камнями, что стало неслыханным усилением мощи, ранее заключавшейся только в зубах и когтях. Но к тому времени их взаимное дружелюбие стало угасать, потому что они теперь нуждались в широких областях пропитания. Маленькие исчезали, уступая большим, согласно освященному веками образу жизни. Человекообразные обезьяны до высокого уровня развили институт частной семьи. В развитие этой линии мы и получаем сегодня гориллу, шимпанзе и орангутанга.

Но в период сокращения лесов оказавшиеся за пределами лесных районов приматы подверглись другим испытаниям. Вокруг них были травяные равнины и засушливые степи. Запасы растительной пищи сократились. Мелкая дичь и в целом мясо становились все более важной частью рациона. Как всегда, была альтернатива: «Приспособиться или погибнуть». От всемирного истребления приматы были счастливо спасены появлением их новых разновидностей. Они стали более прямоходящими, чем лесные обезьяны; они бегали и охотились, и оказались достаточно умны, чтобы объединяться ради охоты.

Эти быстрые наземные обезьяны были Гоминидами, голодными и свирепыми животными. Поскольку они обитали на открытом воздухе и обладали достаточным умом, чтобы не тонуть то и дело, окаменелые следы их присутствия немногочисленны и разрозненны. Но их

достаточно. Если от них почти не осталось их собственных костей, то осталось немало их орудий. Прямохождение освободило руку и глаз для более тесного сотрудничества. Эти животные общались с помощью грубых звуков. Они научились использовать палки и камни. Они отбивали острые куски от больших камней, и, когда искры попали в сухие листья, вокруг которых они сидели на корточках, вдруг появился красный цветок огня. Он показался им таким ласковым и знакомым, что они не испугались. До тех пор ни одно другое живое существо не видело огня, кроме как во время панического бегства от него при больших пожарах. Огонь преследовал безжалостно. Медведи, даже пещерные медведи, стремглав убегали от огня и дыма. Гоминиды, напротив, сделали из огня друга и слугу. При нападениях замерзших или плотоядных врагов они забирались в пещеры и подобные укрытия и поддерживали огонь в домашних очагах.

Вот так, когда последовало несколько самых холодных фаз ледниковых периодов, эти огромные квазичеловеческие громилы взяли верх. С грубыми криками и жестами они охотились и убивали. Взрослые особи были гораздо крупнее и тяжелее людей. Неуклюжие руки, вытесывавшие нижнепалеолитические орудия, были больше любой человеческой руки. Искусные каменотесы могут повторить относительно тонкие орудия верхнепалеолитических людей с величайшим успехом, но повторить нижнепалеолитическое орудие так же трудно, как «недочеловеческий» эолит. Орудие нижнего палеолита – сердцевина огромного кремня; более позднее орудие людей – отколотый от этого кремня плоский осколок.

Существо, называемое Homo sapiens, очень мощно выдвигается из среды более ранних Гоминидов, как еще один из тех возвратов жизненного цикла к инфантильной и биологически более гибкой форме, играющей столь важную роль в пестрой истории живых существ. Он не является эквивалентом неуклюжего взрослого гейдельбергского человека или неандертальца. В своей начальной фазе он – экспериментальный, игривый, обучаемый, не по годам развитый ребенок, все еще подчиняющийся общественной иерархии, но сексуально уже взрослый. Постоянно меняющиеся условия жизни все меньше и меньше были терпимы к грубой и властной окончательной взрослой фазе, и она была вычеркнута из цикла. То, что первобытный взрослый Homo исчезает и уступает место более ювенильному типу –

мы видим отчетливо, но ступени и способы перехода все еще остаются открытыми для догадок. Все разновидности Homo sapiens скрещиваются, и, возможно, было непрерывное скрещивание и с более ранними видами рода. Интервалы изоляции, возможно, породили неандерталоидные, негроидные, светлые, темные, высокие и низкие местные вариации, все так же способные к скрещиванию – точно, как собаки породили бесконечные породы, которые могут и будут смешиваться при любом удобном случае. Семьи и племена могли воевать друг с другом, и в победителях растворялись их отличительные черты, когда те спаривались с плененными женщинами. Сравнительная антропология медленно распутывает историю того, как теперь уже ненужный первобытный взрослый Homo исчез, оставив в качестве своего преемника похожего на ребенка Homo sapiens, который в своих лучших проявлениях любопытен, обучаем и экспериментирует от колыбели до могилы.

Эти слова – «в своих лучших проявлениях» – и составляют суть данного раздела. Вполне возможно, что существуют широкий спектр умственной приспособляемости современного человечества. А возможно, масса современного человечества не так восприимчива к свежим идеям, как более молодые, более детские умы прежних поколений, и также возможно, что устойчивое образное мышление не развилось настолько, чтобы идти в ногу с расширением и усложнением человеческих обществ и организаций. Это темнейшая из теней, падающих на надежды человечества.

Но мой собственный темперамент, как я уже сказал, неизбежно приводит меня к сомнениям в том, найдется ли такое небольшое меньшинство, которое успешно доживет до неизбежного конца всей жизни.

---

notes

Примечания

1

Герберт Джордж Уэллс. Открытый заговор. С предисловием профес
сора В.Ю. Катасонова. – М.: Издательский дом «Кислород», 2021.

2

См.: Катасонов В.Ю. Трагедия «Фаустовой цивилизации». Размышления над книгой И. Сикорского «Незримая борьба». – М.: Издательский дом «Кислород», 2021.

3

См.: Катасонов В. Империализм: метаморфозы века. Взгляд на работу В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» из XXI века. – М.: «Родная страна», 2019.

4

Как это все похоже на ту бестолковщину и панику, которая наблюдалась в Англии и других странах в прошлом году в связи с так называемой пандемией коронавируса. В декабре 2020 года десятки тысяч жителей английской столицы стали в панике покидать Лондон после решения британского премьера Джонсона об изоляции. Были спровоцированы паника на вокзалах и пробки на автомагистралях на выезде из столицы. Критики главы британского правительства с иронией поздравляют его с тем, что он вызвал «первую эвакуацию Лондона с 1939 года».

5

Великая хартия вольностей (лат. Magna Carta, также Magna Charta Libertatum) – политико-правовой документ, составленный в 1215 году на основе требований английской знати к королю Иоанну Безземельному и защищавший ряд юридических прав и привилегий свободного населения средневековой Англии. Состоит из 63 статей, регулировавших вопросы налогов, сборов и феодальных повинностей, судоустройства и судопроизводства, прав английской Церкви, городов и купцов, наследственного права и опеки.

6

«Всеобщая декларация прав человека» состоит из 30 статей и является частью Международного билля о правах человека наравне с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах и Международным пактом о гражданских и политических правах.

7

https://en.wikipedia.org/wiki/The_New_World_Order_(Wells_book)

8

Geoffrey Robertson. Crimes Against Humanity: The Struggle for Global
Justice. Alan Lane, 1999.

9

Битва за Маджуба-Хилл. 27 февраля 1881 года стала главной и решающей битвой первой англо-бурской войны. Буры одержали решающую победу. Британцы потерпели поражение, которое рассматривается как одно из наиболее унизительных поражений британцев в истории.

10

Парафраз известной французской фразы «Они ничему не научились и ничего не забыли» по поводу роялистов, надеявшихся в период Директории (1794–1799) на восстановление монархии. Фраза из письма французского адмирала де Пана к известному журналисту времен Великой французской революции Малле дю Пану.

11

Уильям Тилинг (1903–1975) – ирландский писатель и член парламента.

12

Хилер Бэллок (1870–1953) – писатель и историк англо-французского происхождения. Один из самых плодовитых английских писателей начала XX века. Был горячим приверженцем Римско-католической церкви.

13

Фрэнсис Бэкон (1561–1626) – английский философ, историк, политик, основоположник эмпиризма и английского материализма.

14

Карл Второй (1630–1685) – король Англии и Шотландии с 1660 года, старший сын Карла I и Генриетты Французской.

15

Лондонское Королевское общество – самоуправляемая частная организация, формально не связанная с деятельностью правительственных научных учреждений. Общество играет важную роль в организации и развитии научных исследований в Великобритании и действует как совещательный орган при решении основных вопросов научной политики государства.

16

Генри Кавендиш (1731–1810) – британский физик и химик. Член Лондонского королевского общества, иностранный член Парижской академии наук.

17

Джеймс Джоуль (1818–1889) – английский физик, внесший значительный вклад в становление термодинамики. Обосновал на опытах закон сохранения энергии.

18

Джеймс Уатт (1736–1819) – шотландский инженер, изобретатель-механик. Ввел первую единицу мощности – лошадиную силу. Его именем названа единица мощности – Ватт.

19

Джон Дикинсон Литтлпейдж (1894–1948) – английский горный инженер, работал в СССР с 1928 по 1937 год, а в 1930-х годах стал заместителем наркома Золотого треста СССР. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.

20

Энид Чарльз (1894–1972) – британская социалистка, феминистка и статистик, пионер в области демографии и статистики населения.

21

Роберт Рене Кучинский (1876–1947) – выдающийся немецкий демограф, экономист и статистик.

22

«Томми Аткинс» – прозвище простых солдат вооруженных сил Великобритании.

23

Намек на притчу Христа о «работниках одиннадцатого часа», кото
рые получили за свой труд столько же, сколько и работники, нанятые «в первом часу» (Евангелие от Матфея. 20; 1-16).

24

Кларенс Киршманн Стрейт (1896–1986) – американский журналист, сыгравший видную роль в движениях атлантистов и всемирных федералистов.

25

Аристид Бриан (1862–1932) – неоднократно в 1909–1931 гг. премьер-министр Франции и министр иностранных дел. Один из инициаторов проекта создания блока «Пан-Европа», Келлога – Бриана пакта 1928 г. и др.

26

Рихард Куденхове-Калерги (1894–1972) – австрийский философ, писатель, политик. Один из первых идеологов европейской интеграции, основатель Панъевропейского союза.

27

Вудро Вильсон (1856–1924) – 28-й президент США. Известен как историк и политолог. Лауреат Нобелевской премии мира 1919 года, присужденной ему за миротворческие усилия.

28

Куинси Хоу (1900–1977) – американский журналист, наиболее известный своими радиопередачами CBS во время Второй мировой войны.

29

Гарри Элмер Барнз (1889–1968) – американский историк и социолог.

30

Леонард Вульф (1880–1969) – английский политический теоретик, писатель, издатель и государственный служащий, муж писательницы Вирджинии Вулф.

31

Дэвид Любин (1849–1919) – купец и земледелец. Он сыграл решающую роль в основании Международного сельскохозяйственного института в 1908 году в Риме.

32

Альберто Сантос-Дюмон (1873–1932) – бразильский воздухоплаватель. Родился в Палмире. В 1891 переехал в Париж, где занялся конструированием дирижаблей.

33

Хайрам Стивенс Максим (1840–1916) – американский изобретатель, наиболее известен как создатель первого автоматического пулемета.

34

Джек – нарицательное имя низших сословий.

35

Пуккха-сахиб – «истинный джентльмен» в сленге хинди, так индийцы при британском владычестве называли «хозяев», которых можно уважать.

36

Non possumus (с лат. – «не можем») – формула категорического отказа; с 1529 года постоянная формула для каждого отказа папского престола последовать требованию светской власти.

37

Уолтер Бэджет, или Бэджгот (Walter Bagehot; 1826–1877) – британский экономист и политический философ, представитель манчестерской школы в политической экономии.

38

Энгельберт Дольфус (1892–1934) – австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта. Канцлер Австрии в 1932–1934 годах. Убит путчистами.

39

Уильям Джеймс (1842–1910) – американский философ и психолог, один из основателей и ведущий представитель прагматизма и функционализма.

40

В русскоязычных источниках (работах о биографии и творчестве Г. Уэллса) можно встретить другие варианты перевода названия книги: «Ум на грани», «Ум на пределе возможностей», «Разум на привязи», «Разум на конце привязи» и др.

41

Идеалистическое философское учение, отрицающее возможность познания объективного мира и его закономерностей. Также стоящее на позициях того, что нельзя доказать ни бытия Бога, ни его отсутствия.

42

См.: Святитель Игнатий Брянчанинов. Слово о смерти (1862 г.).

43

См.: Катасонов В. Лжепророки последних времен. Дарвинизм и наука как религия. – М.: Кислород, 2017.

44

Igor Ivan Sikorsky. The Invisible Encounter: A Plea For Spiritual Rather Than Material Power as the Great Need of Our Day. Charles Scribner's Sons; First edition (January 1, 1947). В настоящее время книга переведена на русский язык и с ней можно познакомиться в Интернете по ссылке: https://www.fatheralexander.org/booklets/russian/nevidimaia_borba_sikorskij.htm

45

Подробнее см.: Катасонов В. Трагедия «Фаустовой цивилизации».

Размышления над книгой И. Сикорского «Незримая борьба». – М.: Издательский дом «Кислород», 2021.

46

Уильям Хенли (1849–1903) – английский поэт, критик и издатель.

В 1875 г. в связи с осложнениями на фоне туберкулеза Хэнли ампутировали ногу. Сразу же после операции ему сообщили, что, вероятно, вторую ногу тоже придется ампутировать. Он принял решение прибегнуть к услугам выдающегося хирурга Джосефа Листера, который смог спасти ногу. Во время выздоровления он пришел к написанию стихов, которые впоследствии и стали «Непокорённым».

47

В. Шекспир. «Макбет», V, 5, перевод М. Лозинского.

48

Джон Холдейн (1892–1964) – английский биолог, популяризатор и философ науки. Один из основоположников современной популяционной, математической, молекулярной и биохимической генетики, а также синтетической теории эволюции

49

Уолтер Сэвидж Лэндор (1775–1864) – английский поэт, писавший с одинаковым совершенством по-английски и по-латыни.